

Хуайиньский технологический институт

Янь Цзин

Хань Вэйе

**СОВРЕМЕННЫЕ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ
НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Монография

Владивосток

2022

УДК 327
ББК 66.4
Я67

*Данная монография подготовлена при поддержке специального фонда
Хуайиньский технологический институт и провинция Цзянсу
(“双碳”背景下中俄能源合作转型升级路径研究, 契诃夫戏剧作品中女性形象研究,
江苏高水平对外开放路径与政策研究 JSSCL2021B033)*

Рецензент:

В.Ф. Печерица; д-р ист. наук, профессор кафедры политологии
Дальневосточного федерального университета

Янь Цзин.

Я67

Современные российско-китайские отношения и их влияние на форсирование нового мирового порядка : монография / Янь Цзин, Хань Вэйе. – Владивосток : Издательство Дальневост. федерал. университета, 2022. – 288 с.

ISBN 978-5-7444-5327-5.

DOI <https://doi.org/10.24866/7444-5327-5>.

В монографии исследуются российско-китайские отношения и их влияние на формирование нового мирового порядка. Автор рассматривает теоретические аспекты проблемы, анализируя российско-китайские отношения сквозь призму основных теорий международных отношений, места России и Китая в современной системе международных отношений. Акцент в исследовании сделан на комплексном анализе двусторонних отношений, определении их политических, торгово-экономических и культурно-гуманитарных аспектов. Отдельное внимание уделяется особенностям взаимодействия России и Китая на международной арене, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Автор представляет собственное видение основных проблем, тенденций и перспектив развития российско-китайских отношений, в том числе в контексте формирующегося нового мирового порядка.

Монография предназначена для студентов аспирантов, исследователей, преподавателей, специалистов, занимающихся вопросами современных российско-китайских отношений.

The monograph examines Russian-Chinese relations and their influence on the formation of a new world order. The author examines the theoretical aspects of the problem, analyzing Russian-Chinese relations through the prism of the main theories of international relations, the place of Russia and China in the modern system of international relations. The emphasis in the study is on a comprehensive analysis of bilateral relations, the definition of their political, trade, economic, cultural and humanitarian aspects. Special attention is paid to the interaction between Russia and China in the international arena, both at the bilateral and multilateral levels. The author presents his own vision of the main problems, trends and prospects for the development of Russian-Chinese relations, including in the context of the emerging new world order.

The monograph is intended for graduate students, researchers, teachers, specialists dealing with issues of contemporary Russian-Chinese relations.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7444-5327-5

© Янь Цзин, Хань Вэйе, 2022

© Оформление. ФГАОУ ВО ДВФУ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РОЛЬ РФ И КНР В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ.....	16
1.1. Теоретические аспекты формирования нового мирового порядка.....	16
1.2. РФ в международных отношениях в XXI веке	47
1.3. Роль КНР в формирующемся новом мировом порядке	61
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	82
2.1. Политические аспекты взаимодействия РФ и КНР	82
2.2. Тенденции развития торгово-экономического сотрудничества... ..	100
2.3. Особенности развития культурно-гуманитарного сотрудничества	126
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	147
3.1. Отношения между Россией и Китаем на современном этапе в контексте формирования нового мирового порядка	147
3.2. Взаимодействие РФ и КНР в рамках многостороннего сотрудничества	167
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА.....	206
4.1. Основные проблемы российско-китайских отношений.....	206
4.2. Перспективы развития взаимодействия РФ и КНР	226
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	254
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	260

总序

淮阴工学院外国语学院前身是 1984 年成立的淮阴工业专科学校英语教研组，迄今已有近 40 年的办学历史，现设有英语、商务英语、翻译和俄语四个本科专业，其中英语专业为省一流专业建设点，外国语言文学为校一级重点建设学科。

淮阴工学院外国语学院目前在校本科生总数为 822 人。现有教职工 89 人，其中教授 5 人，副教授 33 人，硕士生导师 11 人，博士（生）29 人。拥有江苏省高校首批外语信息化教学示范基地、张纯如中外人文交流研究中心、语言文化研究中心、翻译研究中心、语音综合实验教学与研究中心和外语语言培训中心等教学科研机构。

近 40 年来，淮阴工学院外国语学院教职工秉承“为中华之崛起而读书”的校训，弘扬“明德尚学、自强不息”的准工精神，聚焦重点、突出特色、深化内涵，围绕英汉语言对比、翻译理论与实践、英美文学、二语习得、俄罗斯语言文学等方向开展深入研究，并取得了丰硕成果。近五年来，学院获批省一流课程 1 门、省在线课程 1 门，校在线课程 8 门；获省重点教材立项 4 部、校重点教材立项 6 部；教师共发表学术论文 184 篇，出版教材、著（译）作 15 部；先后承担教育部人文社科项目 1 项，省部级科研项目 12 项，市厅级项目 77 项，获市厅级科研教学奖励 12 项。

为迎接党的二十大胜利召开，立足新时代，担当新作为，淮阴工学院外国语学院进一步完善学科布局，出台一系列规章制度，繁荣学术氛围，以优异的学术成果向党的二十大献礼。我们决定推出《新时代外国语言文学与文化研究系列丛书》，展现淮阴工学院外国语学院学术研究最新成果，向学界汇报最新的研究发现，以通过交流互鉴而不断成长。

本套丛书呈以下三个特点：

一是学科覆盖领域丰富多元。丛书的学科研究涉及文学、语言学、翻译学等研究领域。文学方面有于敏博士的《互文重写：从中世纪浪漫传奇到哈利·波特》，尝试建构从经典文学到通俗文学的互文重写理论框架，以当代英国奇幻文学的经典作品为案例，讨论通俗文学中的文化传统承继与当下现实意义；有郁敏副教授的《杰克·凯鲁亚克“垮掉”哲学研究》，从自由哲学、爱之哲学、救赎哲学与生态哲学四个方面探讨以凯鲁亚克为代表的美国“垮掉的一代”重精神生活轻物质主义、无所畏惧、勇于探索又心怀悲悯的“垮掉”哲学内涵。语言学方面有裘莹莹博士的《中美跨洋互动写作中的同伴互评研究》，以网络同伴互动语料为研究对象，探讨中美同伴互评类型、互动行为、互动模式及其影响因素；张晓雯博士的《英汉日动结式结构的比较研究》探讨英汉日三种语言动结式结构特征，以及三者之间的差异；翻译学方面的有胡庭树博士的《翻译不确定性的哲学内涵及译学价值》，围绕蒯因的翻译不确定性论题展开相关研究，通过分析翻译中的意义、指称等不确定性问题来探讨翻译是如何可能的哲学问题；孙建光博士的《对话与融合：<尤利西斯>汉译研究》，以《尤利西

斯》汉译本为研究对象，从宏观维度和微观维度对《尤利西斯》汉译进行描述性研究。这些作品既有理论探索也有案例分析，形成了学理与实践的有机融合。

二是注重地方文化传播与译介。习近平总书记对建设大运河文化带作出重要指示：大运河是祖先留给我们的宝贵遗产，是流动的文化，要统筹保护好、传承好、利用好。大运河淮安段不仅历史底蕴深厚，而且发挥着水利航运、南水北调、防灾排涝等综合功能，素有“南船北马、九省通衢”之誉。淮安得名于 1500 多年前，淮水安澜之意，深厚的历史文化积淀造就了丰富的淮安文化，丛书专门译介出版《淮安名人》《淮扬美食文化》《淮安古建文化》《淮安戏剧文化》等具有淮安特色的文化，做好地方文化的传播与译介，将数千年来淮安大地形成的“城、人、事、景、食”等特色传统文化译介好、传播好，持续擦亮“伟人故里、运河之都、美食之都、文化名城”四张城市名片，做到文化传承薪火相传、代代守护，为淮安城市发展增添源源不断的文化动力。

三是国别与区域研究成效显著。国别与区域研究作为一门新兴的交叉学科，已成为交叉学科中的一级学科，将成为为国家服务的重要领域，也为科学研究提供了全新的领域。外国语学院东南亚国家国情研究团队正积极开展菲律宾当代著名作家法兰西斯科·S·何塞的作品译介与研究，将先后出版《三个菲律宾女人》《法兰西斯科·S·何塞短篇小说》《树》等作品，通过译介菲律宾文学作品向广大读者呈现菲律宾社会、经济、政治等全景式图景。俄语国家国情研究团队闫静博士的《新时代中俄关系对世界格局的影响》，聚焦百年未有之大变局的时代背景，分析探讨中俄关系的发展对维护两国在国际舞台上的国家利益以及维护世界和平的重要意义；刘星博士的《俄汉身势语对比研究》，以俄汉身势语为研究对象，在系统阐释身势语相关概念的基础上，从跨文化交际视角对俄汉语中具有代表性的不同类型身势语进行对比研究。外国语学院目前积极组织科研团队，聚焦东南亚和俄语区国家研究，紧扣新文科建设要求，关注学科交叉，力争在新的角度、新的内容、新的视野、新的思想方面不断外延外语人在新时代的新使命、新作为，产出更多新成果。

术有专攻、学无止境。每位学者的研究难免有学术或者技术方面的不足，恳请同行能够不吝赐教。但是，我们始终坚信瑕不掩瑜，这正是每位学者在孜孜以求的学术生涯中的留下的一个又一个脚印，有深有浅，需要不断臻于完善，实现凤凰涅槃。最后代表本套丛书的所有作者，向在背后默默付出的俄罗斯远东联邦大学出版社的 Прудкогляд С. А 等编辑团队表示衷心的感谢，他们专业的编辑和出版水平，让本套丛书更加臻美，让丛书每位学者的学术观点呈现更加流光溢彩！

2022 年 8 月于淮阴工学院品学楼 2 号楼

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап международных отношений характеризуется состоянием кардинальной трансформации их основ, сложившихся в период после окончания холодной войны. Рост незападных держав, их стремление выстроить более справедливый и равноправный мировой порядок служит основной причиной состояния кризиса и повышенной конфликтности в современных международных отношениях.

Формирование новых центров силы существенно изменяет положение, при котором США и их союзники (Запад) формировали международную повестку дня и зачастую в одностороннем порядке стремились определять условия международного сотрудничества.

Россия и Китай являются двумя великими державами, которые стремятся занять достойное место в новой системе международных отношений, выступают за формирование более справедливого международного порядка, в котором повестка дня определялась бы на равноправной основе. Обе державы выступают за международные отношения, основанные на международном праве, и их сотрудничество играет важнейшую роль в происходящем процессе переформатирования всей системы международных отношений.

Уровень российско-китайского сотрудничества достиг беспрецедентной глубины, которая носит не только стратегический, но и всеобъемлющий характер. В этой связи представляется актуальным анализ двустороннего сотрудничества, в политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах. Представляет интерес анализ современного состояния и тенденций развития двусторонних связей, регионального и глобального сотрудничества РФ и КНР, выражаемого в том числе на уровне многостороннего сотрудничества.

РФ и КНР являются великими державами с собственными национальными интересами, и в этой связи представляется актуальным анализ основных проблем двусторонних отношений, попытка выявить возможные пределы сотрудничества, проанализировать видение формирующейся системы международных отношений, а также перспектив двустороннего сотрудничества и будущей роли двух центров силы в новом международном порядке.

Автор поставил перед собой целью выявить особенности современных российско-китайских отношений и их влияния на новый мировой порядок.

Для достижения данной цели необходимо раскрыть ряд ключевых задач, а именно:

- проанализировать теоретические аспекты формирования нового мирового порядка;
- охарактеризовать роль РФ в международных отношениях в XXI веке;
- изучить роль и место Китая в формирующемся новом мировом порядке;
- рассмотреть политические аспекты взаимодействия РФ и КНР;
- определить тенденции развития торгово-экономического сотрудничества;
- показать особенности культурно-гуманитарного сотрудничества;
- охарактеризовать отношения между Россией и Китаем на современном этапе в контексте формирования нового мирового порядка;
- проанализировать взаимодействие РФ и КНР в рамках многостороннего сотрудничества;
- выявить основные проблемы российско-китайских отношений;
- определить перспективы развития взаимодействия РФ и КНР.

Чтобы раскрыть тему исследования, автором были изучены значительный объем материалов, которые условно можно разделить на следующие группы. В первую включены работы теоретического характера. К ним относятся материалы таких авторов, как А.К. Абишева¹, З. Бжезинский², И. Кант³, А.В. КОРТУНОВ⁴, Х. Накамура⁵, А. Орехов⁶, А.Н. Саликов⁷, В.Ю. Сморгунова⁸, Ф. Фукуяма⁹, Чэнь П.А. Цыганков¹⁰, А. Бедов¹¹, Г. Моргентгау¹², Д. Белл¹³, Ф. Кун¹⁴, Дж. Снелдер¹⁵, Дж. Киршнер¹⁶, Р. Кеохайн, Дж. Най¹⁷, Дж. Миршаймер¹⁸, К. Уолц¹⁹, С. Стейнсон²⁰.

Ко второй группе относятся работы, охватывающие те или иные аспекты двусторонних российско-китайских отношений. К ним относятся материалы таких авторов, как Р. Алимов²¹, А.А. Амосова, А.Д. Еремеева²², В.С. Балакин, Л. Сяоин²³, А. Виноградов²⁴, А.Д. Воскресенский²⁵, Л.И. Ефремова²⁶, М. Лагутин²⁷, Р.В. Мирошниченко²⁸, К. Михайличенко²⁹, С.К. Песцов³⁰, Р.С. Положевич³¹, Се Тао³², Н. Селезнева³³, К. Сыроежкин³⁴, О.А. Тимофеев³⁵, А. Федоров³⁶, Сяочэнь, Чжан Тинтин³⁷, Цзоу Лихуэй, Лейченко О.Ф., Печерица В.Ф.³⁸, А. Паневин³⁹, И. Матвеев⁴⁰, Дж. Хиллман⁴¹, К. Лилк⁴², В. Карсулов, Д. Ярков⁴³, Ли Тянь⁴⁴, С. Арис⁴⁵, О. Алексеева, Ф. Лассер⁴⁶, Янг Джин⁴⁷, Я. Лексютина⁴⁸.

К третьей группе относятся работы касательно текущих тенденций и перспектив развития российско-китайского сотрудничества в контексте трансформации системы международных отношений. К ним относятся материалы таких исследователей, как Е.А. Антюхова⁴⁹, А.В. Волошин⁵⁰, Н.А. Комлева⁵¹, Р. Ланда⁵², Я. Лисоволик⁵³, С.Г. Лузянин⁵⁴, А.В. Манойло⁵⁵, С. Манюков⁵⁶, А. Миллер, Р. Сокольский⁵⁷, В.В. Михеев, С.А. Луконин⁵⁸, В. Наумкин⁵⁹, В. Петровский⁶⁰, Е. Примаков⁶¹, Ж-Ф. Тардьё⁶², Д. Титов⁶³, А. Кули, Д. Нексон⁶⁴, А. Матур⁶⁵, А. Стент⁶⁶, М. Бекли⁶⁷, К. Бренфорд⁶⁸, А. Клифтон⁶⁹, Г. Киссинджер⁷⁰, С. П. Чанг⁷¹, Д. Льюис⁷², Е. Гросс⁷³, Ш. Кан⁷⁴, Х.М. Ли⁷⁵, М. Куо⁷⁶, М. Саксер⁷⁷, Н. Капур⁷⁸, П. Белкин⁷⁹, Р. Вейтц⁸⁰, С. Амиель⁸¹, И Нинг⁸².

Рассматриваемый период охвачен достаточно большим количеством материалов. В то же время, большинство из них охватывают отдельные аспекты рассматриваемой нами темы. В этой связи можно отметить актуальность комплексного исследования в контексте быстрых изменений, которыми характеризуется развитие российско-китайского сотрудничества и изменения всей системы международных отношений.

Для достоверности и анализа проведенного исследования был использован большой объем источников, к которым можно отнести национальные нормативно-правовые акты⁸³ и международные договора⁸⁴.

Также, выделяются статистические источники, в частности, «Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая в 2019 г.»⁸⁵, данные ФТС РФ⁸⁶, результаты опросов⁸⁷.

Кроме того, к источникам относятся материалы личного характера, такие как выступления глав государств⁸⁸, интервью⁸⁹, произведения лидеров КНР⁹⁰ и РФ, мемуары⁹¹, тематические статьи официальных лиц⁹².

В основе работы лежат принципы научности и историзма.

В качестве методологической основы работы используется в первую очередь подход неоклассического (наступательного) реализма, позволяющий понять внешнюю политику России и углубляющееся сотрудничество с Китаем в контексте пересмотра всей системы международных отношений, сложившейся после окончания холодной войны.

Подход политического либерализма используется для лучшего понимания некоторых принципиальных подходов в политике США и Запада в целом применительно ко всей системе международных отношений и к ее основным участникам, в том числе к России и Китаю.

В работе использованы комплексный, сравнительный, исторический методы, метод анализа документов и другие.

Попытка комплексного исследования российско-китайского сотрудничества как на двустороннем уровне, так и в контексте текущего международного кризиса и продолжающегося роста международной напряженности является авторским взглядом, который одновременно является приглашением к дискуссии. Автор будет благодарен за выраженные мнения и оценки, конструктивные замечания, критику и пожелания, которые могли бы усилить работу.

---

¹ Абишева А. К. Иммануил Кант: о вечном мире [Электронный ресурс]. URL: <https://articlekz.com/article/7982> (дата обращения: 11.03.2022).

² Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.

³ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf (дата обращения: 11.03.2022); Кант И. К вечному миру [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2022); Кант И. Метафизика нравов Учения о праве. – Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_2.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

⁴ Кортунов А.В. Семь споров о четырнадцати пунктах // «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок. М.: Центр стратегических разработок, 2018. С. 6-23.

⁵ Накамура Х. Путь Канта к вечному миру в 21 веке [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/put-kanta-k-vechnomu-miru-v-xxi-veke> (дата обращения: 11.03.2022).

⁶ Орехов А. «Вечный мир» или «вечная война»? (И. Кант versus К. Клаузевиц) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Belas1/subor/Orechov.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷ Саликов А.Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/interpretatsiya-idey-traktata-k-vechnomu-miru-i-kanta-v-sovremennoy-liberalnoy-teorii-demokraticheskogo-mira> (дата обращения: 11.03.2022); Саликов А.Н. Кантовский проект вечного мира и проект Европейского Союза [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kantovskiy-proekt-vechnogo-mira-i-proekt-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸ Сморгунова В. Ю. Англо-американский либерализм как основание западной модели гражданского общества: теоретико-правовой анализ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglo-amerikanskiy-liberalizm-kak-osnovanie-zapadnoy-modeli-grazhdanskogo-obschestva-teoretiko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 11.03.2022).

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. 592 с.

¹⁰ Цыганков П.А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866972/Tsygankov.pdf> (дата обращения: 11.03.2022); Цыганков П.А. Либерализм в российской теории международных отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org/library/mpimo/tsygankov.php> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹ Andrew Beddow. Immanuel Kant and the Myth of Perpetual Peace [Электронный ресурс] // National Interest (USA), August 28, 2017. URL: <https://nationalinterest.org/feature/immanuel-kant-the-myth-perpetual-peace-22087> (дата обращения: 11.03.2022).

---

¹² Hans Morgenthau and Kenneth Thompson, *Politics Among Nations*, 6th edition, New York: McGraw-Hill, 1985.

¹³ Duncan Bell. Liberal internationalism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/liberal-internationalism> (дата обращения: 11.03.2022)

¹⁴ Frank Kuhn. Offensive Realism and the Rise of China: A Useful Framework for Analysis? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2021/07/09/offensive-realism-and-the-rise-of-china-a-useful-framework-for-analysis/> (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁵ Julian Snelder. Mearsheimer's big question: Can China rise peacefully? URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/mearsheimers-big-question-can-china-rise-peacefully> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁶ Jonathan Kirshner. The tragedy of offensive realism: Classical realism and the rise of China. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1354066110373949> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁷ Keohane R.O., Nye J.S. (J.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.

¹⁸ Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001. 160 p.; Mearsheimer J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities* – Yale University Press, 2018. 328 p.

¹⁹ Waltz K. *Theory of International Politics*. New-York. McGraw-Hill, 1979.

²⁰ Sverrir Steinsson. John Mearsheimer's Theory of Offensive Realism and the Rise of China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2014/03/06/john-mearsheimers-theory-of-offensive-realism-and-the-rise-of-china/> (дата обращения: 16.06.2022).

²¹ Алимов Р. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 30.05.2022).

²² Амосова А.А., Еремеева А.Д. Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-muzeynaya-deyatelnost-i-turizm> (дата обращения: 05.05.2022)

²³ Балакин В.С., Сяоин Л. КНР И СССР в 1960-е – 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 11-16.

²⁴ Виноградов А. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949–1976 гг. // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949__1976_gg_2016-08-15.htm (дата обращения: 14.12.2021).

²⁵ Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18).

²⁶ Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rossiysko-kitayskom-sotrudnichestve-v-oblasti-obrazovaniya> (дата обращения: 05.05.2022).

²⁷ Лагутин М. Российско-китайские отношения в XXI веке [Электронный ресурс] / Максим Лагутин, Алексей Богачев // Русская народная линия. 2014. 22 января. URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/01/22/rossijskokitajskie_otnosheniya_v_xxi_veke/ (дата обращения: 05.05.2022).

²⁸ Мирошниченко Р.В. Российско-китайские отношения в XXI веке (проблемы и перспективы экономики и политики) [Электронный ресурс] / Р. В. Мирошниченко, Н. А. Чепцова // Материалы II студенческой международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI века». Новосибирск, 2012. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2018-21> (дата обращения: 05.05.2022).

²⁹ Михайличенко К. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-ledovyy-shelkovyy-put-v-ramkah-initsiativy-odin-poyas-i-odin-put-kak-realizatsiya-interesov-rossii-i-kitaya-v-arkticheskom-regione> (дата обращения: 25.03.2022).

---

³⁰ Песцов С.К. Стратегическое партнёрство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnyorstvo-rossii-i-kitaya-mesto-i-rol-gumanitarnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 08.04.2022).

³¹ Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossiyskoj-federatsii-s-kitayskoj-narodnoyrespubliki-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 05.05.2022).

³² Се Тао. Внешняя политика Китая «по Си Цзиньпину» [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги, 2018. URL: <https://carnegie.ru/2018/01/23/ru-pub-75325> (дата обращения: 11.03.2022).

³³ Селезнева Н. Актуальное состояние российско-китайского гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/culture/aktualnoe-sostoyanie-rossiysko-kitayskogo-gumanitarnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.05.2022).

³⁴ Сыроежкин К. К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан. Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/16/ru-pub-52988> (дата обращения: 11.03.2022).

³⁵ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе их развития [Электронный ресурс]. 2015. № 12. URL: <http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

³⁶ Федоров А. Ледовый шелковый путь: сотрудничество России и Китая [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78396/1/978-5-6041789-8-0_2019_012.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

³⁷ Чэнь Сяочэнь, Чжан Тинтин. «Ледовый шелковый путь». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (дата обращения: 25.03.2022).

³⁸ Цзоу Лихуэй, Лейченко О.Ф., Печерица В.Ф. Международное российско-китайское взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и региональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-rossiysko-kitayskoe-vzaimodeystvie-v-ramkah-organizatsii-obedinennyh-natsiy-oon-i-regionalnoy-shanhayskoj-organizatsii> (дата обращения: 30.05.2022).

³⁹ Andrey Panevin. The Sino-Russian relationship is being misunderstood, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/sino-russian-relationship-being-misunderstood> (дата обращения: 08.04.2022).

⁴⁰ Pya Matveev. Russia and China are moving closer together. Is this a new world order? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-china-relationship-new-world-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴¹ Jonathan E. Hillman. China and Russia: Economic Unequals [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals> (дата обращения: 05.05.2022)

⁴² Kadri Lilk. It's complicated: Russia's tricky relationship with China [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/publication/its-complicated-russias-tricky-relationship-with-china/> (дата обращения: 17.06.2022).

⁴³ Karlusov V., Yarkov D. Russia and China: Interests, Potential and Prospects of Interaction in the Arctic. International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET), Volume 10, Issue 02, February 2019, pp. 1740–1746, Article ID: IJCIET_10_02_168. URL: <http://www.iaeme.com/ijmet/issues.asp?JType=IJCIET&VType=10&IType=2> (дата обращения: 25.03.2022).

⁴⁴ Le Tian. Sino-Russian relations within the SCO framework, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d774d3063544f77457a6333566d54/share_p.html (дата обращения: 11.03.2022).

⁴⁵ Stephen Aris. Russian–Chinese Relations through the Lens of the SCO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Ifri_RNV_Aris_SCO_Eng.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

---

⁴⁶ Olga Alexeeva and Frédéric Lasserre. The Evolution of Sino-Russian Relations as Seen from Moscow: The Limits of Strategic Rapprochement [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/8197> (дата обращения: 05.05.2022).

⁴⁷ Yang Jin. China-Russia ties cornerstone of global strategic stability [Электронный ресурс] // Global Times. 2020/7/15. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1194586.shtml> (дата обращения: 11.03.2022).

⁴⁸ Yana Leksyutina. Understanding a New Era in Russia-China Relations, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.institutfuersicherheit.at/understanding-a-new-era-in-russia-china-relations/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁴⁹ Антюхова Е.А. Результативность стратегического курса НАТО в разрешении региональных конфликтов, вызванных событиями «Арабской весны» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultativnost-strategicheskogo-kursa-nato-v-razresheniiregionalnyh-konfliktov-vyzvannyh-sobytyami-arabskoj-vesny> (дата обращения: 11.03.2022).

⁵⁰ Волошина А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5 (6). С. 80–93.

⁵¹ Комлева Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и время (Россия). 2013. № 1. С. 18-23.

⁵² Ланда Р. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть // Россия и мусульманский мир. 2012. № 1. – С. 154-168.

⁵³ Лисоволик Я. БРИКС как основа нового миропорядка: каковы перспективы? [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-kak-osnova-novogo-miroporjadka-kakovy-perspektivy/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵⁴ Лузянин С.Г. Измерения российско-китайских отношений в АТЭС. Региональные факторы влияния и взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmereniya-rossiysko-kitayskih-otnosheniy-v-ates-regionalnye-factory-vliyaniya-i-vzaimodeystviy> (дата обращения: 30.05.2022); Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. Вып. 16.

⁵⁵ Манойло А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке // ПОЛИТЭКС (Россия). 2012. Т. 8, № 1. С. 131-154.

⁵⁶ Мануков С. Второе дыхание «Одного пояса, одного пути». URL: <https://expert.ru/2019/08/16/roayas/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁵⁷ Миллер А., Сокольский Р. Как США следует вести себя с Сирией. Московский центр Карнеги. 24 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/2017/11/24/rupub-74814> (дата обращения: 11.03.2022).

⁵⁸ Михеев В.В., Луконин С.А. Саммит АТЭС в Пекине и риски российско-китайских отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sammit-ates-v-pekinge-i-riski-rossiysko-kitayskih-otnosheniy> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵⁹ Наумкин В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? : сборник статей / отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Факт мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 3-20; Наумкин В. Снизу вверх и обратно [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁶⁰ Петровский В. США, Китай и Россия: о трещинах и швах [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27075> (дата обращения: 11.03.2022).

⁶¹ Примаков Е. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? : сборник статей / отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Факт мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВРАН, 2012. С. 21-31.

---

⁶² Тардые Ж.-Ф. Россия и страны «Восточного партнерства» после войны в Грузии [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_tardieu_eastern_partnershp_after_georgia_war_rus_july2009.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

⁶³ Титов Д. Россия в АТЭС: все коридоры ведут в Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/264108/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁴ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁵ Akshay Mathur. The future of BRICS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/research/the-future-of-brics/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁶ Angela Stent. The impact of September 11 on US-Russian relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/09/08/the-impact-of-september-11-on-us-russian-relations/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁶⁷ Beckley M. Enemies of me Enemy // Foreign Affairs. 2022. Volume 101, № 2. P. 68-85.

⁶⁸ Colin I. Bradford. Perspectives on the future of the global order [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2022/05/04/perspectives-on-the-future-of-the-global-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁹ Clifton A. NSR programme presents: Strategic communications and China's Belt and Road Initiative. URL: <https://www.lai.lv/viedokli/nsr-programme-presents-strategic-communications-and-chinas-belt-and-road-initiative-705> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁰ Henry Kissinger. Moscow and Beijing: A Declaration of Independence [Электронный ресурс] // Washington Post. 1996. May 14. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1996/05/14/moscow-and-beijing-a-declaration-of-independence/e9ab3123-89b5-4efe-874bf20af679698c/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷¹ Chung, C.P. What are the strategic and economic implications for South Asia of China's maritime silk road initiative? // Pac. Rev. 2017. № 31. P. 315–332.

⁷² David Lewis. Strategic Culture and Russia's 'Pivot to the East:' Russia, China, and 'Greater Eurasia' // Marshall Center Security Insight. 2019. No. 34, July. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷³ Eva Gross. BRICS – what's in a name? [Электронный ресурс]. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_44_BRICS.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

⁷⁴ Kan, Shirley A. China/Taiwan: Evolution of the "One China" Policy—Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL30341.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁵ Liu X. M. New Silk Road is an opportunity, not a threat. Financial Times 24 May, 2015. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axzz4E21fcpOT> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁶ Mercy A. Kuo. China's New World Order: Partners and Profit [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/chinas-new-world-order-partners-and-profit/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁷ Marc Saxer. The coming world order [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/the-return-of-geo-economics-5874/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷⁸ Nivedita Kapoor. BRICS and its future: The challenges of multilateralism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/brics-future-challenges-multilateralism-66053/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷⁹ Paul Belkin. Assessing NATO's Value. Congressional Research Service [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45652.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸⁰ Richard Weitz. The SCO and NATO Compared [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/the-sco-and-nato-compared> (дата обращения: 30.05.2022).

---

⁸¹ Sandrine Amiel. What's BRICS for and does it still make sense? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2019/11/13/what-s-brics-for-and-does-it-still-make-sense-euro-news-answers> (дата обращения: 30.05.2022).

⁸² Yu Ning. Will Russia-Ukraine conflict prelude the end of US-led world order? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202205/1265651.shtml> (дата обращения: 30.05.2022).

⁸³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 11.03.2022); Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLJN175I40U0K46x4SsKRHGfUO.pdf> (дата обращения: 25.03.2022); Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

⁸⁴ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 05.05.2022); Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР. 14 февраля 1950 года [Электронный ресурс]. URL: <http://doc20vek.ru/node/4212> (дата обращения: 14.12.2021); Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 31 мая 2005 года № 52-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901945334> (дата обращения: 05.05.2022); Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900032> (дата обращения: 04.05.2022); Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 05.05.2022); Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Сайт Президента РФ. 22.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1423> (дата обращения: 05.05.2022); Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 05.05.2022); Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901763237> (дата обращения: 04.05.2022); Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 года (ратифицировано Федеральным законом от 14.10.2016 № 376-ФЗ, вступило в силу 12 ноября 2016 года, письмо МИД России от 22.11.2016 г. № 20737/дп) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201601140019> (дата обращения: 11.03.2022); Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 05.05.2022).

⁸⁵ Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая в 2019 г [Электронный ресурс]. URL: www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/Торговля%20Россия-Китай%202019.pdf (дата обращения: 14.12.2021).

⁸⁶ Данные статистики ФТС РФ: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 05.05.2022); Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155?ysclid=l3sjz7ocmb> (дата обращения: 30.05.2022).

---

⁸⁷ Международные отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-6/> (дата обращения: 18.06.2022); Опубликованы итоги соцопроса «Общественное мнение о Китае и России – 2021» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/01/29/opublikovany-itogi-socoprosa-obshchestvennoe-mnenie-o-kitae-i-rossii-2021.html> (дата обращения: 18.06.2022); Российско-китайские отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/30/rossijsko-kitajskie-otnosheniya/> (дата обращения: 18.06.2022); Российско-китайская торговля [Электронный ресурс]. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/trade_ru_cn (дата обращения: 08.04.2022).

⁸⁸ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 11.03.2022); Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/ztb/XJPFWHSKST/t1077192.htm> (дата обращения: 11.03.2022); Речь Президента Трампа о Стратегии национальной безопасности администрации США [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-on-the-administrations-national-security-strategy-ru/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁸⁹ Интервью Посла России в Японии М.Ю. Галузина международному информационному агентству «РИА Новости», 13 февраля 2020 года. Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/4037024 (дата обращения: 11.03.2022); China's Foreign Policy in a Fast Changing World: Mission and Responsibility. Speech by Vice Foreign Minister Le Yucheng At the Lunch Meeting of the Eighth World Peace Forum, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1679454.shtml (дата обращения: 11.03.2022).

⁹⁰ Мао Цзэдун. Мао Цзэдун чжуцзо сюаньду [Избранные фрагменты из произведений Мао Цзэдуна]. Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1993. Т. 2.

⁹¹ Висковатов В. Амурская железная дорога; Частная инициатива в переселенческом деле; Между молотом и наковальней: [статья]. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. 37 с. (2-я и 3-я статьи перепеч. из: «С.-Петербург. ведом.», 1908, NN 168 и 268); Записка об Алтайской железной дороге. Г. Барнаул. Февр. 1909 г. [Барнаул, 1909]. 14 с. (Без тит.л. и обл.). 35 см; Оппенгейм К.А. Систематический указатель узаконений и общих распоряжений по Министерству путей сообщения, относящихся до службы пути и зданий, эксплуатируемых и до постройки новых железных дорог и последовавших с 1860 г. по 1 января 1914 г. 9-е изд. М.: Ж.-д. изд-во, 1914. [4] + XLVII + 231 с. 27 см; По вопросу об изыскании способов к безотлагательному сооружению участка Сибирской железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью: В Комитет министров / М-во фин. особен. канц. по кредит. части. отд-ние 6. [СПб., 1880]. 20 с. (Без тит. л. и обл.). 34 см.

⁹² Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 11.03.2022); Совместная статья послов России и Китая в США для Defense One: «Чтите историю во имя лучшего будущего» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1441001/> (дата обращения: 08.04.2022).

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РОЛЬ РФ И КНР В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

1.1. Теоретические аспекты формирования нового мирового порядка

Формирование новой системы международных отношений является длительным и конфликтогенным процессом. Основные параметры Вестфальской системы международных отношений были определены итогами Тридцатилетней войны, которая затрагивала территорию практически всей Европы.

Венская система международных отношений сформировалась по итогам наполеоновских войн, которые положили конец прежней системе и коренным образом изменили Европу.

Итогом Первой мировой войны стала Версальско-Вашингтонская система международных отношений, которая оформила новый баланс сил между великими державами.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений была сформирована по итогам Второй мировой войны, окончание которой вызвало дебаты относительно нового мирового порядка.

Особенностью периода после Второй мировой войны было интенсивное осмысление развития международных процессов, которые привели к формированию современных теорий международных отношений.

Г. Моргентау стал основоположником теории политического реализма, которая восходит к идеям Фукидида, Макиавелли, Гоббса, де Ваттеля, Клаузевица. Г. Моргентау отмечал¹, что в основе международных отношений лежат конфликты и противоборство ведущих государств мира, поскольку такова вечная и неизменная природа человека. Государства руководствуются стремлением к увеличению своей власти.

Власть включает в себя военную и экономическую компоненты, которые гарантируют безопасность государства и обеспечивают его процветание. Мир возможен только благодаря установлению баланса сил. Убеждение в способности и желании государств опираться на систему международных организаций, международное право или мораль является оши-

бочной трактовкой и на практике могут приводить к масштабным трагедиям, например, ко Второй мировой войне.

Однако абсолютизация фактора силы ограничивает понимание поведения государств в современном мире². Сами международные отношения претерпевают трансформации, например рост международных и региональных организаций, рост взаимозависимости, глобализационные процессы³.

По мнению основоположника неореализма, или структурного реализма, К. Уолца⁴, любое государство, стоящее перед дилеммой сила или безопасность, должно выбрать безопасность.

Так возникают предпосылки для международного сотрудничества в рамках международной системы, которая накладывает ограничения на агрессивное поведение государств.

Считая баланс сил главным сдерживающим фактором, К. Уолц полагал, что гарантия взаимного уничтожения удержала США и СССР от Третьей мировой войны⁵.

Альтернативой политическому реализму выступает политический либерализм. Его истоки восходят к идеям Витторио, Гроция, Канта, а в 20 веке отразился в идеях таких политических деятелей, как В. Вильсон.

Основной идеей политического либерализма являются стремление «навсегда» покончить с любыми вооруженными конфликтами между государствами.

По мнению сторонников политического либерализма, по мере своего развития мировое общественное мнение способно влиять и формировать позицию мирового сообщества, которое должно опираться на международное право, содействовать возрастанию численности и роли международных и региональных организаций, расширять взаимовыгодное сотрудничество.

Одним из главных инструментов обеспечения мира является система коллективной безопасности. Это нашло отражение в создании Лиги Наций, а затем ООН. Под руководством ООН могло бы существовать «мировое правительство», действующее в интересах всего человечества. Можно отметить рост международных и региональных организаций, например, на постсоветском пространстве это СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, а также ШОС.

Окончание холодной войны вызвало, с одной стороны, критику наиболее популярной на тот момент концепции неореализма, прежде всего, из-за неожиданного краха биполярной системы, которая предполагалась

наиболее стабильной и предсказуемой. С другой стороны, победа Запада во главе США, которые продвигали на мировой арене идеи либерализма и либеральной демократии, актуализировали обсуждение возможного торжества либерализма как доминирующей идеологии человечества.

В этой связи можно отметить концепцию Ф. Фукуямы. Он утверждал, что поражение тоталитарной идеологии означает окончательную победу либеральной демократии⁶.

«Холодная война» стала последним глобальным «сражением» между тоталитаризмом и демократией. Демократия окончательно утвердилась как главная идеология человечества.

Страны Запада развиваются благодаря всем преимуществам демократических ценностей. Они не вступают в вооруженные конфликты друг с другом, противоречия улаживают при помощи переговоров, а рыночные ценности создают импульсы экономического процветания.

Для Запада уже наступил «конец истории» в том смысле, что наступил конец периода войн, сопровождавшего человечество с момента образования первых государств.

Страны Запада еще могут вступать в конфликты с другими государствами, не разделяющими их ценности, точно так же как возможны конфликты между странами, придерживающимися других ценностей.

Где-то еще могут возникать тоталитарные режимы. Однако в глобальном масштабе идеям западной демократии вызова больше не в состоянии бросить ни одно государство или идеология.

«Конец истории», то есть торжество западных ценностей, уже наступает, утверждал Ф. Фукуяма⁷. Вместе с тем, последующие события заставили его пересмотреть свою точку зрения по поводу наступления «конца истории», но не отказаться от либерализма как концепции мироустройства.

Идеологически теория либерализма в применении к международным отношениям изложена И. Кантом. Его трактат «К вечному миру» был опубликован в 1795 году. Однако заложенные в нем идеи остаются актуальными и в современных международных отношениях. Работа составлена как образцовый договор о мире с комментариями автора, который должен послужить основой для обеспечения вечного мира.

Идеи И. Канта относительно мировой политики излагались также в «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»⁸ и «Метафизи-

ка нравов. Учения о праве»⁹, однако в концентрированной форме они изложены именно в трактате «К вечному миру».

Как отмечает И. Кант, мир подразумевает «конец всякой вражды» и мирный договор призван «уничтожить все имеющиеся причины будущей войны», в то время как перемирие обозначает «временное прекращение военных действий», с сохранением претензий, который в будущем дадут повод начать новую войну. Заключение мирного договора возможно только благодаря рациональной природе международных отношений и идее порядка.

И. Кант подчеркивает, что данная идея противоречит традиционному пониманию необходимости для государства постоянно наращивать свое могущество¹⁰.

В отличие от более ранних теоретиков общественного договора, таких как Томас Гоббс и Джон Локк, И. Кант считал естественное международное состояние настолько опасным, что оно может быть улучшено только путем радикальной трансформации внутреннего устройства и международной системы. Учитывая это, он пришел к выводу, что из естественной среды был «безусловной обязанностью»¹¹.

Ради собственной безопасности каждая нация может и должна требовать, чтобы другие заключили договор, гарантирующий права каждого, потому что не республиканские государства, и те, которые не присоединяются к тому, что И. Кант называл «республиканской лигой», угрожают увековечить неприемлемое естественное международное состояние, и поэтому вмешательство с целью изменить эти режимы или использование принуждения, чтобы заставить государства присоединиться к республиканской лиге, не противоречит его либеральной системе.

Здесь И. Кант вступает в противоречие с классическим международным правом, особенно работой Гуго Гроция – с его безоговорочной приверженностью государственному суверенитету. На первый взгляд, право требовать, чтобы другие государства покидали естественное состояние международных отношений, кажется, противоречит запрету И. Канта на вмешательство во внутреннюю политику других стран. Но, в конечном счете, собственное право вытекает из прав человека¹².

Когда люди отдают свою естественную свободу лиге через общественный договор, он затем вступает в силу в самом государстве. Однако, если государство не является действительно представительным, оно не

имеет права на невмешательство, поскольку права граждан выше. И. Кант сформулировал это в контексте «несправедливого врага», который он определял как того, чья публично выраженная воля, либо словом, либо действием, выдает максимум, которая, если бы она была принята как универсальное правило, сделала бы состояние мира между народами невозможным, и обязательно увековечила бы естественное состояние международных отношений.

Вечный мир требует от государств отказываться от любых форм приобретения или завоевания территорий, принадлежащих другим странам. Подобный запрет на расширение «ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара» включает в себя и отказ в военной помощи другим государствам. Более того, И. Кант считает, что «постоянные армии (*miles perpetuus*) должны со временем полностью исчезнуть»¹³.

Армии угрожают безопасности, находясь в состоянии постоянной боевой готовности, они могут не только завоевывать территории других государств, но и служат причиной постоянной гонки вооружений.

В результате на народы ложится все более тяжелое бремя по содержанию вооруженных сил, и, чтобы избавиться от этого бремени или облегчить его, армии становятся причиной военных нападений.

На смену армии должно прийти гражданское ополчение. Периодическое обучение без мобилизации в постоянно действующую армию должно обеспечить безопасность государств и освободить их от тяжелого бремени содержания войск.

При этом гражданское ополчение не будет уже угрожать другим государствам и продемонстрирует действительно мирные намерения. Враждебные действия допустимы только в случае нарушения норм международного права, или мирового порядка, и только с целью их восстановления.

И. Кант выделяет экономические методы агрессии, которые также препятствуют достижению мира. Он утверждает, что следует запретить использование «кредитной системы» как средства межгосударственного давления. Данная идея сформулирована в качестве статьи образцового мирного договора: «Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел»¹⁴.

Заслуживает И. Канта является и определение принципа невмешательства в дела других государств, который также призван служить «вечному миру».

Он отмечает, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств»¹⁵.

По его мнению, вмешательство во внутригосударственный конфликт допустимо лишь тогда, когда государство уже распалось на части, которые стали, таким образом, самостоятельными политическими единицами.

И. Кант также определяет правила ведения войны, предлагая ввести запрет на использование подрывных действий, «которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла (*percussores*), отравителен (*venefici*), нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене (*perduellio*) в государстве неприятеля и т. д.»¹⁶.

Подрывая доверие сторон, подобные войны могут вести к полному взаимному истреблению. Уничтожение сторон конфликта уничтожит и международное право как основу международных отношений, и приведет к миру «на гигантском кладбище человечества».

Сама попытка И. Канта сформулировать универсальный мирный договор свидетельствует об отданном им приоритете идее порядка, воплощенной в международном праве, в международных отношениях.

Об этом свидетельствует и его высказывание «война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (когда нет никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона)»¹⁷.

Вечный мир может быть достигнут, по мнению И. Канта, благодаря соблюдению международного права, или установлению порядка, который, в свою очередь, должен быть основано на «федерализме свободных государств». Только такие государства способны обеспечить соблюдение международного права и справедливый суд в случае спорных межгосударственных вопросов.

В отличие от судебных решений, военные действия не способны привести к длительному и справедливому миру, поскольку мирный договор в этом случае не служит гарантией прекращения будущих войн, и государства будут продолжать военные приготовления.

Федерация государств предпочтительнее всемирного государства, поскольку лучше гарантирует соблюдение международного права и всеобщий мир.

Также, она позволит не допустить появления деспотии, ограничивающей права других людей и народов, в том числе «всемирное граждан-

ство», под которым подразумевается возможность свободного, безопасного и мирного перемещения и запрет насильственной колонизации.

И. Кант не считает концепцию вечного мира достижимой в полном объеме, однако полагает, что это та цель, к которой необходимо стремиться и мировое сообщество способно приближаться к ней в той или иной степени¹⁸.

Моральный закон требует, чтобы государства стремились к установлению справедливости в отношении друг друга посредством создания либерального мирового порядка, несмотря на эмпирические ограничения в виде конкуренции, создания империй, тяги к приобретениям и т.д.¹⁹

Таким образом, идеи «вечного мира» базируются на верховенстве международного права и необходимости заключения соответствующего договора, который бы не допускал возобновления военных действий. Такой договор должен основываться на принципиально иных критериях и отличаться от традиционных мирных соглашений, которые, по существу, представляют собой лишь договоренности о перемирии и не исключают глубинных причин возникновения войн.

Предлагаемые И. Кантом идеи «вечного мира» включают в себя отказ от нападения друг на друга, постепенное расформирование регулярных армий и переход к гражданскому ополчению, что одновременно и остановит гонку вооружений, абсолютное уважение суверенитета друг друга, невмешательство в дела других государств.

Также, при ведении войн необходимо отказаться от действий, которые еще больше подрывают доверие сторон конфликта друг у другу и ведут к полному взаимному уничтожению.

«Вечный мир» способна обеспечить только федерация свободных государств, признающая верховенство международного права и способная обеспечить права и свободы граждан.

Концепция И. Канта оказала значительное влияние на либералистское направление современной теории международных отношений. Более того, его две идеи легли в основу современного политического либерализма, а именно понятие порядка, единства человечества, общечеловеческих ценностей и идеалов, и идея об изменяемости и необходимости изменения природы человека и природы международных отношений в направлении гуманизма и прав человека²⁰.

Сторонники современного политического либерализма считают, что национальные государства перестают быть главными акторами современных международных отношений.

Их место постепенно занимают международные и региональные организации. Также в число участников международных отношений входят и другие негосударственные акторы²¹.

Международные отношения эволюционируют в сторону большего порядка, от зачастую присущей анархии. По мнению сторонников политического либерализма, все возникающие вооруженные конфликты должны поддаваться мирному урегулированию. Мировое общественное мнение способно влиять и формировать позицию мирового сообщества.

В свою очередь, мировое сообщество должно действовать, опираясь на международное право, содействуя возрастанию численности и роли международных и региональных организаций, расширяя взаимовыгодное сотрудничество.

Одним из ключевых инструментов обеспечения мира является система коллективной безопасности, построенная на принципах добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики.

В международных отношениях это нашло отражение в создании Лиги Наций, а затем Организации Объединенных Наций. Под руководством ООН может существовать так называемое мировое правительство, действующее в интересах всего человечества.

Хотя в целом идеи политического либерализма критикуют за их утопичность, тем не менее, можно наблюдать развитие отдельных элементов, на которые был сделан упор сторонниками этой концепции, в мировой политике. Прежде всего, можно отметить рост международных и региональных организаций.

Среди теорий международных отношений, которые относят к политическому либерализму, можно выделить транснационализм. Сторонники транснационализма критикуют идеи политического реализма как устаревшие и не отвечающие характеру и основным тенденциям международных отношений.

Прежде всего, государство перестало быть единственным актором международных отношений. Благодаря глобализации акторами междуна-

родных отношений становятся индивиды, предприятия, организации, другие негосударственные объединения.

Более того, государства вытеснены из центра международного общения в силу многообразия его участников, а также видов общения, таких как научное сотрудничество, экономические и культурные обмены, и «каналов» общения, таких как партнерские связи между университетами, религиозными организациями, землячествами и ассоциациями.

Международные отношения из межгосударственных (или межнациональных) становятся транснациональными, осуществляемыми помимо и без участия государств²².

Транснационализм подчеркивал значение новых явлений в международных отношениях. При этом критики отмечали переоценивание роли наблюдаемых тенденций в изменении характера международных отношений, что сближало эту теорию с политическим либерализмом.

Тезис о том, что страны демократии не ведут войны друг с другом, отражает мнение сторонников теории демократического мира. В отличие от И. Канта, который считал республику лучшей формой правления, но не одобрял демократию, сторонники этого подхода полагали, что следование демократическим ценностям является единственным, или, по крайней мере, главным направлением развития, ведущему ко всемирному правительству и ко всеобщему миру²³.

В российской школе политического либерализма, как отмечает П.А. Цыганков, господствует «убеждение в том, что под влиянием стран Запада международная среда все более зримо эволюционирует из анархической в развивающееся по единым законам управляемое мировое сообщество. Последнее состоит не только из государств, но и из все более укрепляющих свои позиции (в том числе и за счет государств) негосударственных акторов – неправительственных организаций, частных финансовых и иных корпораций, сетевых структур и т.п.»²⁴.

Идеи И. Канта стала одними из основополагающих в развитии современного политического либерализма. Верховенство международного права, рост наднациональных институтов – прообраза «федерации свободных государств», увеличение числа участников международных отношений и постепенное оттеснение государства с позиций главного актора являются системообразующими для понимания современных международных отношений согласно взглядам сторонников идей политического либерализма.

Вечный мир стал базовой идеей этой парадигмы и заключается в возможности построить такой мировой порядок, при котором отсутствуют войны, место конфликтов займет сотрудничество, общечеловеческие ценности вытеснят стремление к власти.

Государство – это прежде всего продукт эволюции человека. Развитие не останавливается на появлении государств. Изменение природы международных отношений – естественный и неизбежный процесс, на который человек оказывает доминирующее влияние.

Один из наиболее известных представителей современного политического либерализма президент США В. Вилсон после окончания Первой мировой войны выдвинул ряд принципов, которые, по его мнению, должны были предотвратить повторение глобального конфликта.

Установление мирового порядка, приоритет международного права, роль коллективной безопасности и вопросы разоружения должна была обеспечить первая универсальная международная организация – Лига Наций.

Таким образом, создавался надгосударственный орган, который был призван оттеснить национальные государства на второй план в международной системе и стать прообразом мирового правительства.

Попытка реализации подобной идеи на практике закончилась неудачей – Лига Наций постепенно утратила авторитет и прекратила существование перед Второй мировой войной.

Тем не менее, сторонники либеральной парадигмы считают, что эволюция международных отношений должна постепенно привести к главенствующей роли надгосударственных структур и созданию мирового правительства.

Негосударственные акторы уже вытесняют государства с позиций главного актора международных отношений. Природа международных отношений все больше эволюционирует.

Деятельность международных и региональных организаций приводит к тому, что отношения между государствами становятся более упорядоченными и стабильными.

В первую очередь это происходит вследствие роста взаимозависимости, процессов глобализации, распространения ценностей демократии и институтов рынка. Благодаря деятельности негосударственных акторов роль государств постепенно сокращается.

Тенденции развития международных отношений свидетельствуют об определенных изменениях, которые могут указывать на некоторое продвижение к идеалу И. Канта.

Например, российский эксперт А. Картунов отмечает, что «сегодня система международно-правового регулирования мировой политики, экономики, финансов в целом более совершенна и эффективна, чем она была еще двадцать, а тем более пятьдесят лет назад»²⁵.

В настоящее время не существует государств, которые не признавали бы сложившуюся глобальную международно-правовую систему. При этом, необходимо отметить, что открытым и дискуссионным остается вопрос интерпретации и дальнейшего развития правовых норм и мирового порядка.

Несмотря на определенные тенденции протекционизма и национализма, мир в условиях глобализации стал более открытым, более взаимосвязанным и взаимозависимым. Наряду с глобализацией, усиливаются процессы регионализации, которая в данном случае рассматривается как одной из глобализационных проявлений.

Хотя ООН и другие глобальные международные институты пока еще не соответствуют идее И. Канта о «федерации свободных государств», тем не менее их деятельность представляется очевидным шагом вперед. Более того, они могут выступать в качестве промежуточного этапа на пути формирования будущего всемирного правительства, действующего в рамках универсального международного права.

Несмотря на некоторые тенденции ослабления роли ООН в современных международных отношениях, она по-прежнему играет положительную роль и нет никаких предпосылок для того, чтобы изменить сложившееся положение в современной системе международных отношений.

Среди региональных организаций возможным образцом или прообразом для воплощения идей И. Канта о «вечном мире» можно назвать Европейский Союз. Есть мнение, что ЕС развивается по принципам кантовской философии²⁶.

ЕС по некоторым параметрам уже напоминает не международную организацию, а конфедерацию государств, все более приближающуюся к идеалу И. Канта. Европейская интеграция в качестве фундаментальной цели предусматривает «настолько полное взаимопроникновение государств, что возможность войны между ними исключается»²⁷.

Передача части суверенитета в рамках Европейского Союза пока не привела к потере государственности или исчезновению народов, чего опасался И. Кант, но снижает уровень конфликтности между государствами-участниками и в определенной степени помогает вести более скоординированную внешнюю политику. Пространство ЕС трансформировалось из зоны вооруженных конфликтов первой половины 20 века в зону мира и процветания.

Среди региональных организаций можно отметить также АСЕАН в Юго-Восточной Азии, Шанхайскую организацию сотрудничества, охватывающую значительную часть Евразии, организации постсоветского пространства – СНГ, ЕАЭС и ОДКБ. Хотя сотрудничество в рамках этих организаций еще не достигло уровня, сопоставимого с интеграцией в рамках ЕС, они выполняют определенные функции, способствующие укреплению безопасности, росту сотрудничества и взаимозависимости.

Несмотря на видимые изменения в современных международных отношениях, критики идей И. Канта и политического либерализма утверждают, что государства по-прежнему остаются и останутся в будущем главными акторами международных отношений, стремящимися к постоянному и всестороннему увеличению своих возможностей, противопоставляя вечный мир вечной войне²⁸. Утопичной представляется сама попытка воплощения идеи вечного мира в жизнь²⁹. Некоторые даже сравнивают «вечный мир» с пустой идеей, подобной труду Сизифа³⁰.

Все же, в целом, несмотря на то, что в истории попытки установления мирового порядка и его следствия – продолжительного мира не увенчались успехом, нельзя не замечать определенный прогресс последних десятилетий. Если на глобальном уровне можно наблюдать в основном формальные сдвиги, а роль ООН после трансформации Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений несколько снизилась, то на региональном уровне очевиден определенный прогресс в направлении установления порядка в противовес анархии.

После окончания холодной войны политический реализм приобрел новые формы. Возможно, наиболее популярной концепцией стал наступательный реализм, идеи которого, в частности, развивает Дж. Миршаймер.

В отличие от К. Уолца, Дж. Миршаймер считал, что цель государств заключается в увеличении своей власти. Наступательный реализм предполагает, что коалиции, направленные на защиту своих участников, не яв-

ляются гарантией безопасности. Эти коалиции часто ненадежны. Государства-участники предпочитают перекладывать ответственность за безопасность друг на друга. «Умный» агрессор может вызвать раздор и уничтожить членов коалиции одного за другим.

Безопасность системы коллективной безопасности условна. В настоящее время агрессору не нужно завоевывать территории. Агрессор может разделить страну или коалицию, подчинить ту или иную ее часть. Гибридная война допускает не прямые формы контроля.

Вслед за Г. Моргентау Дж. Миршаймер отстаивает тезис, что сила является главным инструментом власти. Сила обеспечивает безопасность. Никто не будет нападать на более сильного, и поэтому сила по-прежнему является основным инструментом расширения власти³¹.

Великие державы, к которым относится Российская Федерация, по-прежнему ориентируются на силовые параметры измерения силы. Как и в прошлом, великие державы действуют в соответствии с принципами наступательного реализма.

Дж. Миршаймер предлагает три блока различных стратегий поведения государств на международной арене.

Первый блок – это стратегии завоевания власти или достижения преимуществ перед другими акторами международных отношений. Дж. Миршаймер называет их войной и шантажом, которые чаще всего связаны с угрозами начать военные действия. Дж. Миршаймер также выделяет стратегию, предполагающую развязывание затяжной войны между неудобными государствами, ожидание их растраты ресурсов и ослабления, а также достижение собственных интересов в этом противостоянии. Кроме того, Дж. Миршаймер выделяет еще одну стратегию, которая предполагает молниеносную войну между противниками.

Второй блок – это стратегии сдерживания агрессоров, которые должны использовать государства в случае возникновения угрозы их существованию. Дж. Миршаймер выделяет две такие стратегии. Первая включает в себя дипломатические отношения, возможность создания союзов для противостояния агрессору, а также мобилизацию собственных ресурсов для создания баланса сил. Второй тип поведения заключается в попытках перекладывания ответственности на других. Подразумевается, что в случае возникновения угрозы государству необходимо перевести вектор агрессии на других акторов международных отношений.

Третий блок – предупреждающие стратегии. К ним относятся политика умиротворения агрессора и такой тип поведения государства, при котором более слабые страны присоединяются к сильной державе и действуют в соответствии с ее политикой. В теории наступательного реализма Дж. Миршеймера такое сближение есть способ избежать прямого воздействия агрессора³².

Дж. Миршаймер обращает внимание на Азиатско-Тихоокеанский регион, усматривая в нем зарождающееся соперничество великих держав. В центре внимания его анализа АТР как теоретика наступательного реализма находится мирный подъем Китая.

Дж. Миршеймер не оптимистичен в отношении столкновения великих держав и не видит в либеральной и конструктивистской парадигмах ответа на встающие перед исследователем вопросы. Дж. Миршаймер считает, что Китай неизбежно будет искать аналог доктрины Монро в Восточной Азии или в Азии в целом, то есть поиска концепции, которая гарантировала бы невмешательство европейских держав и США.

По его мнению, это создаст проблему дилеммы безопасности, которая, вероятно, приведет к новой гонке вооружений. США, которые, вероятно, в этом случае могут возглавить коалицию, направленную против подобной концепции, ответят усилиями по «сдерживанию» и другими стратегиями, отработанными во время холодной войны. В любом случае, как считает Дж. Миршаймер, можно будет ожидать взаимное ужесточение риторики и позиций в конкурентной борьбе за безопасность.

В отличие от Центральной Европы времен холодной войны, обширная география Азии (особенно в морской области) создаст более низкие барьеры для конфликта. На обширном театре возможных военных действий, расположенном в основном в океане, субъекты безопасности могут считать, что конфликтами можно «управлять». Как ни странно, поскольку предполагаемая стоимость и угроза ядерной эскалации ниже, чем в Европе времен холодной войны, это снизит порог срабатывания и повысит опасность³³.

Еще более опасна структура «несбалансированной многополярности», которая может возникнуть в Азии, где Китай выделяется над всеми остальными странами по основным параметрам своей мощи. Тем не менее, другие государства, хотя и несколькими меньшие, но все же остаются могущественными региональными государствами. По мнению Дж. Мир-

шаймера, с точки зрения неоклассического реализма, это наихудшая из возможных архитектур межгосударственных отношений.

Дж. Миршаймер также указывает на особенности идеологической картины мира в регионе, где происходят трансформации национализма в рамках «исторической несправедливости», исторической памяти, менталитетов победителя и «обиженной жертвы», где подобные идеи могут даже подменять идеологию.

Дж. Миршаймер отмечает возрождение нарратива «никогда не забывать национальное унижение», которое стало мощным резонансом и мотивацией. Парадоксом для Дж. Миршаймера является стремление держав по мере наращивания своих возможностей к возрождению старых обид.

Дж. Миршаймер указывает, что «экономическая взаимозависимость» как фактор, сдерживающий конфликт, является мифом, который развенчивает еще Первая мировая война, поскольку в тот период уже существовала богатая история торговли между воюющими странами.

Дж. Миршаймер отмечает справедливые упреки КНР в провокационных действиях США, подчеркивая негативное влияние американского «разворота в Азию». «Разворот» США, возможно, усугубил проблемы, к которым добавилось стремление более слабых государств заявить о своих правах до того, как дисбаланс сил еще больше ухудшит их положение.

Дж. Миршаймер считает, что США и Запад, вместе со своими союзниками в АТР, должны принять рост КНР как мировой державы, признать его «ответственным участником» новой системы международных отношений с законными интересами и особенностями внешней политики³⁴.

В то же время, приход к власти азиатских националистических лидеров, чьи собственные планы совершенно не связаны с интересами США, резко осложняет ситуацию. Так, Япония, долгое время выступавшая за либеральный международный проект, выбирает крен в пользу безопасности.

Политика Японии в области вооружений оказывает непосредственное влияние на баланс сил в АТР. Усиливается военная напряженность в китайско-японских отношениях. В частности, в 2018 году военная подводная лодка Японии впервые приняла участие в военных учениях в Южно-Китайском море. В это же время японский вертолетоносец впервые со времен окончания Второй мировой войны оказался в акватории Сингапура. Официальная цель подобной активности была в укреплении свободы

морских торговых путей, однако это, безусловно, оказало негативный эффект на отношения с КНР³⁵.

Вместе с тем, Пекин должен был учитывать растущее противостояние с Вашингтоном, и в этой связи визиты руководителей Японии и Китая в 2018 и 2019 годах подтвердили «приверженность и Японии, и Китая принципам свободной торговли и «многосторонних отношений» в сфере экономического взаимодействия. Выступая против протекционизма, торговых войн и санкций, стороны нашли ту общность позиций, которой им так не хватало в последнее время, а также обозначили тот принципиальный пункт, который пока не позволяет Японии слепо следовать в фарватере новейшей политики США в отношении КНР»³⁶.

КНР и Япония, несмотря на расхождения в области обеспечения безопасности, совместно выступают за наращивание процессов экономической глобализации и дальнейшую либерализацию мировой торговли.

В условиях нарастающей напряженности в мире Япония и КНР стремятся сделать акцент на закреплении традиционного курса в области экономической политики³⁷.

Важным фактором здесь являются американо-японские отношения. Как отметил посол России в Японии М. Галузин, Россию настораживает размещение американской системы противоракетной обороны в Японии, и вместе с тем, «круг наших озабоченностей гораздо шире, чем ПРО. Речь идет о том, что существует японо-американский военно-политический альянс. Мы не рассматриваем Японию как угрозу. Но если говорить об этом альянсе, который предполагает в том числе наличие американских войск на территории Японии, мы не можем не обращать внимания на то, что нынешняя политика Соединенных Штатов в отношении России носит, мягко говоря, не дружественный, а, по сути, враждебный характер. Это мы тоже не можем не учитывать. Поэтому американские войска – это вызов нашей безопасности, в какой бы стране они ни находились»³⁸.

С точки зрения реализма одним из самых примечательных результатов 2022 года является жесткая реакция Токио на конфликт на Украине. Японское правительство премьер-министра Ф. Кисиды ввело беспрецедентный уровень экономических санкций против России, включая замораживание активов Центрального банка России и индивидуальные санкции против президента страны. Эти меры резко контрастируют с реакцией после событий 2014 года.

Как отмечается, серия жестких действий Токио застала врасплох многих американцев и европейцев, не говоря уже о самих японцах³⁹.

Есть четыре основных фактора, определяющих жесткую реакцию Японии. Во-первых, Токио встревожен масштабом конфликта и сформировавшимся в стране общественным мнением.

Во-вторых, Токио видит связь между ситуацией в Европе и Восточной Азии. Японское правительство считает кризис на Украине вызовом, который не ограничивается Европой, но касается всего мира, в том числе Азии.

Япония рассматривает ситуацию как попытку применения силы для одностороннего изменения статус-кво, и не желает повторения такой ситуации в Восточной Азии, имея в виду КНР.

Посыл Токио заключается в том, чтобы обменять твердость в поддержке Запада в конфликте на Украине на такую же твердость в случае, если в будущем в Восточной Азии разразится конфликт.

В-третьих, внутривластные факторы в Японии побуждают действующего премьер-министра продемонстрировать отличия своей внешней политики от политики своего предшественника.

С. Абэ неоднократно уклонялся от жестких действий в отношении России. Вместо этого он постоянно уделял первостепенное внимание отношениям с президентом России В.В. Путиным и старался не раздражать Москву, надеясь, что сможет продвинуться вперед в переговорах по территориальному спору о северных территориях и мирному договору. Проще говоря, С. Абэ не хотел, чтобы его повестка дня в отношении России была нарушена российскими действиями в других частях мира.

С. Абэ остается активным участником японской политики, и его сторонники представляют собой вызов для действующего премьер-министра в правящей Либерально-демократической партии.

Ситуация вокруг Украины показалась действующему премьер-министру Японии подходящим случаем, чтобы укрепить свои внутривластные позиции и продемонстрировать отличительные черты своей внешнеполитической стратегии.

В-четвертых, что весьма важно, мощная общественная поддержка курса действующего премьер-министра позволяет ему продолжать занимать жесткую позицию. Опрос Kyodo, проведенный в апреле 2022 года, показывает, что 73,7 % японцев поддерживают жесткие экономические санкции против России, даже если это повлечет за собой экономические

издержки для Японии. Общий рейтинг одобрения правительства также вырос за последние несколько месяцев, что является хорошей новостью в преддверии выборов в верхнюю палату в июле 2022 года⁴⁰.

Все же, имеются две проблемы, из-за которых правительству будет все труднее сохранять твердую позицию. Во-первых, уровень интереса общественности и СМИ к конфликту на Украине со временем может снизиться. Действительно, уже появляются признаки снижения общественного внимания.

Во-вторых, экономические издержки, связанные с санкциями против России, в ближайшие месяцы будут все больше ощущаться общественностью, не в последнюю очередь из-за роста цен на энергоносители и усиления опасений по поводу электроснабжения. Общественное мнение может измениться в любой момент.

В этом плане резкость, объяснимая с точки зрения безопасности, не подкрепляется силой, что с точки зрения реализма является главным фактором в международных отношениях.

В отношении территориальных претензий Токио перешел на жесткую позицию, подчеркивая, что четыре северных острова «незаконно оккупированы» Россией.

В заявлениях правительства подчеркивается отход Токио от примирительного подхода к России, а формулировка «незаконно оккупированные» в статусе островов у самого северного главного острова Японии Хоккайдо появляется впервые после 2003 года.

Японское правительство подчеркивает, что нынешние обстоятельства делают перспективы исхода территориальных переговоров неопределенными. Правительство Японии «настоятельно требует», чтобы Россия прислушалась к критике международного сообщества, завершила свое участие в конфликте на Украине и следовала принципам международного права в решении территориальных споров, в том числе включая Северные территории.

Администрация бывшего премьер-министра Синдзо Абэ надеялась, что прогресс в переговорах по территориальному вопросу приведет к возвращению части островов на основе двустороннего договора 1956 года. За время своего пребывания в должности с декабря 2012 года по сентябрь 2020 года С. Абэ более 20 раз без прорыва встречался с президентом России В.В. Путиным.

Отвечая на вопрос о формулировках доклада о политике Японии, пресс-секретарь Кремля Д. Песков сказал, что четыре острова являются «неотъемлемой территорией» России, добавив, что продолжение переговоров о мирном договоре с Японией стало затруднено из-за «враждебных действий» Токио в отношении Москвы⁴¹.

Касательно ситуации в Восточной Азии, Япония отмечает растущее соперничество между США и КНР и завершение периода, когда Вашингтон поддерживал «мировую стабильность и процветание» посредством подавляющей политической, экономической и военной мощи, имея в виду расширение присутствия развивающихся и развивающихся стран. Что касается отношений с Соединенными Штатами, то японо-американский союз стал «крепче, чем когда-либо прежде в истории», поскольку к концу февраля две страны провели восемь встреч на высшем уровне и 15 переговоров на уровне министров иностранных дел при президенте США Джо Байдене⁴².

Особенности развития современных международных процессов показывают, что с точки зрения Дж. Миршаймера, национализм проявляется как, по сути, внутренняя дискуссия, направленная на установление доверия к националистам в рамках сложной фракционной политической системы.

У этого аргумента есть две стороны. С одной стороны, это, по сути, безобидно, гипернационализм – это просто безобидные выходки, тирада для внутренней аудитории, которая пройдет сама собой. С другой стороны, независимо от того, что делают иностранцы, националистическим правительствам будет недостаточно. И нет ничего, что, скажем, уравновешивающая коалиция «разумных» государств могла бы смягчить воинственное государство.

Современный неоклассический реализм также обращается к проблеме экономического принуждения. Проблема «взаимозависимости» или «взаимной уязвимости» хорошо известна историкам. Например, в конце 19 века британский политико-промышленный истеблишмент очень хорошо понимал, что Германия обгоняет его как по мощи, так и по доблести, но предпочитал продолжать торговать с Германией, потому что ему были нужны специализированные немецкие промышленные товары. Что еще более важно, Лондон осознавал, что Германии будет трудно конкурировать, чтобы найти альтернативных покупателей для своих товаров за границей, поэтому бойкот-эмбарго под руководством Великобритании был

по существу бесполезен; нанося ущерб Германии, это может на самом деле причинить еще больший экономический ущерб британской торговле⁴³.

Параллели той ситуации и современной с США и Китаем представляются очевидными. Экономическое «сдерживание» обошлось бы обеим сторонам катастрофически дорого, однако, как указывает Дж. Миршеймер, оно, к сожалению, вполне осуществимо, поскольку государства (или правительства) всегда будут ставить безопасность выше процветания, потому что без безопасности не может быть процветания.

Однако есть еще один вариант темы экономического принуждения, это односторонняя или асимметричная уязвимость. Если одно государство нуждается в другом гораздо больше, чем наоборот, существует потенциал для прямого принуждения. Принуждение в реалистическом смысле не обязательно означает военные угрозы; политических убеждений может быть достаточно.

В частности, крайняя зависимость Новой Зеландии от Китая в экспорте молочных продуктов, которая приводит к тому, что до 80 % китайского импорта детских смесей поступает из Новой Зеландии, а 80 % из них – из Фонтерры. На первый взгляд может показаться, что Фонтерра имеет большое влияние на Китайскую Народную Республику!

На самом деле дело обстоит как раз наоборот. Когда возникают опасения по поводу безопасности молока, не только генеральный директор Фонтерра, но и премьер-министр Новой Зеландии «должны сесть на ближайший рейс в Пекин», чтобы заняться этим вопросом⁴⁴. Для Фонтерра ничто не заменит гигантский китайский рынок детских молочных смесей. Потенциал для принуждения явно существует, и в этой связи очевидно и понятно, почему некоторые представители Новой Зеландии выступают против присоединения к какой-либо будущей «уравновешивающей коалиции», направленной против Китая⁴⁵.

Для неоклассического реализма это является признанием дилеммы Новой Зеландии: Китай является гегемоном в том смысле, что, возможно, если не считать тотальной войны, Пекин станет достаточно влиятельным, чтобы заставить своих соседей и партнеров подчиняться своей воле⁴⁶.

Неоклассический реализм делает ставку на военную силу, принимая природу насильственного военного конфликта, и понимая предпочтения преимущества первого удара в стратегической культуре тех или иных стран как средства быстрого превосходства над врагом и сдерживания эс-

калации. Это может быть рискованной игрой, особенно когда в ней участвуют державы с огромной стратегической глубиной и ресурсами, такие как Китай, Россия и США.

При этом для неоклассического реализма ядерное оружие изменило подходы к военному конфликту, но не сущность отношений между великими государствами. Однако ядерное оружие повышает риск и последствия быстрой эскалации. В этой связи большое значение может иметь отказ от провокаций, способных спровоцировать возможность использования ядерного оружия. Такой провокацией может быть перспектива быть окруженным с нескольких сторон. Безопасность по-прежнему является относительным понятием, и защита одного может выглядеть для его противника как угроза.

Для неоклассического реализма траектория выбора государства – особенно великих держав, у которых есть пространство для маневра – неопределенное и условное понятие. Однако основной выбор по-прежнему заключается в том, что сложности международных отношений приводят к простым решениям.

Внешняя политика США является безусловным фактором, влияющим на выбор таких держав, как Китай или Россия. Так, агрессивно противодействуя Китаю или России, США должны ожидать очень высокие издержки нежелательного и крупного кризиса доллара, который нанесет мощный удар не только ее экономике, но и глобальному военному потенциалу США. США не будут единственной жертвой своего «успеха» в нанесении ущерба экономике Китая или противодействии России, побочный ущерб будет широкомасштабным и значительным, поскольку, например, Китай стал одновременно опорой и двигателем глобального экономического роста.

Роль Китая возросла не только как крупнейшего экспортера в мире, но можно отметить и растущее значение КНР в качестве импортера продукции других стран. Уже в 2008 году Китай был третьим по величине в мире импортером, готовым занять второе место после США. В 2008 году Китай был крупнейшим экспортным рынком для Аргентины, Чили, Ирана, Казахстана, Омана, Йемена, Мьянмы, Южной Кореи и ряда других государств. Китай был вторым по значимости импортером товаров из множества стран, включая Австралию и Японию, и был очень важным экспортным рынком для множества других стран, включая Соединенные

Штаты, которые экспортировали в Китай больше, чем в любую другую страну, кроме Канады и Мексики⁴⁷.

В случае, если какие-либо ограничительные меры, предпринятые США и их союзниками, привели бы к снижению темпов роста КНР, снижая его экспорт, это привело бы одновременно к падению спроса на импортируемые в КНР товары. Это, в свою очередь, повлекло бы цепную реакцию недовольных государств, справедливо обвинявших бы США в своих экономических и последующих политических проблемах. С другой стороны, подобная политика США могла бы повлечь за собой рост враждебности, проявлявшейся бы в более агрессивном виде. Это усилило бы и без того значительную международную напряженность, привело бы к выработке международной стратегии, допускающей возрастание рисков. В более общем плане крайне враждебная позиция великих держав по отношению друг к другу почти наверняка вызвала бы эти процессы.

В целом, полномасштабная конфронтация с Китаем или Россией в духе наступательного реализма стала бы геополитическим жестом, который наносит ущерб США и их союзникам, снижает их международное политическое влияние, и ведет к росту взаимного раздражения. Вместе с тем, неоклассический реализм ожидает, что растущие великие державы будут более амбициозны, напористы, и часто с ними трудно иметь дело⁴⁸.

С точки зрения реализма, безопасность определяет действия великих держав. Так, в период холодной войны НАТО создала единый фронт против СССР. Цепь союзов США, до сих опоясывающих Восточную Азию, была построена, чтобы сдерживать там «коммунистическую экспансию». Взаимодействие США с Китаем, продолжавшееся с 1970-х по 2010-е годы, было искусной стратегией, чтобы использовать китайско-советский раскол. Каждая из этих инициатив была элементом стратегии, разработанной в первую очередь для того, чтобы победить Советский Союз. В отсутствие холодной войны, сточки зрения реализма, Япония и Западная Германия не потерпели бы длительной военной оккупации США на своей земле, а французы и немцы не объединили бы свои промышленные ресурсы⁴⁹.

Соединенные Штаты, которые в течение предыдущих двух столетий уклонялись от международных обязательств и защищали свою экономику, не стали бы поддерживать систему международных организаций и не стали бы давать гарантии безопасности, оказывать масштабную помощь (план Маршалла) и обеспечивать легкий доступ к рынку для десятков

стран, включая бывшие враждебные державы стран Оси, потерпевшие поражение во второй мировой войне. Только угроза со стороны ядерной и идеологически враждебной сверхдержавы могла заставить так много стран отказаться от давнего соперничества.

На протяжении десятилетий Соединенные Штаты и их союзники знали, за что они выступают и кто был их враг. Однако после окончания холодной войны одна всеобъемлющая угроза уступила место калейдоскопу относительно второстепенных угроз. В новой и неопределенной обстановке после окончания «холодной войны» западные союзники искали убежища в прошлых источниках успеха. Вместо того, чтобы строить новый порядок, они наращивали существующий. Несмотря на радикальное изменение международной ситуации, миссия, по мнению Запада, осталась прежней – расширить сообщество демократий со свободным рынком. Членство в НАТО почти удвоилось. Европейское сообщество превратилось в ЕС, полноценный экономический союз. Но кризис, который произошел в международных отношениях, с точки зрения политического реализма, абсолютно закономерен.

В прежних международных системах он также происходил вполне закономерно. В частности, в венской системе международных отношений в середине XIX века кризис произошел в виде волны либеральных революций, которые подорвали единство и идеологическую связность монархического «европейского концерта наций». В 1930-е годы фашистские державы разрушили либеральный межвоенный порядок, стоявший на пути их империалистической политики. Исключающие по своей природе международные порядки неизбежно вызывают оппозицию.

Либеральный порядок для Запада был исключением. Приверженность системы к открытости и недискриминации якобы затруднял возможность для ее отвержения и облегчал присоединение. Любая страна, большая или маленькая, могла бы подключиться и играть свою роль в глобализированной экономике. Либеральные институты могли бы адаптировать даже нелиберальных участников, которые постепенно преобразовывались бы системой в ответственных членов либерального сообщества. По мере того, как присоединялось все больше стран, разыгрывался благотворный цикл, в котором свободная торговля породила бы процветание, которое распространило бы демократию, что укрепит международное сотрудничество, что приведет к большей торговле. Однако этот неолибера-

листский посыл не оправдал себя, даже несмотря на то, что изначально не должно было быть большого сопротивления, потому что Запад (либерализм) уже победил своего главного врага.

Тем не менее, неолиберализм в своем допущении глобального доминирования оказался ошибочным. Содействуя свободным рынкам, открытым границам, демократии, наднациональным институтам и рационализму для решения проблем, неолиберализм не справился с традиционными институтами и представлениями, которые веками объединяли сообщества: государственный суверенитет, национализм, религия, культура. Оставшись в прежнем мире, либеральный порядок открыл возможности для всевозможных националистических, популистских, или реваншистских концепций.

На этом фоне НАТО решает вопросы о разделении финансового и военного бремени. ЕС борется с ксенофобией и последствиями выхода Великобритании, столкнувшись с конфронтацией с Россией. Либеральные идеи оказались плохо подготовленными для решения насущных глобальных проблем, таких как климатические перемены, финансовые кризисы, пандемия, цифровая дезинформация, политический экстремизм, и другие⁵⁰.

Следствием данных факторов стал постепенный распад либерального порядка. На этом фоне политика таких держав, как Китай и Россия, выглядит соответствующей духу реализма. Обе державы стремятся занять свое законное место в качестве доминирующих в своих регионах, могущественных центров силы нового мирового порядка.

Дж. Миршаймер утверждает, что требования России к НАТО отказаться от расширения на восток и не вступления в блок Украины являются не формой традиционного империализма в XXI веке, а понятной политикой великой державы. Он отмечает, что соседи великих держав должны внимательно следить за тем, какие у них намерения, и если допускать, что можно осуществлять враждебные действия не ожидая ответа, то это будет ошибкой. Великая держава должна будет ответить, и кризисы на постсоветском пространстве, в том числе кризис 2022 года на Украине, является типичным ответом великой державы, схожим с американской доктриной Монро 1823 года, в которой говорилось, что США не потерпят, чтобы отдаленные державы вводили вооруженные силы в Западное полушарие⁵¹.

Дж. Миршаймер отмечает, что вместо того, чтобы сосредотачиваться на таких терминах, как империализм, важно смотреть на лежащую в основе реальность – все великие державы пытаются подорвать политику, которую они считают угрозой, независимо от того, демократична эта политика или нет. Он отмечает, что США свергли демократически избранных лидеров в западном полушарии во время холодной войны, потому что были недовольны их политикой. Он считает, что это нормально для великих держав.

Утверждая, что мир не работает исключительно на моральных условиях, Дж. Миршаймер указывает, что усилия США по либерализации и демократизации стран с момента достижения ими однополярности после распада Советского Союза в 1991 году были катастрофическими. Принимая это во внимание, он утверждает, что США и НАТО несут ответственность за текущие кризисы в международных отношениях. С точки зрения реализма, Россия как великая держава обязана стремиться к тому, чтобы сократить сферу влияния Запада⁵².

Дж. Миршаймер считает, что США, продвигая расширение НАТО на восток и устанавливая дружественные отношения с постсоветскими странами, увеличили вероятность войны между ядерными державами и заложили основу для текущего международного кризиса. Он придерживается позиции, согласно которой США виноваты в том, что Россию спровоцировали, и, в частности, заявление на саммите НАТО в 2008 году в Бухаресте, в котором прозвучало обещание принять в свои ряды Украину и Грузию, стало во многом поворотным пунктом, поскольку Москва восприняла это как экзистенциальную угрозу, западного полушария прекрасно понимают это в отношении Соединенных Штатов⁵³.

В целом, видение Дж. Миршаймера как одного из видных представителей неоклассического реализма основано на фундаментальном предположении, которое изображает великие державы как ревизионистских хищников, стремящихся к выживанию. Конечная цель любого могущественного государства – добиться региональной гегемонии, то есть стать сильнейшей нацией в своей части мира. Кроме того, великие державы также хотят убедиться, что нет претендентов на господство в других регионах.

В то же время, великие державы традиционно воздерживаются от войны против себе равных. Вместо этого они предпочитают нападать на

более мелкие государства, или те из них, которые находятся в упадке. Эти небольшие войны неоднократно обострялись таким образом, что в конфликт втягивались и другие великие державы. Но эти конфликты – так сказать, непреднамеренная эскалация – значительно отличаются от напряженной конкуренции в сфере безопасности, которая наблюдается в настоящее время. Доминирующие военные державы с большей вероятностью, чем восходящие государства, начнут крупный конфликт, при условии, что они опасаются потери своего статуса.

Дж. Миршаймер утверждает, что борьба за гегемонию естественна, поскольку гегемония обеспечивает наибольшую безопасность. Он определяет гегемона как государство, настолько могущественное, что оно доминирует над всеми другими государствами в системе. Ни у одного другого государства нет вооруженных сил, чтобы вести с ним серьезную борьбу. Возможность доминировать над другими государствами, чтобы получить желаемое, и отсутствие серьезных военных угроз своему выживанию предпочтительнее, чем быть равным в анархической международной системе, где дальнейшее выживание на каком-то уровне оставлено на усмотрение других государств. Однако важно различать стремление к гегемонии и гегемонию.

Государства начинают войну, когда ожидаемая полезность войны больше, чем ожидаемая полезность отказа от войны (фактически, когда выгоды превышают затраты). Подъем США к региональной гегемонии (положение господства и военного превосходства в Западном полушарии) был важен для наступательного реализма (в конце концов, именно этот случай показывает, что можно достичь региональной гегемонии), и Дж. Миршеймер неоднократно использует его как модель поведения других восходящих держав.

Вместе с тем, критики неоклассического реализма указывают, что причина, по которой США стали региональным гегемоном, связана не с неэффективностью балансировки, как утверждает Дж. Миршаймер, а с отсутствием сил, которые сбалансировали бы их влияние в регионе. Следовательно, то же самое не должно относиться к России или Китаю. Так, у КНР в качестве баланса сил выступают Япония, развивающаяся держава Индия и по крайней мере два государства с развитым военным потенциалом (Южная Корея и Вьетнам), а также внешняя великая держава США, обладающая возможностями проецировать военную мощь по всему миру и оказывать военную поддержку соседям Китая⁵⁴.

Помимо этого, обладание ядерным оружием сдерживает внешнюю агрессию и делает международную среду более безопасным для его обладателя. Доктрина гарантированного взаимного уничтожения эффективно гарантирует, что претензии на гегемонию ограничены. Любая попытка добиться гегемонии посредством агрессии заставит одни государства нацелить свое ядерное оружие, в то время как другие государства начнут его разрабатывать. Точно так же ядерная держава удерживает любое другое государство, даже единственного гегемона, от угрозы нападения. Таким образом, гарантированное взаимное уничтожение смягчает неуверенность, с которой сталкиваются великие державы. Надежное ядерное сдерживание делает неуместной неопределенность в отношении характера военного потенциала других государств.

Если Дж. Миршаймер отмечает, что прошлое и настоящее поведение не могут быть надежным индикатором поведения в будущем, то учитывая, что государства рациональны, заинтересованы в выживании и максимизации власти, не имеет смысла, учитывают ли они прошлое поведение как способ расчета серьезности угрозы, исходящей от существования другого государства⁵⁵.

При этом критики наступательного, или неоклассического реализма считают, что теоретические выводы концепции баланса сил также ставят под сомнение основной принцип наступательного реализма. Если бы восходящие державы занялись тотальным хищничеством своих слабеющих коллег, они могли бы ускорить формирование значительной уравновешивающей коалиции. В многополярных системах восходящая держава может также нуждаться в помощи других стран, находящихся поблизости от соперников. Тотальное хищничество стран, находящихся в упадке, казалось бы, исключает будущее сотрудничество с другими государствами и, таким образом, представляется стратегически неразумным. По этим причинам развивающиеся государства, похоже, применяют более тонкие стратегии в отношении своих слабеющих сверстников. Более того, можно было бы ожидать, что набирающие силу державы будут следовать либо хищническим, либо поддерживающим стратегиям с разной интенсивностью – в зависимости от стратегической ценности и военного положения идущих на убыль, соответственно⁵⁶.

Г. Киссинджер отмечал, что мировой порядок не может быть основан только на политике равновесия, но и не может быть достигнут без

учета этого. США, стремясь поощрять российскую демократию, еще в 1990-е годы часто поощряли экспансионистскую внешнюю политику. Как отмечает Г. Киссинджер, для большинства россиян распад Советского Союза стал унижительным концом империи и отступлением на 400 лет назад, достигнутой за 400 лет жертв. Возвращение бывших советских республик на родину и восстановление старых стратегических границ является для многих из них популярной задачей. Любой российский лидер будет апеллировать к этим настроениям⁵⁷.

Исходя из логики реализма, в 1996 году Г. Киссинджер допускал, что избранный после Б.Н. Ельцина российский лидер будет проводить «весьма тревожную» внешнюю политику, поскольку США и Запада ускорили возрождение «российского ревизионизма», настаивая на том, чтобы относиться к России как к вызову социальной инженерии, а не внешней политике⁵⁸.

Кроме того, Г. Киссинджер отмечал, что для традиционного китайского государственного управления, которому на протяжении тысячелетий приходилось бороться с иностранными вторжениями, упор делается на структурный и геополитический подход. Односторонность подхода США уменьшила влияние либеральных ценностей и подорвала веру в их искренность, а стремление использовать сотрудничество для большей открытости в духе либеральных идей не способствовали конструктивному сотрудничеству. Можно согласиться с тем, что если даже военное сотрудничество оправдывается не общими целями укрепления безопасности, а служит своего рода американским учебником по изменению российских или китайских институтов, оно будет оказывать негативное влияние на процессы взаимодействия в стратегическом плане.

Угроза санкциями и их широкое применение со стороны США, также порождает неуважение к американским инициативам за рубежом, и служит демонстрацией неспособности посредством либеральных ограничительных мер добиваться своих целей.

С точки зрения реализма, сложившийся баланс сил требует отказа от глобальной либеральной повестки дня. Дж. Миршаймер отмечает, что в сценарии, когда Россия или Китай бросают вызов прежнему западноориентированному порядку, США должны были следовать реалистской логике и сосредоточиться на сближении с Россией или Китаем, а вместо этого либерализм и вера в однополярность привели к антиамериканскому и антизападному сотрудничеству.

«Мирный подъем» Китая, который полагается в первую очередь на экономическое влияние для продвижения своих интересов, дополняется эффективной стратегией в сфере безопасности.

С точки зрения происходящей трансформации мирового порядка, формирующаяся архитектура системы международных отношений пока еще слабо различима, но, вместе с тем, можно выделить две ключевые черты. Во-первых, это страны, формирующие прежний либеральный экономический блок (G7 и их союзники), которые все еще контролирует большую часть мирового ВВП. Состав этих государств не постоянен, а объединяет их стремление сохранить прежний политико-экономический строй⁵⁹.

Вторую группу можно описать как страны, которые стремятся изменить сформировавшийся после холодной войны миропорядок. Технологически именно Китай представляется здесь конкурентом прежним лидерам. Как Великобритания в XVIII–XIX веках, и США в XX веке, Китай в XXI веке может аргументировать свое доминирование при помощи новейших технологических разработок, относящихся к четвертой промышленной революции. Они включают в себя включая искусственный интеллект, биотехнологии, полупроводники, телекоммуникации и др. Сильной стороной является присутствие Китая практически во всех аспектах либерального экономического порядка⁶⁰.

Однако Китай не является единственным вызовом. Новые, возрождающиеся или формирующиеся центры силы, такие как Россия, Индия, Бразилия открыто бросают вызов западным институтам и их прежней системе доминирования.

В новых условиях страны, придерживавшиеся либерального порядка, реформируют существующие правила, стремясь навязать новые, объединяясь, принимая стандарты и методы и угрожая исключить страны из поддерживаемой ими системы и перестраивая мир вокруг себя.

В сложившихся условиях многое может зависеть от того, в какой степени Запад окажется способен к коллективным действиям. Это может непосредственно повлиять на контуры нового мирового порядка и то место, которое будут занимать в нем ведущие центры силы.

Формирование мирового порядка является, прежде всего, вопросом острой конкуренции, которая охватывает конфликтующие стороны, и это мало соприкасается с вопросами гармоничного сотрудничества.

В целом, окончание холодной войны спровоцировало дебаты о будущем мировом порядке. Среди западных экспертов было широко распространено мнение, что резкое ослабление России обусловило появление однополярного мира. США в 1990-е годы могли позволить себе проводить свою политику, в том числе начинать войны, без оглядки на другие державы или ООН. Примерами таких действий могут послужить операции против Ирака в 1991 году или против Югославии в 1999 году.

Однако начало XXI века изменило ситуацию. Вторжение в Афганистан в 2001 году и в Ирак в 2003 году подорвало глобальную мощь США, которые не смогли успешно завершить ни одну из этих операций.

На этом фоне трансформирующаяся система международных отношений в последние годы сталкивается с определенным давлением, вызванным, с одной стороны, относительным ослаблением США и все более усиливающимися сомнениями по поводу их способности выполнять роль сверхдержавы, и, с другой стороны, растущей ролью КНР, которая уже не просто теснит страны Запада во главе с США, но и готова бросить открытый вызов их господству.

Китай, представляя все более растущую опасность для гегемонистских амбиций США, становится государством, которое требует к себе особого отношения со стороны Вашингтона.

Сотрудничество США и КНР на протяжении последних десятилетий формировалось вокруг вопросов экономической взаимозависимости, в политической же сфере отношения между державами не были ни конфронтационными, но союзническими.

Однако по мере того, как экономический рост Китая стал угрожать позициям США, конфронтационные тенденции стали постепенно набирать обороты. Уже при президенте Д. Трампе конфронтация перешла в стадию открытого противостояния на уровне санкций и войны тарифов, которая наносит ущерб обоим государствам

К настоящему времени американо-китайские отношения приобретают все более конфронтационный характер, актуализируя борьбу за лидерство в новой формирующейся системе международных отношений, в которой впервые в истории могут доминировать незападные державы.

В этих условиях для Китая все большее значение обретают отношения с Россией. РФ воспринимается как ключевой стратегический партнер КНР, с которым разделяется во многом общее видение глобальной по-

вестки дня. В условиях нарастания международной напряженности именно отношения КНР и РФ могут сыграть ключевую роль в формирующейся международной системе⁶¹.

После украинского кризиса в 2013–2014 годах Соединенные Штаты поддержали усилия по восстановлению внимания НАТО к «сдерживанию» России. Краеугольным камнем этих усилий является полная реализация к концу 2019 г. так называемой Инициативы готовности к 2030-м годам, предложенной Соединенными Штатами в 2018 г., в рамках которой НАТО будет иметь 30 механизированных батальонов, 30 воздушных эскадронов и 30 судов, готовых к использованию в течение 30 дней⁶².

Представители США отмечают успешные усилия администрации в 2017 и 2018 годах по существенному увеличению финансирования присутствия сил США в Европе, и отмечают, что в целом расходы по всему альянсу растут, утверждая, что причиной является «возобновление российской агрессии»⁶³.

Однако эксперты высказывают сомнения в эффективности этих усилий. Например, К. Амадео считает, что такими силами НАТО не может успешно защитить территорию своих наиболее уязвимых членов. Некоторые союзники, в том числе Польша и страны Балтии, призвали других членов НАТО развернуть больше сил в регионе, чтобы усилить сдерживающую позицию этого альянса⁶⁴.

В настоящее время последовательное нарастание напряженности в международных отношениях поставило на повестку дня вопрос использования силы. На наш взгляд, политический реализм, основанный на понимании таких факторов, как национальный интерес, сила, конфликты, баланс сил и т.д., наиболее полно, в сравнении с политическим либерализмом, отражает сущность современных международных отношений, по крайней мере, в период продолжающейся их трансформации.

Связанным с этим понятием является идея анархии и порядка в теории международных отношений. Анархия в международных отношениях проявляется в настоящее время в росте вооруженных конфликтов с участием великих держав, грозящем развертыванием глобального или серии региональных столкновений, направленных на ускорение формирования новой системы международных отношений.

В то же время, даже в настоящее время абсолютизация анархии и, следовательно, фактора силы ограничивает понимание поведения государств в современном мире. Сами международные отношения претерпе-

вают трансформации, например рост международных и региональных организаций, рост взаимозависимости, глобализационные процессы.

Тем не менее, ведущие государства мира по-прежнему остаются главными действующими лицами, и полагаются в своих действиях прежде всего на силу, то есть основным фактором все равно является анархия, лежащая в природе международных отношений.

Как представляется, снижение анархии в пользу порядка и относительное уменьшение фактора силы напрямую зависит от того, как быстро завершится процесс трансформации международных отношений, сформируется новый мировой порядок, и насколько он будет отражать глобальный баланс сил.

Таким образом, подводя итоги первому параграфу, можно отметить, что современная система международных отношений переживает стадию трансформации и становления. Вероятно, в настоящее время происходит наиболее активная фаза процессов передела мира, характеризующаяся общим ростом конфликтов, резким усилением влияния фактора силы и анархии в международных процессах.

На теоретическом уровне это отражается в концепции наступательного реализма, которая призвана объяснить поведение великих держав в современных условиях, попытках продолжения распространения идей либеральной демократии как фундаментальной идее обоснования превосходства Запада.

Возрождение России как мировой державы, продолжающийся рост КНР, становление таких стран, как Индия вызывает все более широкие обсуждения относительно будущего мирового порядка, который, вероятно, впервые будет не западнцентристским, а будет включать в себя несколько центров силы, среди которых США и Запад будут всего лишь одними из них.

1.2. РФ в международных отношениях в XXI веке

XXI век для Российской Федерации становится временем ее возрождения как великой державы. В первые годы президентства В.В. Путина Россия укрепила внутривнутриполитическое положение, успешно завершив вооруженный конфликт в Чечне и перестроив политическую систему страны в сторону более централизованного управления.

Вслед за этим Россия укрепила свое влияние на постсоветском пространстве и «вернулась» в качестве великой державы в регионы, которые были оставлены с окончанием холодной войны.

Возрождение России как глобального центра силы сопровождалось ростом международной напряженности, вызванной, прежде всего, ее взаимодействием с США и другими странами Запада, обвинявшими Москву в «ревизионизме» и реваншистских настроениях.

Кризис 2014 года на Украине сопровождался открытой конфронтацией между Россией и Западом, которая скорректировала ее внешнеполитический курс. Корректировки были отражены в основополагающих документах по внешней политике, в частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2016 году.

В Концепции, наряду с обеспечением национальной безопасности, заявлялось о необходимости «упрочения позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира», коллективного решения проблем международной безопасности в противовес односторонним действиям, «недопущение дискриминации российских товаров, услуг, инвестиций»⁶⁵.

Важным аспектом представляется утверждение о «содействии устранению имеющихся очагов напряженности и конфликтов» на территориях сопредельных государств и «предотвращение возникновения таких очагов и конфликтов»⁶⁶. В одном из своих основополагающих документов по внешней политике Россия фактически закрепила право на вмешательство в дела сопредельных стран, принцип, аналогичный утверждаемому НАТО с 1990-х годов и реализованный этим альянсом в серии операций от Югославии до Ливии.

На практике Российская Федерация осуществила подобные операции в Абхазии и Южной Осетии в 2008 году, при воссоединении Крыма и образовании ДНР и ЛНР в 2014 году, а также в ходе операции ОДКБ в Казахстане в январе 2022 года и на Украине.

Россия подчеркивает стремление выстраивать сотрудничество на недискриминационной основе⁶⁷, с учетом ее интересов и отказа от превосходства одной из сторон.

Важным компонентом возвращения в качестве великой державы Россия рассматривает фактор «мягкой силы». Этот фактор включает в себя такие аспекты, как:

- защита прав и интересов соотечественников, проживающих за рубежом;
- «распространение и укрепление позиций русского языка в мире»;

- «популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки»;

- консолидация российской диаспоры»;

- «укрепление позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве и доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы»⁶⁸.

Москва рассматривает современные международные отношения как находящиеся в состоянии глубокой трансформации, которая ведет к формированию многополярной системы международных отношений.

Важным для российско-китайских отношений является утверждение о том, что происходит смещение «потенциала силы и развития» в Азиатско-Тихоокеанский регион при одновременном сокращении возможностей «исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике»⁶⁹.

Россия стремится противостоять «стремлению западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях». В этих условиях «борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития»⁷⁰.

Вовлеченность России в конфликты является частью формирования новой системы международных отношений. В этих условиях повышается роль силы в решении спорных вопросов, хотя это и влечет угрозы «втягивания в региональные конфликты и эскалации кризисов»⁷¹.

Помимо военной силы, в современных конфликтах находят отражение практически все факторы влияния. Широко используются экономические средства давления, в частности санкции, правовые, ограничивающие государства в их правах на международной арене или их суверенитет, технологические, открывающие невиданные ранее возможности давления, или информационные, создающие нужную повестку дня и расставляющие необходимые акценты, формируя феномен постправды.

Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Россия отстаивает позицию по усилению ее координирующей роли, рассматривая

эту роль как важную часть формирования новой системы международных отношений. В этих же целях Россия использует свое участие в международных организациях, механизмы межгосударственного сотрудничества.

Россия рассматривает ООН в качестве глобального центра, который будет регулировать и координировать международные процессы в XXI веке. В этих целях Российская Федерация стремится обеспечить незыблемость «ключевых положений и принципов Устава ООН», «укрепление потенциала ООН в целях рациональной адаптации к новым мировым реалиям при сохранении ее межгосударственной природы». Совет Безопасности ООН должен нести основную «ответственность за поддержание международного мира и безопасности», а расширение членов Совета Безопасности должно быть возможным только при сохранении нынешнего статуса пяти его постоянных членов⁷².

Россия рассматривает свою роль в современных международных отношениях как «уникальную, сформированную веками» в качестве «уравновешивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации»⁷³.

Вера в уникальность, вероятно, восходит еще к принятию на Киевской Руси православия и позднее в восприятии Москвы в качестве «Третьего Рима», наследницы Константинополя и Византийской империи как лидера православного мира.

В самой идее «Третьего мира» была заложена мессианская роль России, со временем закрепленная панславянизмом с нацеленностью на особую роль России в защите славян и даже перспективе их объединения. Идея славянского братства находит свое отражение и в настоящее время, например, в отношениях между Россией и Сербией⁷⁴.

Славянофильство делает упор на особенность и специфику собственного пути развития, которое не только придерживается концепции превосходства России, в частности, над Западом, но Запад воспринимается с подозрением и пренебрежением, прежде всего, в контексте морали и ценностей.

Отвечая на фундаментальный вопрос о месте России в мире, историческая традиция дает противоречивую информацию, что находит отражение и во внешней политике современной Российской Федерации. В 1990-е годы Россия стремилась стать частью Запада, позднее главное место вновь заняли идеи об особом ее месте в мире, отражающем ее уни-

кальное геополитическое положение, культурное, религиозное и идеологическое наследие.

В истории Петр Великий попытался модернизировать Россию путем импорта западных технологий и ценностей. Его инициативы получили продолжение благодаря его преемникам, содействия экономическому развитию и наращиванию российских вооруженных сил⁷⁵.

Как и в 1990-е годы, модернизация была ограниченной, российское общество в той или иной степени перенимало внешний вид Европы, постепенно «вестернизируясь». Разрыв между внешним и внутренним устройством, сформировавшийся в имперскую эпоху, оказался ключевым фактором в определении российской идентичности и до сих пор играет роль во внутренней и внешней политике России.

Борьба между «западниками» и «славянофилами», развернувшаяся в XIX веке, отразила накопившиеся противоречия. Хотя сторонники обеих идеологий сходились во мнении, что Россия уникальна и имеет особую миссию, они расходились в вопросе о том, каким путем должна двигаться Россия, чтобы занять заслуженные ею позиции в мире.

«Западники» полагали естественным, чтобы Россия училась у Запада, осуществляла модернизацию по западному образцу и даже заимствовала либеральные идеи. Однако ключевым оставался вопрос о том, в какой степени следует заимствовать политическую мысль и практику Запада, чтобы не потерять основы уникальной российской государственности.

Для славянофилов было естественным представление о превосходстве над Западом. Это превосходство основывалось на идеях об особой судьбе и ее уникальной миссии.

Дискуссии, развернувшиеся в XIX веке, в той или иной форме развивались еще со времен Петра I, его противостояния с частью старой политической элиты России.

Эти идейные разногласия сохраняются и в настоящее время. В частности, период 1990-х годов в этом контексте характеризуется стремлением к интеграции с Западом. В XXI веке внешняя политика России отражает линию, более близкую к традиционным славянофилам. При этом, можно отметить глубокую веру в особую миссию России в мире, которая не подвергалась сомнению даже в 1990-е годы.

В 1990-е годы попытки интеграции России с Западом на фоне определения новых «правил игры» основывались на надеждах нового равно-

правного сотрудничества с Западом с правом голоса в определении глобальной политики и приоритетов. Однако расширение НАТО, операции НАТО в Югославии в 1999 году и поддержка независимости Косово, а затем успешные и неудачные попытки смены режимов на постсоветском пространстве, на Балканах, Ближнем Востоке и Северной Африке показали, что политика Запада представляет угрозу России.

США и их союзники, со своей стороны, не видели в своих действиях что-то, что могло бы спровоцировать негативную реакцию Российской Федерации, рассматривая ее как младшего партнера в новую эпоху после окончания холодной войны.

В начале XXI века президент Российской Федерации В.В. Путин предпринял еще одну попытку сближения с Западом. Россия поддержала операции США и их союзников в Афганистане как в рамках Совета Безопасности ООН, так и в рамках практического сотрудничества, предлагая логистическую поддержку в осуществлении операций⁷⁶.

Однако сдержанная реакция Запада на российские инициативы и фактический отказ воспринимать Россию в качестве равноправного партнера, на что указывали, в частности, военные базы США в Центральной Азии, операции США в Ираке в 2003 году, организованные без участия ООН, и т.д. побудили российскую сторону к полному пересмотру политики постперестроечного периода.

Между тем, как отметил О. Жирнов, еще по итогам операции НАТО в Югославии, «забраковав аргументацию руководства НАТО как малоубедительную, российские политики и исследователи излагают свои соображения относительно подлинных причин и целей альянса. Их общим знаменателем является убеждение в том, что истинные цели НАТО и Запада в целом заключались отнюдь не в защите интересов косовских албанцев»⁷⁷.

Р. Берлз отмечает рост скептических экспертных оценок в России касательно перспектив взаимодействия с Западом. С. Караганов заявлял, что Россия почти полностью исчерпала все, что могли и должна была взять из Европы, учитывая особые черты национального характера и стремление сохранить суверенитет. В. Сурков, в то время советник президента, утверждал, что Россия отказалась от многовековой надежды на интеграцию с Западом, и в новых условиях предпочитает 100 лет геополитического одиночества, что означает не изоляцию, но ограниченную открытость и сотрудничество. Это стало следствием разочарования, вызванного

чрезмерным энтузиазмом начала 1990-х годов. «Одиночество» не означает полной изоляции, но означает, что открытость России Западу в будущем будет ограничена⁷⁸.

Со стороны Запада господствовали идеи, что России следует отказаться от прошлого великой державы, поскольку действительность не подтверждает эти претензии. Чем дольше будет продолжаться восприятие себя как великой державы с особой миссией, тем дольше Россия будет сталкиваться с проблемами в отношениях с миром⁷⁹.

Различия в понимании международных отношений и своей в них роли вели к неизбежному столкновению между Россией и Западом. Речь президента РФ В.В. Путина в Мюнхене в 2007 году означала полное осознание текущих тенденций. Показательна в этой связи критика однополярного мира, который означает диктатуру одного центра, упреки в адрес тех, кто учит России демократии, но отказывается усваивать собственные постулаты. США, НАТО или ЕС не могут и не должны поменять собой международное право или ООН. В.В. Путин озвучил снижение доверия к обязательствам США, в том числе в сфере ядерного оружия, а также проблему расширения НАТО и размещение передовых вооружений у границ России⁸⁰.

Конфликт между Россией и Грузией в 2008 году обозначил резкие сдвиги в политике Москвы и взаимоотношениях с Западом. После «цветной революции» Грузия объявила о курсе на интеграцию с ЕС, а ее президент заявлял о намерении «вернуть» территории Южной Осетии и Абхазии в состав страны.

Конфликт 2008 года стал следствием более агрессивной политики грузинского руководства, с одной стороны, и сформировавшегося устойчивого восприятия Россией прозападного курса любого государства, особенно на постсоветском пространстве, как направленного против ее интересов, с другой.

США обвинили Россию во «вторжении», однако кроме предоставления пакета помощи Грузии объемом в 1 млрд долларов в сентябре 2008 года, никакой практической поддержки оказать не смогли⁸¹.

Конфликт показал, что Россия в новых условиях может добиваться желаемого, невзирая на критику или противодействие Запада. США и ЕС, со своей стороны, оказались не в состоянии сдержать Россию, даже когда ее действия напрямую направлены против государства, которое оказалось в зоне их влияния.

Примечательно, что немецкий эксперт О. Лухтерхандт указывает на неоднозначность конфликта в Грузии с точки зрения международного права, что мешает осуждению России даже при подозрениях со стороны Запада в несоразмерном использовании силы⁸².

Ж.-Ф. Тардьё, анализируя последствия этого конфликта, отмечает фактор устрашения, который он должен был произвести на постсоветские государства, сдерживая возможные антироссийские настроения, и растущую напряженность между Москвой и Западом, который не мог смириться с формирующимися реалиями усиления России.

Ответом Запада стала программа Восточного партнерства, которая предлагала странам-участницам все, кроме полноправного членства в Европейском Союзе. Этот инструмент «мягкой силы» должен был способствовать расширению влияния Запада, что российской стороной оценивается как угроза⁸³.

Стратегия ЕС по расширению зоны влияния посредством «мягкой силы»⁸⁴ стала ключевой в условиях относительно военной слабости и зависимости от военной силы США.

Следующим этапом конфронтации стала «Арабская весна». Она была воспринята в России как очередной вызов, на который необходимо было ответить. Показательны оценки событий на Западе и в России.

Оценивая события «арабской весны», на Западе принято подчеркивать ее демократические настроения, указывать на «общенародный» характер протестов против авторитарных правительств. Так, энциклопедия Британника приводит следующее определение «арабской весны»: это волна демократических протестов и восстаний, которые произошли на Ближнем Востоке и в Северной Африке, начиная с 2010 и 2011 годов, и бросили вызов некоторым укоренившимся авторитарным режимам в регионе. Демонстранты, выражавшие протест против политической и экономической несправедливости, столкнулись с жестокими репрессиями со стороны сил безопасности своих стран⁸⁵.

Словарь Коллинза предлагает следующее определение: «арабская весна – это период времени 2011–2012 годов, во время которого люди на Ближнем Востоке и в Северной Африке пытались добиться демократических реформ»⁸⁶.

Словарь Макмиллана добавляет, что «демократия, верховенство закона, социальная справедливость и равноправие стали универсальными требованиями арабского народа в ходе этой арабской весны»⁸⁷.

Со своей стороны, ряд российских экспертов высказывают мнения о том, что «арабская весна» стала новой формой «цветных революций», которая стала технологией контроля энергоресурсов Ближнего Востока и Северной Африки, и посредством этого контроля над энергетической безопасностью основных конкурентов Запада – Китая и Индии⁸⁸.

Е. Примаков считал «поверхностным» подход, при котором все события «арабской весны» можно было свести к революционной волне против авторитарных режимов⁸⁹.

Востоковед В. Наумкин указывает на то, что «арабское пробуждение» носило циклический характер, и обозначает периоды, когда накопившееся недовольство выплескивалось наружу. Особенностью же «арабской весны» 2011 г. стала резко возросшая роль «арабской улицы», не связанной с государством, и направленной против него, а не против колониализма или Израиля. Изменился и панарабизм, который утратил светские черты и стал исламистским в большей степени, чем националистическим или демократическим⁹⁰. Хотя подчеркивалась роль социальных сетей, которые использовались в протестах преимущественно молодежью, не меньшее значение имели традиционные средства мобилизации, такие как мечети⁹¹.

«Арабская весна» могла иметь фундаментальное значение в вопросах формирования нового баланса в регионе и даже новых границ государств. Не менее важное значение имел процесс изменения характера политических режимов.

Для России важным негативным сигналом стали события в Ливии. Когда в Ливии началась гражданская война, 18 марта 2011 года вмешался Совет Безопасности ООН, который принял специальную резолюцию, устанавливавшую над Ливией «бесполетную зону». Эта мера позволила лишить правительственные силы главного преимущества – превосходства в воздухе, и уже вскоре война приняла затяжной характер.

Резолюция Совета Безопасности ООН была истолкована НАТО как разрешение вмешаться в вооруженный конфликт. Военно-политический блок поддерживал восставших, и обеспечивал сохранение «бесполетной зоны». Однако затем силы НАТО приступили к более активным действиям. Они потопили военно-морской флот правительственных сил Ливии и осуществляли налеты на колонны вооруженных сил, верных ливийскому лидеру М. Каддафи.

Именно военная интервенция НАТО стала решающим фактором падения и гибели М. Каддафи в октябре 2011 года. Примечательно, что, когда М. Каддафи со своей охраной попытался бежать, именно авианалет сил НАТО остановил бегство, и силы вооруженной оппозиции захватили его и расправились с ним.

Российская сторона была не согласна с натовской трактовкой резолюции ООН, и судьба М. Каддафи стало еще одной чертой, разделяющей Россию и Запад. Это, вероятно, отразилось на реакции Москвы на события в Сирии.

В Сирии спустя несколько месяцев после начала протестов в феврале 2011 года началось вооруженное противостояние, а спустя три года после начала конфликта Россия и США открыто вмешались в этот конфликт, благодаря которому он вышел на новый уровень противостояния.

Сирия стала частью новой геополитики США и России. Россия выступила в защиту президента Сирии Б. Асада, в то время как оппозицию в стране поддержали США и ЕС.

Учитывая уроки Ливии, Россия блокировала попытки проведения резолюций через Совет Безопасности ООН, которые допускали бы любое вмешательство⁹².

С самого начала сирийского конфликта были выявлены противоположные цели и намерения России и США. Открытое вооруженное вмешательство России в сирийский конфликт в 2015 году позволило ей «вернуться» на Ближний Восток в качестве влиятельного актора. Заключение соглашения с правительством Сирийской Арабской Республики дало возможность легитимно разместить в стране свои военно-воздушные силы и получить в свое распоряжение авиабазу Хмеймим⁹³, после чего, по приглашению президента Сирии Б. Асада, начать открытое военное вмешательство⁹⁴.

Россия подчеркивала, что с точки зрения международного права ее силы имеют право находиться в Сирии, в то время как присутствие США и других стран было нелегитимным. Принцип легитимности является сильной стороной российского присутствия и в настоящее время.

В то же время, анализ мнений западных аналитических центров⁹⁵ выявил неоднозначность понимания интересов и целей России в Сирии. Оценки действий Москвы варьировались от «рейдерских» налетов на сирийскую собственность и ресурсы⁹⁶ до стремления к контролю над страной⁹⁷.

Следует отметить, что в оценках признается «возвращение» России на Ближний Восток, отмечается, что интересы страны глубже, чем поддержка Б. Асада⁹⁸ и может рассматриваться как восстановление в статусе великой державы⁹⁹.

Хотя Россия закрепила свое присутствие в регионе, распространено мнение, что ей не удалось в полной мере добиться своих целей. Россия смирилась с присутствием в Сирии сил США и Турции. В то же время, ущерб позициям и влиянию США и их союзникам в регионе оказался значителен. Вашингтон оказался не готов платить более высокую цену, чем Россия или Иран, и должен смириться с более ограниченной, чем ранее ролью¹⁰⁰.

Кризис на Украине 2014 года стал во многом поворотным в отношениях России и Запада. Конфликт определил, что Россия противостоит Западу и больше не пойдет на компромисс со своими национальными интересами и своим влиянием в мире. Очевидно, особенно с учетом продолжения кризиса в 2022 году, что возврата к отношениям, существовавшим в первые годы постсоветской России, не будет.

Санкции, введенные против России в 2014 году США и их союзниками, с годами только нарастали. Однако в России они обычно связывались с сопротивлением навязываемому либеральному мировому порядку, возглавляемому США, и восстановлением позиций как великой державы. Отсюда следует, что суверенитет России и ее великодержавность подразумевают, что ей нужно смириться с жизнью под санкциями, а значит, стратегически бессмысленно идти на уступки и искать взаимопонимание с Западом¹⁰¹.

Введенный санкционный режим в отношении России использовался как средство давления с целью изменить ее внешнеполитический курс, однако, несмотря на перманентное ужесточение санкционной политики, нет никаких признаков того, что политика Российской Федерации претерпевает изменения в направлении, которое изначально было заявлено Западом как цель санкционных мер.

В то же время, ни Россия, ни Запад, похоже, не готовы принять любую форму компромисса для улучшения отношений. Запад считает, что со временем экономические санкции и растущее социальное и политическое недовольство внутри России заставят Кремль искать компромисс с Западом. В России к настоящему времени сформирован образ США как экзи-

стенциальной угрозы для России. Так, Владимир Соловьев прямо называет цель Вашингтона уничтожить Россию¹⁰². Прозападные страны постсоветского пространства, такие как Грузия и Украина, трактуются как несостоявшиеся государства¹⁰³.

Конфликт на Украине, начавшийся в феврале 2022 года, еще более резко обозначил критическое состояние и принципиальные разногласия между Россией и Западом. В.В. Путин рассматривает Украину как реализацию западного проекта «анти-России», которому необходимо противостоять¹⁰⁴.

В то же время Россия продолжает искать зоны влияния, пытается усилить свой потенциал в странах, у которых плохие отношения с Западом, и в региональных конфликтах, не обязательно в качестве основного участника, но рассматривая это как возможность получить право голоса в любом будущем сценарии. Примером этому может быть ситуация в Афганистане.

На фоне конфронтации с Западом приоритеты России смещаются в сторону Азии, где ключевым партнером является Китай. Для Москвы и Пекина двусторонние отношения имеют фундаментальное значение в контексте видения нового мирового порядка. Обе страны выступают против либерального мирового порядка, возглавляемого США, обе выступают за multipolar world. Они чаще всего поддерживают друг друга при голосовании в совете Безопасности ООН и других международных организациях.

Отношения между РФ и КНР быстро расширяются. Россия в основном поставляет Китаю природные ресурсы и военную технику, а Китай продает в Россию готовую продукцию, в том числе товары народного потребления, машины и электронику.

Партнерство двух стран основано на равноправии и признании национальных интересов друг друга. В перспективе важнейшей задачей сотрудничества будет сохранение равноправия и избегание ситуации, при которой одна из сторон окажется «младшим партнером» в отношениях¹⁰⁵.

Новую эру двустороннего сотрудничества можно охарактеризовать как эпоху, когда и Россия, и Китай в конце концов осознали, что они больше не могут отдавать приоритет своим внешним отношениям и торговле с Западом, и что им необходимо координировать свою внешнюю политику с учетом быстро меняющейся международной обстановки.

Как отмечает российский эксперт Я. Лексутина, новая эра российско-китайских отношений проявляется в беспрецедентно высоком уровне

российско-китайских отношений с момента нормализации двусторонних отношений в конце 1980-х годов, в глубокой взаимной заинтересованности в предоставлении взаимной поддержки как во внутренних, так и в международных вопросах, готовность искать компромиссы для сочетания национальных стратегий развития и международных инициатив.

За несколько лет в российско-китайских отношениях был достигнут ряд важных достижений, которые сигнализируют о новом уровне отношений: существенное углубление военного и оборонного сотрудничества; быстрая позитивная динамика торгово-экономических отношений, в том числе сотрудничества в области энергетики¹⁰⁶.

Сфера, в которой новая эра российско-китайских отношений наиболее очевидна, – это военное и оборонное сотрудничество. С 2005 года, когда Китай и Россия впервые совместно участвовали в многосторонних учениях, две страны значительно углубили сотрудничество в проведении совместных военных учений.

Россия и Китай регулярно проводят многосторонние антитеррористические учения под эгидой ШОС (так называемые учения «Мирная миссия»), совместное компьютерное моделирование противоракетной обороны. Военно-морские учения прошли в водах Желтого и Японского морей, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, Балтийского и Средиземного морей. Китай получил от России передовые военные системы, в том числе системы ПВО и истребители. Сотрудничество осуществляется на основе российско-китайского соглашения о военном сотрудничестве 1993 года.

Появляются признаки де-факто военного союза России и Китая без официального объявления союза. Некоторые аналитики даже заявляют, что современные российско-китайские отношения по своей сути являются союзническими.

В западных кругах появилось утверждение, что Россия в настоящее время находится в зависимости от Китая и постепенно становится младшим партнером Китая.

Подобные утверждения носят скорее эмоциональный (для тех россиян, которые чувствуют себя некомфортно в связи с ростом мощи Китая) или пропагандистский (исходящие от западной аудитории с целью испортить углубляющиеся отношения между Россией и Китаем) характер, нежели основанные на тщательном экспертном анализе.

Как отмечает А. Паневин, во-первых, в международных делах нет никаких признаков подчинения России Китаю. Среди этих двух стран Россия является страной, обладающей ДНК великой державы, обладающей обширным опытом в международной политике высшего уровня.

Во-вторых, несмотря на технический прогресс Китая в некоторых конкретных областях, в военном и технологическом отношении Россия все еще далеко впереди Китая¹⁰⁷.

А. Буданов, С. Воронин отмечают, что консенсус в политических, деловых и экспертных кругах как России, так и Китая относительно необратимого характера де-факто альянса России и Китая или чрезвычайно тесного стратегического партнерства еще не сложился, скорее, прагматический расчет как с российской, так и с китайской стороны на достижение своих национальных приоритетов и продвижение национальных интересов, а также на объединение усилий против недружественной международной обстановки и вызовов со стороны США¹⁰⁸.

В этот период российско-китайские отношения действительно вступили в новую эпоху – эпоху, когда и Россия, и Китай стали в равной степени заинтересованы в укреплении и углублении своих партнерских отношений на фоне конфронтации с США.

Конфронтационная позиция США по отношению к двум странам заложила стратегическую основу российско-китайских отношений, которые с начала века все равно развивались с восходящей тенденцией.

Примером успешного сотрудничества двух стран является ШОС. ШОС, образованная в июне 2001 г., имеет большое значение не только для понимания подхода Китая к Центральной Азии, но и к разработке ее более широкой внешней политики и отношениям с Россией.

Согласно отчету, опубликованному тремя китайскими аналитическими центрами, ШОС отражает то, как всеобъемлющее российско-китайское стратегическое партнерство по координации работало в многосторонних отношениях.

Отчет был составлен Институтом финансовых исследований Чунъян при Университете Жэньминь Китая, Институтом исследований Центральной Азии при Университете Ланьчжоу и Центром исследований глобального управления Университета Жэньминь Китая. В документе отмечается, что ключевые узлы двусторонних отношений полностью соответствуют эволюции ШОС¹⁰⁹.

Таким образом, подводя итоги параграфу, можно заключить, что в современных международных отношениях происходят фундаментальные сдвиги, связанные не в последнюю очередь с «возрождением» России как великой державы.

Восстановление России как глобального центра силы происходит на фоне постоянно обостряющихся отношений с США и их союзниками, которые стремятся отстоять сформировавшийся после окончания холодной войны западнцентристский мировой порядок.

Конфликты, в которые оказывается втянута Российская Федерация, происходят, по существу, по линии противостояния с Западом, рассматривающим процессы в качестве «ревизионистского» нарушения международного права.

Между тем, Москва видит будущий мировой порядок как альтернативную существующему глобальную цивилизацию, в которой Россия будет одним из центров силы наряду с другими незападными державами, такими как Китай или Индия.

В современных международных отношениях Россия вновь стала великой державой с военной мощью и возможностями проецирования силы, которые гарантируют, что ее интересы нельзя игнорировать.

1.3. Роль КНР в формирующемся новом мировом порядке

Внешняя политика Китая основана во многом на его геополитическом положении и историческом представлении о себе и своем месте в мире. Термины «Срединное государство» и «Поднебесная» означают, что Китай расположен, по представлению его жителей, в центре мира и воплощает в себе цивилизацию, в то время как окружающий его территории и весь мир в той или иной степени относился к периферии и варварам.

Особенности представления о себе и своем месте в мире послужили формированию великодержавной политики, которая должна была отстаивать то, что полагалось стране согласно ее представлениям.

К. Кэмпбелл и М. Рапп-Купер отмечают, что подход Китая к миру никогда не был жестким. Дипломатическую стратегию страны определяют многие факторы, от ее истории, культуры и географии до характера ее режима и ее относительной глобальной мощи. Если правительство счита-

ет, что один или несколько из этих факторов изменились, то изменится и его дипломатия¹¹⁰.

Подъем Китая за последние два десятилетия изменил ландшафт мировой политики. Начиная со своего вступления во Всемирную торговую организацию в 2001 году, Китай быстро превратил свою экономику из «фабрики мира» в мирового лидера в области передовых технологий. Попутно Китай трансформировал глобальные цепочки поставок, а также международную дипломатию, используя свой успех, чтобы стать основным торговым партнером по развитию для стран с развивающейся экономикой в Азии, Африке и Латинской Америке¹¹¹.

В результате, как отмечается экспертами Фонда Карнеги, «никогда еще Поднебесная не оказывала такого влияния на развитие мировой экономики. При Си Цзиньпине Пекин стал инициатором создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Фонда Шелкового пути и Нового банка развития – трех международных финансовых учреждений с совокупным уставным капиталом более 200 миллиардов долларов. Одновременно он начал реализацию инициативы «Одного пояса – одного пути» – беспрецедентного по масштабу плана развития транспортной инфраструктуры на всем Евразийском континенте»¹¹².

Происходит сдвиг геэкономической власти, который в условиях глобализации и взаимозависимости трансформируется в геополитические корректировки. Свидетельством этому является политика КНР по продвижению идеалов свободной торговли в глобальном масштабе, стремление перехватить у ЕС первенство по борьбе с глобальным изменением климата, и продвижение китайской модели как альтернативной западному мировоззрению.

Одновременное снижение доверия к неолиберализму и демократии произошло на фоне неудачных попыток навязывания этих идей в духе повествования Ф. Фукуямы о конце истории на деле подрывала западноориентированную демократию и породила стремление к альтернативам, в том числе в форме популистских и неонационалистических движений¹¹³. «Китайская модель» в новых условиях стала одной из таких альтернатив, что отразилось в популярности инициативы Пекина «Пояс и путь».

Конфронтационный путь, выбранный США для противодействия Китаю и резко активизированный в период правления президента США

Д. Трамп, фактически принуждает Пекин к вступлению в гибридную форму конфликта, приоритетной стороной которой стала торговая война.

Позиции КНР и США вступили в противоречие по основным стратегическим аспектам развития. Торговые войны выступают противоположностью идее свободного рынка. Климатическая политика КНР и США также расходятся.

Для Соединенных Штатов соперничество вызвано вызовом Китая власти и лидерству США, а также его верой в то, что Пекин пытается изменить международный порядок в своих интересах. Для Пекина это обусловлено продолжающимися претензиями США на «гегемонию» на фоне того, что китайские элиты считают неизбежным упадком¹¹⁴.

Китай уже становится основным источником инвестиций и помощи в страны Африки и Латинской Америки, вытесняя США и ЕС. Великодержавие КНР вело к более напористой внешней политике, что проявилось, в частности, в территориальных спорах в Южно-Китайском море, обращая внимание на то, что экономическая мощь Китая будет иметь геополитические последствия¹¹⁵.

«Китайская модель» призвана в новых условиях занять Китаю центральное место в мировых делах, продвигая политическую альтернативу либеральной демократии. Китай выступает за многополярный мир как альтернативу гегемонии США/НАТО, с балансом сил между крупными региональными блоками, который не позволил бы ни одному из них доминировать в формирующемся мировом порядке¹¹⁶.

Есть мнение, что ни Китай, ни другие развивающиеся державы не смогут создать новую альтернативную гегемонию, но они останутся силой, противодействующей гегемонии, для продвижения многосторонности и предотвращения односторонней гегемонии. Большинство развивающихся держав, в частности Китай, проводят весьма прагматичную внешнюю политику, чтобы найти баланс между защитой своих «национальных интересов» и противодействием гегемону существующего порядка¹¹⁷.

Как и Россия, Китай стремится к большему влиянию в международных делах, чего заслуживает его экономическая мощь и историческая роль. Реализовать эти стремления необходимо посредством трансформации международной системы, в том числе международных финансовых институтов, которые были созданы и действуют под влиянием Запада¹¹⁸.

Следует отметить, что отношения КНР и США претерпели существенные трансформации. Сближение США и КНР продолжалось в 1980-е и в 1990-е годы, временно омрачившись в период событий на площади Тяньаньмэнь, когда Вашингтон осудил действия китайского правительства.

США в отношениях с КНР поддерживали:

- принятие ответственных мер по открытию рынков для устранения барьеров для торговли и инвестиций, а также устранение искажений в торговле и других недобросовестных практик;

- снижение барьеров в цифровой торговле для поддержки инноваций и роста цифрового рынка;

- повышение конкурентоспособности услуг в регионе за счет снижения барьеров, препятствующих экспорту услуг США;

- продвижение передовой практики регулирования в таких областях, как консультации с общественностью, оценка воздействия нормативных актов и внутренняя координация нормотворчества;

- содействие регуляторному сотрудничеству в ключевых секторах, таких как химическая промышленность, науки о жизни и автомобилестроение;

- снижение транзакционных издержек для американских предприятий за счет реализации Соглашения ВТО по упрощению процедур торговли посредством проектов по наращиванию потенциала и взаимодействия государственного и частного секторов¹¹⁹.

С точки зрения КНР, после 11 сентября 2001 года Соединенные Штаты вели войны против Афганистана и Ирака, и эти две войны оставили США глубоко погрязшими в беспорядках на Ближнем Востоке, обошлись им в триллионы долларов и подорвали их стратегическую мощь.

Мировой финансовый кризис 2008 года выявил глубоко укоренившиеся дисбалансы в экономике и обществе США. Такие проблемы, как экономическое неравенство, увеличивающийся разрыв в уровне благосостояния и стареющая инфраструктура, имеют свои причины, но ни одна из них не была вызвана Китаем. Китай не должен становиться для них «козлом отпущения».

По мнению Пекина, угроза торговой и санкционной войны – не решение. Официальный представитель МИД КНР утверждает, что Китай добросовестно участвует в торговых переговорах с США, чтобы урегулировать разногласия. Однако переговоры должны вестись на равноправной

основе, а их результаты должны быть сбалансированными, взаимовыгодными и демонстрировать взаимное уважение и удовлетворение законных интересов друг друга. Когда на карту поставлены его суверенитет и достоинство, Китай должен защищать свои основные интересы. Китай ни в коем случае не примет унизительное соглашение, которое сдержит его развитие и национальное обновление. Китайская сторона полна решимости защищать свои законные права и интересы¹²⁰.

Администрация президента США Д. Трампа стала инициатором торговой войны с Китаем с применением санкций, которые в условиях взаимозависимости наносили ущерб как интересам США, так и Китая. Как следствие, отношения между двумя сверхдержавами резко ухудшились.

Со своей стороны, Си Цзиньпин стремился подчеркнуть приверженность Китая открытости. Во время выступления на встрече руководителей АТЭС 19 ноября 2019 года Си Цзиньпин еще раз представил Китай как сторонника открытой торговли и многосторонних торговых соглашений, подразумевая контраст с односторонней программой администрации Трампа «Америка прежде всего». «Мы не изменим курс или не пойдем против исторической тенденции, разделившись или образуя небольшой круг, чтобы не допустить других», – сказал он. «Открытость позволяет стране двигаться вперед, а уединение сдерживает ее»¹²¹.

В противовес отношениям с США, Китай обычно поддерживает на взаимной основе Россию на международной арене, в том числе против США. В то же время, как подчеркивает российский эксперт В. Петровский, «страны действуют самостоятельно и суверенно, но учитывают стратегические интересы друг друга в процессе внешнеполитической координации. У таких мировых держав, как Россия и Китай, по определению не может быть полного совпадения национальных интересов, и в этом смысле они не «бесшовны». Но это и есть норма современных международных отношений, если ставить равноправие отношений сторон во главу угла. А США, привыкшие к своему априорно заявленному лидерству и полному подчинению со стороны «младших» партнеров, попросту не умеют так вести дела, и именно поэтому их отношения с Россией и Китаем не складываются»¹²².

Китайский эксперт Ян Джин отмечает, что в последнее время некоторые крупные западные страны намеренно внесли напряженность в международный стратегический порядок. Они ввели различные санкции про-

тив Китая и России. Они политизировали пандемию и ослабили функции ВОЗ вместо того, чтобы сосредоточиться на глобальной солидарности¹²³.

В этой связи для Пекина крайне важно сохранять отношения с Россией, образуя новый полюс формирующегося мирового порядка. На пути защиты своих национальных интересов Китай и Россия будут укреплять всестороннее стратегическое сотрудничество, чтобы укрепить свои отношения, чтобы стать краеугольным камнем и главной силой глобальной стратегической стабильности¹²⁴.

В условиях разрушения международной системы отношения между Китаем и Россией приобретают все большее значение в качестве стратегического стабилизатора. Китай и Россия поддерживают высокий уровень сотрудничества в ряде стратегических областей.

Китай и Россия осуществляют стратегическую координацию в соответствии с необоснованными претензиями США. Пекин и Москва отклоняют претензии США, защищая стратегические интересы как Китая, так и России.

Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно заявлял, что двусторонние отношения между Китаем и Россией находятся на самом высоком уровне в истории.

Важнейшим проектом КНР глобального масштаба, отражающим его стратегическое видение, является инициатива «Пояс и Путь». 7 сентября 2013 года состоялось историческое событие – во время государственного визита в Казахстан лидер Китайской Народной Республики Си Цзиньпин предложил идею «Экономического пояса Шелкового пути», который должен связать Китай с Центральной Азией и, в перспективе, с Европой, посредством развития транспортных коммуникаций и инфраструктуры, опираясь на идеи древнего Великого шелкового пути¹²⁵.

В ходе выступления перед слушателями Назарбаев университета 7 сентября 2013 года Председатель КНР выделил пять направлений сотрудничества¹²⁶:

- «усиление политического согласования», под которым понимается регулярный и доверительный обмен мнениями касательно стратегии и тактики экономического развития как уровне двух государств, так и на уровне регионального сотрудничества в интересах развития интеграции в том числе в политическом и правовом аспектах;

- «усиление строительства единой дорожной сети». Китай рассматривает в качестве приоритетных проекты развития трансграничной транс-

портной инфраструктуры с целью создания в конечном счете транспортной сети, объединяющей Восточную, Западную и Южную Азию. Одним из инструментов Си Цзиньпин видит Шанхайскую организацию сотрудничества;

- «усиление торговых связей». Поскольку Экономический пояс Шелкового пути охватывает около 3 млрд человек, наряду с транспортными коммуникациями следует больше внимания уделять развитию торговли и инвестиций, для чего необходимо переходить к постепенной ликвидации торговых барьеров, повышение скорости проводимых экономических операций.

- «усиление валютных потоков». Китай предлагает в рамках своей инициативы постепенно переходить к расчетам в национальной валюте, что, по мнению Си Цзиньпина, должно способствовать снижению издержек финансовых операций, укрепит финансовую независимость стран-участниц, их сопротивляемость финансовым кризисам и приведет к росту экономик;

- «усиление народных связей». Укрепление межгосударственного сотрудничества должно основываться на связях между людьми и народами, в связи с чем Китай рассматривает активизацию «дружественных контактов», укрепление взаимопонимания и «традиционную дружбу» как прочную социальную основу регионального сотрудничества. Примером укрепления народных связей служат отношения с Казахстаном. В 2013 году Си Цзиньпин пообещал выделить 30 тыс. грантов на обучение в вузах Китая для казахстанских студентов, а также пригласил 200 преподавателей Назарбаев университета на летнюю школу в КНР. Это рассматривалось как «первый шаг» на пути укрепления связей между народами¹²⁷.

В октябре 2013 года состоялся визит Си Цзиньпина в Индонезию, где была выдвинута идея «Морского шелкового пути XXI века», направленного на развитие экономических связей Китая вдоль морского пути в южной части Евразии и в Африке. В ходе выступления на встрече Китай-АСЕАН Си Цзиньпин выступил с программным заявлением о видении «Сообщества общей судьбы», подчеркивая, что объем двусторонней торговли с АСЕАН превысил 400 млрд. долл., и поставив целью довести его до 1 трлн. долл. в 2020 году¹²⁸.

Этот проект КНР, под который щедро выделялось финансирование в размерах, которые относительно небогатые государства регионов Пояса и

Пути могли только рассчитывать при самых оптимистичных сценариях, быстро привлек всеобщее внимание и вызвал продолжительные дебаты по поводу целей и пользы проекта.

С момента своего объявления Инициатива Пояса и Пути неизменно рассматривалась КНР как важнейшее направление внешней политики, имеющее значение не только для Евразии, но и для самого Китая. Она должна была содействовать углублению экономических реформ в Китае и стимулировать развитие его западных регионов.

Для 13-й пятилетки на период с 2016 по 2020 годы Пояс и Путь рассматривался как ключевой проект инвестиционной стратегии. «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века» должны привести к созданию высокоинтегрированных, взаимосвязанных и взаимовыгодных морских и наземных экономических коридоров, общего экономического пространства Европы, Азии и Африки.

«Экономический пояс Шелкового пути» фокусируется на объединении Китая, Центральной Азии, России и Северной Европы в качестве первого направления; Китай, Персидский залив и Средиземное море через Центральную и Западную Азию в качестве второго направления; интеграции Китая с Юго-Восточной Азией, Южной Азией и бассейном Индийского океана¹²⁹.

«Морской шелковый путь XXI века» предназначен для развития морского пути и соответствующей инфраструктуры от побережья Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан в качестве первого направления; от побережья Китая через Южно-Китайское море до южной части Тихого океана, в качестве второго направления¹³⁰.

Общая стоимость Инициативы Пояса и Пути оценивается в 10 трлн долл. США, а ежегодные расходы должны составлять около 150 млрд долл. США¹³¹.

Основными стратегическими целями Инициативы Пояса и Пути служат следующие:

- развитие западного региона Китая, который оказался во многом обделен от экономического прогресса в восточных регионах, и представляет собой геополитическую проблему безопасности страны;
- нахождение новых инвестиционных возможностей;
- использование государственных предприятий Китая, которые испытывают затруднения со сбытом продукции;

- содействие торговле и сотрудничеству между Китаем и остальным миром.

Все эти элементы являются важными факторами в создании, развитии и реализации Пояса и Пути; создание единой интегрированной зоны на суше и море должно привести к экономическому росту Евразии и Африки. Однако главное в нем – развитие стратегических коммуникаций Китая.

Можно отметить, что инициатива Пекина появилась уже спустя два года после громкой, но локальной идеи Вашингтона «Новый Шелковый путь», который охватывал Центральную и Южную Азию, а в его центре находился Афганистан. Для США этот проект воспринимался просто как часть стратегии урегулирования ситуации в Афганистане посредством его интеграции в региональные структуры с упором на энергетику и торговлю. Показательно игнорирование в проекте США Китая, который также имеет общую границу с Афганистаном¹³².

Инициатива Пекина сразу же «перекрыла» скромные проекты США по все направлениям – по масштабам, геополитическому значению, объему финансирования. Более того, даже направление двух инициатив вступало в прямое противоречие. Если американская идея развивалась в направлении Север-Юг, то китайская – Восток-Запад.

Инициатива Пояса и Пути замыкалась на Китае, и британская Times указывала на «Большую игру», которую затеял Пекин, чтобы в конечном итоге построить свою глобальную империю; Пояс и Путь же был призван стать крупнейшей программой экономической дипломатии со времен Плана Маршалла США для послевоенной реконструкции Европы¹³³.

Также, западными экспертами отмечалось, что Пояс и Путь имеет значение прежде всего в контексте масштаба и разносторонности, в 2016 году совершалось около 900 сделок в рамках Инициативы, которые стоили 890 млрд. долл. США и охватывали, например, такие разнообразные проекты, как газопровод из Бенгальского залива через Мьянму на юго-запад Китая и железнодорожное сообщение между Пекином и Дуйсбургом, Германия. Евразийский охват, трактующий Европу и Азию как единое пространство, резко контрастирует американскими взглядами на развитие трех мировых экономических центров – Европа, Северная Америка и Восточная Азия, объединяемых сетью трансатлантических и транстихоокеанских договоров. В отличие от них, Инициатива Пояс и Путь создает платформу для регионального

и глобального экономического сотрудничества, «оживляющего» мировую экономику¹³⁴.

Наряду с этим, на Западе получили широкое распространение взгляды на Инициативу Пояса и Пути, прежде всего, как геополитический проект. В результате КНР вынуждена была отвечать на официальном уровне. Так, посол Китая в Великобритании в специальной статье опровергал утверждения, что Пекин реализует проекты, угрожающие региональной и глобальной безопасности, нарушающие сложившийся баланс сил. Китай не пытается реализовать на практике старую геополитическую концепцию Х. Маккиндера о том, что «Хартленд», центр Евразии, является «ключом» к мировому господству и Пекин якобы стремится контролировать его для геополитического доминирования. Страна просто быстро растет, и соответственно инвестиции также растут, этот рост не может рассматриваться как угроза. Китай предлагает извлекать общие выгоды от сотрудничества, и совместно продвигаться по пути развития и процветания. Кроме того, китайская внешнеполитическая мысль никогда не «программировалась» вокруг геополитики или геоэкономики¹³⁵.

В то же время западные эксперты выражали мнение, что с Инициативой Пояс и Путь Китай сокращает «разрыв» между утверждением, что он является мировой державой, и фактически является ею; между разговором о «национальном омоложении» и его реализацией; и между проповедью «мирного развития» и практикой. Кроме того, Китай использует действия, символы и темы инициативы для информирования своего населения, зарубежных народов и правительств других стран. В мире мгновенных коммуникаций и экспоненциально растущей возможности безграничного общения, информация, которую Коммунистическая партия Китая сообщает одной аудитории, должна соответствовать той, которую она передает любой другой аудитории¹³⁶.

Даже по самым скромным западным оценкам, не затрагивающим геополитику, отмечалось, что Инициатива Пояса и Пути имеет значительный потенциал в нескольких областях – экономической, политической, культурной и стратегической; но это также включает в себя неопределенность и потенциальные проблемы. Хотя официально Инициатива Пояса и Пути вообще не изображается как средство усиления влияния Пекина по всей Евразии, тем не менее, оно – усиление влияния – выглядит как не вызывающее сомнений явление¹³⁷.

Инициатива Пояса и Пути в основном встречалась с оптимизмом в странах-участницах. Так, казахстанский эксперт К. Сыроежкин отметил: «наконец-то мы выходим за рамки нефтегазовой сферы и начинаем реализацию проектов в несырьевых отраслях, в том числе в аграрной сфере»¹³⁸.

По мере реализации проекта критика в отношении намерений и политики Китая стала исходить и от некоторых стран, которые стали участниками Инициативы Пояс и Путь. Основные обвинения сводятся к тому, что бедные страны, надеявшиеся на экономический прорыв, не только не получают желаемого, но и оказываются в долговой ловушке. Среди причин складывавшейся ситуации – коррупция, непрозрачные и просто сомнительные контракты, неравноправные условия финансирования, экологический ущерб от совместной деятельности, а также китайская трудовая миграция, которая стала естественным следствием китайских инвестиций¹³⁹. Тем не менее, Инициатива остается наиболее масштабной попыткой КНР заявить о себе как мировом лидере.

Региональное измерение внешней политики КНР формируется под влиянием исторических аспектов, которые обуславливают акцентирование на территориальных проблемах во главе с Тайванем. Проблема Тайваня образовалась по итогам гражданской войны, когда националистическое правительство Гоминьдана бежало на этот остров, образовав де-факто независимое государство.

Китайская Народная Республика неизменно придерживается политики «одного Китая», считая Тайвань, как ранее Гонконг и Макао, воссоединившиеся в КНР в 1997 году, частью своей территории.

Российский эксперт В. Балакин отмечает на рост экономического сотрудничества¹⁴⁰, который, однако, в политической сфере к подвижкам все же не ведет. Более того, периодически наступает некоторая эскалация напряженности.

Ш. Кан, эксперт Исследовательского центра Конгресса США, отмечает, что для того, чтобы понять напряженность на Тайване в связи с отношениями с материковым Китаем, нужно отказаться от обычных временных рамок недель, месяцев или не более нескольких лет и вместо этого представить себе сценарии, которые открываются в течение десятилетий¹⁴¹.

Китай рассматривает исключительно планы «возвращения» Тайваня, и почти объявил, что к 2049 году между ними должна быть сформирована новая общая реальность. Это тот год, когда Китай – к тому времени, по

всей вероятности, сверхдержава с крупнейшей в мире экономикой – будет праздновать столетие правления Коммунистической партии¹⁴².

Как отмечает А. Волошина, для Тайваня отсчет начался в 1997 году, гораздо более оптимистичном времени, когда Британия вернула Гонконг под суверенитет Китая в соответствии с тщательно согласованными договоренностями, которые стали называться «одна страна, две системы»¹⁴³.

Лью Липинг указывает, что есть все основания полагать, что Пекин имел в виду другую цель, возможно, самую важную из всех. Принимая более мягкий подход к Гонконгу, он чувствовал, что может постепенно втянуть Тайвань в свои «объятия»¹⁴⁴.

Ш. Кан отмечает, что, если правота концепции «одна страна, две системы» может быть доказана в случае с Гонконгом, гораздо большая награда в виде Тайваня может быть вовлечена в процесс, и, возможно, добровольно будет признан и соблюден суверенитет Китая к середине 21-го века. Для Коммунистической партии Китая не может быть лучшего способа отпраздновать 100-летие ее правления¹⁴⁵.

Тайвань продолжает политику дистанцирования от Пекина. Есть мнение, что, внимательно следя за событиями в Гонконге, граждане Тайваня разочаровываются в подобной модели объединения. На Тайване общественное мнение по вопросам идентичности все менее расположено к сближению с КНР. Люди, по большей части, считают себя этническими ответвлениями от Китая, но все чаще становятся чем-то новым и отличным от того, чтобы быть китайцами¹⁴⁶.

Ли Гуаньцзюнь подчеркивает, что эти отношения были в какой-то степени сформированы соответствующими колониальными историями Тайваня, включая Японию¹⁴⁷.

Проблема Тайваня остается наиболее значительной для КНР и в перспективе может привести к столкновению с США, которое станет частью борьбы за формирование нового мирового порядка.

Таким образом, подводя итоги первой главе, можно отметить следующее.

1. Современная система международных отношений переживает стадию трансформации и становления. Вероятно, в настоящее время происходит наиболее активная фаза процессов передела мира, характеризующаяся общим ростом конфликтов, резким усилением влияния фактора силы и анархии в международных процессах.

На теоретическом уровне это отражается в концепции наступательного реализма, которая призвана объяснить поведение великих держав в современных условиях, попытках продолжения распространения идей либеральной демократии как фундаментальной идее обоснования превосходства Запада.

Возрождение России как мировой державы, продолжающийся рост КНР, становление таких стран, как Индия вызывает все более широкие обсуждения относительно будущего мирового порядка, который, вероятно, впервые будет не-западноцентристским, а будет включать в себя несколько центров силы, среди которых США и Запад будут всего лишь одними из них.

2. В современных международных отношениях происходят фундаментальные сдвиги, связанные не в последнюю очередь с «возрождением» России как великой державы.

Восстановление России как глобального центра силы происходит на фоне постоянно обостряющихся отношений с США и их союзниками, которые стремятся отстоять сформировавшийся после окончания холодной войны западноцентристский мировой порядок.

Конфликты, в которые оказывается втянута Российская Федерация, происходят, по существу, по линии противостояния с Западом, рассматривающим процессы в качестве «ревизионистского» нарушения международного права.

Между тем, Москва видит будущий мировой порядок как альтернативную существующему глобальную цивилизацию, в которой Россия будет одним из центров силы наряду с другими незападными державами, такими как Китай или Индия.

В современных международных отношениях Россия вновь стала великой державой с военной мощью и возможностями проецирования силы, которые гарантируют, что ее интересы нельзя игнорировать.

3. Китай исторически позиционирует себя как глобальную державу, претендующую на роль ведущего государства мира, олицетворяющего собой целую цивилизацию. КНР уже стала одним из полюсов формирующегося нового мирового порядка. И по мере политического и экономического роста Пекин сталкивается со все более жестким сопротивлением США и их союзников.

К числу основных тенденций динамики международного положения КНР можно отнести следующие. Во-первых, дальнейшее укрепление по-

зиций КНР как нового глобального центра силы, который в состоянии бросить вызов доминированию Запада. Во-вторых, на фоне укрепления позиций КНР происходит ухудшение отношений США, которое остается последовательным вне зависимости от администрации Белого дома или смены власти в Пекине. В-третьих, устойчивой тенденцией стало укрепление отношений с Россией, которое стало выходить на уровень стратегического сотрудничества и, возможно, де-факто союза без формального заключения союзного договора.

Отражением положения КНР как глобального центра силы стала инициатива «Пояс и Путь», выдвинутая в 2013 году. Западные эксперты предполагали наличие ключевой геополитической составляющей китайского проекта, отмечая, в том числе, намерение Пекина реализовать геополитическую концепцию Х. Маккиндера относительно владения Хартлендом и склонить ситуацию в мире в свою пользу. В то же время, страны-участницы восприняли инициативу КНР с энтузиазмом. Сам проект получил развитие в качестве двух своих главных компонентов – «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

На региональном уровне основной внешнеполитической проблемой КНР является «Китайский Тайбэй». Позиция Пекина заключается в том, что он является неотъемлемой частью страны. Китай настаивает на том, что это его внутреннее дело, и не намерен предоставлять Тайваню возможности для любой формы суверенитета. Тайвань, основным союзником которого являются де-факто США, является еще одной точкой противостояния двух великих держав.

---

¹ See: Hans Morgenthau and Kenneth Thompson, *Politics Among Nations*, 6th edition, New York: McGraw-Hill, 1985.

² See: E. Sridharan, *International Relations Theory and South Asia: Security, Political Economy, Domestic Politics, Identities, and Images*, Oxford University Press, 2015.

³ See: *Rational Theory of International Politics: The Logic of Competition and Cooperation*, Charles L. Glaser, Princeton University Press, 2010.

⁴ See: K. Waltz. *Theory of International Politics*. New-York. McGraw-Hill. 1979.

⁵ See: Scott D. Sagan and Kenneth N. Waltz. *The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed*. New-York: W.W. Norton, 2003.

⁶ См.: Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, 2005. 592 с.

⁷ Там же.

⁸ См.: Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

---

⁹ См.: Кант И. Метафизика нравов Учения о праве [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_2.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰ См.: Кант И. К вечному миру [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹ Сморгунова В. Ю. Англо-американский либерализм как основание западной модели гражданского общества: теоретико-правовой анализ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglo-amerikanskiy-liberalizm-kak-osnovanie-zapadnoy-modeli-grazhdanskogo-obschestva-teoretiko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 11.03.2022).

¹² Тимофеев И. Железная рука в бархатной перчатке: принципы, определившие американский век [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zheleznaaya-ruka-v-barkhatnoy-perchatke-printsipy-opredelivshie-amerikanskiy-vek/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³ См.: Кант И. К вечному миру [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Абишева А. К. Иммануил Кант: о вечном мире [Электронный ресурс]. URL: <https://articlekz.com/article/7982> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁹ См.: Andrew Beddow. Immanuel Kant and the Myth of Perpetual Peace [Электронный ресурс] // National Interest (USA), August 28, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/feature/immanuel-kant-the-myth-perpetual-peace-22087> (дата обращения: 11.03.2022).

²⁰ См.: Цыганков П.А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866972/Tsygankov.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

²¹ См.: Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 111–114.

²² Keohane R.O., Nye J.S. (J.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.

²³ См.: Саликов А.Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/interpretatsiya-idey-traktata-k-vechnomu-miru-i-kanta-v-sovremennoy-liberalnoy-teorii-demokraticheskogo-mira> (дата обращения: 11.03.2022).

²⁴ См.: Цыганков П.А. Либерализм в российской теории международных отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org/library/mpimo/tsygankov.php> (дата обращения: 11.03.2022).

²⁵ Кортунов А.В. Семь споров о четырнадцати пунктах. / «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок. М.: Центр стратегических разработок, 2018. С. 15.

²⁶ См.: Саликов А.Н. Кантовский проект вечного мира и проект Европейского Союза [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kantovskiy-proekt-vechnogo-mira-i-proekt-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 11.03.2022).

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Орехов А. «Вечный мир» или «вечная война»? (И. Кант versus К. Клаузевиц) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Belas1/subor/Orechov.pdf> (дата обращения: 11.03.2022)

---

²⁹ См.: Познякова О.Л. Концепция «вечного мира» И. Канта в контексте современных стратегий выживания человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://uchebnikfree.com/filosofiya-narodov-kniga/kontsepsiya-vechnogo-mira-kanta-kontekste-27643.html> (дата обращения: 11.03.2022).

³⁰ См.: Накамура Х. Путь Канта к вечному миру в 21 веке [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/put-kanta-k-vechnomu-miru-v-xxi-veke> (дата обращения: 11.03.2022).

³¹ Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001. 160 p.

³² Mearsheimer J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities* – Yale University Press, 2018. 328 p.

³³ Julian Snelder. Mearsheimer's big question: Can China rise peacefully? URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/mearsheimers-big-question-can-china-rise-peacefully> (дата обращения: 11.03.2022).

³⁴ Там же.

³⁵ Турицын И.В., Рау И. Особенности современных отношений КНР и Японии в контексте краткой ретроспективы китайско-японского взаимодействия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennyh-otnosheniy-knr-i-yaponii-v-kontekste-kratkoj-retrospektivy-kitaysko-yaponskogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 11.03.2022).

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Интервью Посла России в Японии М.Ю. Галузина международному информационному агентству «РИА Новости», 13 февраля 2020 года. Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/4037024 (дата обращения: 11.03.2022).

³⁹ Tsuruoka Michito. Why Japan Is Getting Tough on Russia Now URL: <https://thediplomat.com/2022/06/why-japan-is-getting-tough-on-russia-now/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Japan shifts to hard-line stance on territorial dispute with Russia URL: <https://english.kyodonews.net/news/2022/04/ec6a12f6bf03-japan-readopts-hard-line-stance-on-territorial-dispute-with-russia.html> (дата обращения: 11.03.2022).

⁴² Там же.

⁴³ Julian Snelder. Mearsheimer's big question: Can China rise peacefully? URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/mearsheimers-big-question-can-china-rise-peacefully> (дата обращения: 11.03.2022)

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Jonathan Kirshner. The tragedy of offensive realism: Classical realism and the rise of China URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1354066110373949> (дата обращения: 11.03.2022)

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Beckley M. *Enemies of me Enemy*. // *Foreign Affairs*. 2022. Volume 101, № 2. P. 68-85.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ IR Offensive Realist John Mearsheimer Blames US, NATO for Russia's Invasion of Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statecraft.co.in/article/ir-offensive-realist-john-mearsheimer-blames-us-nato-for-russia-s-invasion-of-ukraine> (дата обращения: 16.06.2022)

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Sverrir Steinsson. John Mearsheimer's Theory of Offensive Realism and the Rise of China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2014/03/06/john-mearsheimers-theory-of-offensive-realism-and-the-rise-of-china/> (дата обращения: 16.06.2022).

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Frank Kuhn. Offensive Realism and the Rise of China: A Useful Framework for Analysis? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2021/07/09/offensive-realism-and-the-rise-of-china-a-useful-framework-for-analysis/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵⁷ Henry Kissinger. Moscow and Beijing: A Declaration of Independence // Washington Post. 1996. May 14. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1996/05/14/moscow-and-beijing-a-declaration-of-independence/e9ab3123-89b5-4efe-874b-f20af679698c/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Beckley M. Enemies of me Enemy // Foreign Affairs. 2022, Volume 101, № 2. P. 68-85.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Duncan Bell. Liberal internationalism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britanica.com/topic/liberal-internationalism> (дата обращения: 11.03.2022).

⁶² Paul Belkin. Assessing NATO's Value. Congressional Research Service [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45652.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

⁶³ Там же.

⁶⁴ Kimberly Amadeo. NATO, Its Purpose, History, and Members [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/nato-purpose-history-members-and-alliances-3306116> (дата обращения: 11.03.2022).

⁶⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 11.03.2022).

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Robert Berls Jr. Strengthening Russia's Influence in International Affairs, Part I: The Quest for Great Power Status [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/nato-purpose-history-members-and-alliances-3306116> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁶ Angela Stent. The impact of September 11 on US-Russian relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/09/08/the-impact-of-september-11-on-us-russian-relations/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁷ Жирнов О.А. «Гуманитарная интервенция» НАТО в Косово и ее последствия для мирового сообщества: взгляд из России (обзор) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-interventsiya-nato-v-kosovo-i-ee-posledstviya-dlya-mirovogo-soobshchestva-vzglyad-iz-rossii-obzor> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁸ Robert Berls Jr. Strengthening Russia's Influence in International Affairs, Part I: The Quest for Great Power Status [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/nato-purpose-history-members-and-alliances-3306116> (дата обращения: 11.03.2022).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 11.03.2022)

---

⁸¹ Война России с Грузией: хронология 2008 года [Электронный ресурс]. URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/voyna-rossii-s-gruziey-khronologiya-2008-goda> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸² Лухтерхандт О. Международно-правовые аспекты "грузинской войны" (2008) [Электронный ресурс]. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/05940.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸³ Тардьё Ж.-Ф. Россия и страны «Восточного партнерства» после войны в Грузии [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_tardieu_eastern_partnershp_after_georgia_war_rus_july2009.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

⁸⁴ Михайленко Б., Михайленко В. И. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 330 с.

⁸⁵ Arab Spring. Pro-Democracy Protests. // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/event/Arab-Spring> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸⁶ Arab Spring. // Collins Dictionary, 17.06.2020. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/arab-spring> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸⁷ Arab Spring. // Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillan.com/dictionary/british/the-arab-spring> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸⁸ Комлева Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и время (Россия). 2013. № 1. С. 18-23; Ланда Р. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть // Россия и мусульманский мир. 2012. № 1. С. 154-168; Манойло А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке // ПОЛИТЭКС (Россия). 2012. Том 8, № 1. С. 131-154.

⁸⁹ Примаков Е. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? : сборник статей / отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВРАН, 2012. С. 21-31.

⁹⁰ Наумкин В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? : сборник статей / отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 3-20.

⁹¹ Наумкин В. Снизу вверх и обратно // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno/> (дата обращения: 11.03.2022)

⁹² Антюхова Е.А. Результативность стратегического курса нато в разрешении региональных конфликтов, вызванных событиями «Арабской весны» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultativnost-strategicheskogo-kursa-nato-v-razresheniiregionalnyh-konfliktov-vyzvannyh-sobytyami-arabskoj-vesny> (дата обращения: 11.03.2022).

⁹³ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 года (ратифицировано Федеральным законом от 14.10.2016 № 376-ФЗ, вступило в силу 12 ноября 2016 года, письмо МИД России от 22.11.2016 г. № 20737/дп) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201601140019> (дата обращения: 11.03.2022).

⁹⁴ Канцелярия президента Сирии: Асад попросил у РФ военную помощь для борьбы с террористами [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2304214> (дата обращения: 11.03.2022).

⁹⁴ Mona Yacoubian. What is Russia's Endgame in Syria? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org/publications/2021/02/what-russias-endgame-syria> (дата обращения: 11.03.2022); The Russian Military's Lessons Learned in Syria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.understandingwar.org/report/russian-military%E2%80%99s-lessons-learned-syria> (дата обращения: 11.03.2022); Eugene Rumer. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master

---

of None [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233> (дата обращения: 11.03.2022); Samuel Charap, Elina Treyger, Edward Geist. Understanding Russia's Intervention in Syria [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3180.html (дата обращения: 11.03.2022).

⁹⁶ Scott Lucas. Russia and Syria: bound together in a mission that is far from accomplished [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/russia-and-syria-bound-together-in-a-mission-that-is-far-from-accomplished-165345>

⁹⁷ Abdullah Alghadawi. Russia's failed efforts to restructure the Syrian army [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mei.edu/publications/russias-failed-efforts-restructure-syrian-army> (дата обращения: 11.03.2022).

⁹⁸ Anna Borshchevskaya, Lester Grau, Michael McFaul. The Future of Putin's War in Syria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/future-putins-war-syria> (дата обращения: 11.03.2022).

⁹⁹ Robert E. Hamilton. Russia's Forever Wars: Syria and the Pursuit of Great Power Status [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpri.org/article/2021/09/russias-forever-wars-syria-and-the-pursuit-of-great-power-status/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰⁰ Миллер А., Сокольский Р. Как США следует вести себя с Сирией. Московский центр Карнеги. 24 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/2017/11/24/rupub-74814> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰¹ Robert Berls Jr. Strengthening Russia's Influence in International Affairs, Part I: The Quest for Great Power Status [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/nato-purpose-history-members-and-alliances-3306116> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰² "Уничтожение России": Соловьев рассказал о планах США [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/world/44883033-unichtozhenie-rossii-solovev-rasskazal-o-planah-ssha/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰³ Токарев А.А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1921-2014 годах : монография / А.А. Токарев ; МГИМО (У) МИД России, Ин-т междунар. исследований, Центр глобальных проблем. Москва : МГИМО-Университет, 2015. 310 с.

¹⁰⁴ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰⁵ Stanislaw Skarzynski and Daniel Wong. Is Putin's Russia Seeking a New Balance Between China and the West? // Diplomat, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2020/08/is-putins-russia-seeking-a-new-balance-between-china-and-the-west/> (дата обращения: 11.03.2022)

¹⁰⁶ Yana Leksyutina. Understanding a New Era in Russia-China Relations, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.institutfuersicherheit.at/understanding-a-new-era-in-russia-china-relations/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰⁷ Andrey Panevin. The Sino-Russian relationship is being misunderstood, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/sino-russianrelationship-being-misunderstood> (дата обращения: 11.03.2022)

¹⁰⁸ Будаев А.В., Воронин С.А. Актуальная российская повестка. Материалы научного семинара – круглого стола «В треугольнике: США (Запад) – Китай – Россия. Что за поворотом страны с Запада на Восток». Вып. № 4. М.: Наука и политика, 2015. С. 6-23.

¹⁰⁹ Le Tian. Sino-Russian relations within the SCO framework, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d774d3063544f77457a6333566d54/share_p.html (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹⁰ Kurt M. Campbell and Mira Rapp-Hooper. China Is Done Biding Its Time. // Foreign Affairs (USA), 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-07-15/china-done-biding-its-time> (дата обращения: 11.03.2022).

---

¹¹¹ How a Rising China Has Remade Global Politics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27828/how-a-rising-china-has-remade-global-politics> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹² Се Тао. Внешняя политика Китая «по Си Цзиньпину». // Московский центр Карнеги, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/2018/01/23/ru-pub-75325> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹³ Sean Golden. The US and China in the new global order [Электронный ресурс]. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/opinion/seguridad_y_politica_mundial/the_us_and_china_in_the_new_global_order (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹⁴ Michael Clarke, Matthew Sussex. The U.S.-China Rivalry According to China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/30238/the-conflicting-viewpoints-behind-u-s-tensions-with-china-срр> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹⁵ How a Rising China Has Remade Global Politics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27828/how-a-rising-china-has-remade-global-politics> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹⁶ Sean Golden. The US and China in the new global order [Электронный ресурс]. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/opinion/seguridad_y_politica_mundial/the_us_and_china_in_the_new_global_order (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹⁷ Li Xing and Zhang Shengjun. Interdependent Hegemony [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/epdf/10.1142/S237774001850015X> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹⁸ Mercy A. Kuo. China's New World Order: Partners and Profit [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/chinas-new-world-order-partners-and-profit/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹⁹ Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) [Электронный ресурс] URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-organizations/asia-pacific-economic-cooperation-аpec> (дата обращения: 11.03.2022).

¹²⁰ China's Foreign Policy in a Fast Changing World: Mission and Responsibility. Speech by Vice Foreign Minister Le Yucheng At the Lunch Meeting of the Eighth World Peace Forum, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1679454.shtml (дата обращения: 11.03.2022).

¹²¹ Xi touts China's huge economy as base of free trade in Apec speech [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bangkokpost.com/world/2022263/xi-touts-chinas-huge-economy-as-base-of-free-trade-in-аpec-speech> (дата обращения: 11.03.2022).

¹²² Петровский В. США, Китай и Россия: о трещинах и швах // Международная жизнь. 2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27075> (дата обращения: 11.03.2022).

¹²³ Yang Jin. China-Russia ties cornerstone of global strategic stability. // Global Times. 2020/7/15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1194586.shtml> (дата обращения: 11.03.2022).

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ James D. Sidaway, Chih Yuan Woon. Chinese Narratives on “One Belt, One Road” (一带一路) in Geopolitical and Imperial Contexts. URL: <https://ap4.fas.nus.edu.sg/fass/geojds/intro/chinese%20narratives%20on%20one%20belt%20one%20road%20in%20geopolitical%20and%20imperial%20contexts.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹²⁶ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/ztbd/XJPFWHSKST/t1077192.htm> (дата обращения: 11.03.2022).

¹²⁷ Сыроежкин К. К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан. Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/16/ru-pub-52988> (дата обращения: 11.03.2022).

¹²⁸ "Сообщество общей судьбы" Китай-АСЕАН ("Женьминь Жибао", Китай). URL: <http://rodon.org/polit-131009112938> (дата обращения: 11.03.2022).

---

¹²⁹ Swaine M. Chinese Views and Commentary on the “One Belt, One Road” Initiative URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm47ms.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Clifton A. NSR programme presents: Strategic communications and China’s Belt and Road Initiative. URL: <https://www.lai.lv/viedokli/nsr-programme-presents-strategic-communications-and-chinas-belt-and-road-initiative-705> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³² James D. Sidaway, Chih Yuan Woon. Chinese Narratives on “One Belt, One Road” (一帶一路) in Geopolitical and Imperial Contexts. URL: <https://ap4.fas.nus.edu.sg/fass/geojds/intro/chinese%20narratives%20on%20one%20belt%20one%20road%20in%20geopolitical%20and%20imperial%20contexts.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³³ Clover C. and L. Horny. China’s Great Game: Road to a new empire. Financial Times 12 October, 2015. URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/6e098274-587a-11e5-a28b-50226830d644.html#axzz4E2lfcпOT> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³⁴ James D. Sidaway, Chih Yuan Woon. Chinese Narratives on “One Belt, One Road” (一帶一路) in Geopolitical and Imperial Contexts. URL: <https://ap4.fas.nus.edu.sg/fass/geojds/intro/chinese%20narratives%20on%20one%20belt%20one%20road%20in%20geopolitical%20and%20imperial%20contexts.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³⁵ Liu, X. M. New Silk Road is an opportunity, not a threat. Financial Times 24 May, 2015. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axz4E2lfcпOT> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³⁶ Clifton A. NSR programme presents: Strategic communications and China’s Belt and Road Initiative. URL: <https://www.lai.lv/viedokli/nsr-programme-presents-strategic-communications-and-chinas-belt-and-road-initiative-705> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³⁷ Swaine M. Chinese Views and Commentary on the “One Belt, One Road” Initiative URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm47ms.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³⁸ Сыроежкин К. К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан. Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/16/ru-pub-52988> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³⁹ Мануков С. Второе дыхание «Одного пояса, одного пути». URL: <https://expert.ru/2019/08/16/роуас/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁴⁰ Балакин В.И. Тайвань в системе восточноазиатской интеграции КНР // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 223-231.

¹⁴¹ Kan Shirley A. China/Taiwan: Evolution of the “One China” Policy—Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL30341.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Волошина А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5 (6). С.80–93.

¹⁴⁴ Liu Liping. China can hardly rule the world // Contemporary International Relations. Vol. 21. No. 1. Jan./Feb. 2011. P. 1-14.

¹⁴⁵ Kan, Shirley A. China/Taiwan: Evolution of the “One China” Policy—Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. [Электронный ресурс]. URL <https://fas.org/sgp/crs/row/RL30341.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁴⁶ Howard W. French. China’s Policies Toward Hong Kong and Taiwan Are Driving a Slow-Motion Catastrophe [Электронный ресурс] // URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28470/china-s-policies-toward-hong-kong-and-taiwan-are-driving-a-slow-motion-catastrophe> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁴⁷ Ли Гуаньцзюнь. Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР // Международные отношения. 2013. № 8 (4). С. 469–509.

ГЛАВА 2

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

2.1. Политические аспекты взаимодействия РФ и КНР

Российско-китайское сотрудничество в настоящее время находится на уровне, определяемом обеими сторонами как стратегическое взаимодействие и всеобъемлющее партнерство. Совпадающие интересы двух стран в меняющемся мире создают хорошую основу для дальнейшего поступательного развития.

Сотрудничество двух стран благоприятно отражается на защите их национальных интересов на международной арене, демонстрируя разностороннюю поддержку по всем вопросам на основе взаимовыгодного практически ориентированного сотрудничества.

В достаточно продолжительной истории отношений нынешний этап, возможно, является беспрецедентным по уровню сотрудничества. Собственно история двусторонних отношений восходит еще к XVII веку, а ее современный этап начинается с образования КНР, когда советское руководство выбрало курс на его полную поддержку. Эта поддержка основывалась на общей идеологии, исходя из которой формулировались национальные интересы и геополитические представления.

Российский эксперт А.Д. Воскресенский отмечает, что идеологическая близость СССР и КНР сближала эти державы и оттесняла на второй план геополитические аспекты и даже, в какой-то мере, национальные интересы. Приоритетным на тот момент виделось общее понимание враждебного капиталистического окружения в условиях «холодной войны» и военной напряженности в мире.¹

Однако этот период сближения оказался недолгим. После смерти И.В. Сталина стали обнаруживаться разногласия касательно экономического развития, приоритетов двустороннего сотрудничества, а также, что было еще существеннее, идеологического характера.

В основе сотрудничества лежал «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи»², который был подписан 14 февраля 1950 года и был рассчитан на срок в 30 лет.

После XX съезда КПСС, когда Н.С. Хрущев подверг критике своего предшественника и призвал осудить сложившийся «культ личности» И.В. Сталина, в отношениях двух стран наметились глубокие трещины³.

Важным сигналом к изменениям стала опубликованная в апреле 1956 года статья Мао Цзэдуна «О десяти важнейших противоречиях», которая стала ответом на заявления Н.С. Хрущева, прозвучавшие на XX съезде КПСС. В статье подчеркивалось великодержавие КНР, необходимость для укрепления своих позиций объединяться с любыми силами, и даже использовать в своих интересах силы реакции. КНР должна быть самостоятельным центром силы, отдавая приоритет независимой внешней политике⁴.

Независимость внешней политики КНР предусматривала дистанцирование от СССР и принципиальное неприятие позиции единого внешнеполитического курса, в котором Москва определяла бы основные его направления⁵.

После периода охлаждения, в ходе которого происходили даже военные столкновения, в 1969 году состоялся первый за долгое время визит главы советского правительства в Пекин. А.Н. Косыгин встретился со своим китайским коллегой Чжоу Эньлаем, и в ходе встречи обе стороны договорились начать процесс урегулирования касательно спорных пограничных территорий.

В том же году начались переговоры, и данный процесс вел к постепенному снижению напряженности в двусторонних отношениях, возникшей в предыдущий период. Постепенно обстановка в районе советско-китайской границы стала нормализовываться, возобновились торговые отношения, но в целом некоторая напряженность сохранялась, особенно после запуска налаживания американо-китайских отношений с начала 1970-х годов.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в двусторонних отношениях произошел новый кризис. Поводом стал ввод советских войск в Афганистан, который в Пекине расценили как акт агрессии и потребовали немедленного вывода всех иностранных сил. В Пекине характеризовали ситуацию как угрозу миру во всем мире, в том числе Китаю, и это препятствие для нормализации двусторонних отношений⁶.

Однако это был краткосрочный период. Уже в конце 1981 – начале 1982 годов вверх взяли тенденции, которые впоследствии обрели страте-

гический характер. В выступлениях руководителей КНР и публикации в государственных СМИ стали исчезать слова о едином фронте и общих стратегических интересах КНР и стран Запада, которые были достаточно традиционными в 1970-е годы. Стала ужесточаться реакция контакты, прежде всего, военные, между США и Китайским Тайбэем. Отдельные аспекты внешней политики Вашингтона стали оцениваться все более критически⁷.

Отношения с СССР постепенно стали переосмысливаться, по политическим каналам стала доводиться информация примирительного характера. Готовность КНР развивать отношения со всеми странами мира на основе принципов мирного сосуществования должна была служить демонстрацией независимости внешнеполитического курса. Переговорный процесс был публично заявлен как единственный метод разрешать все спорные вопросы с СССР, а дружеские связи советского и китайского народов должны были оставаться таковыми независимо от состояния межгосударственных отношений⁸. Новый подход к отношениям с СССР был обусловлен оценками Пекина изменений международного положения, в первую очередь сложной ситуацией, с которой столкнулась Москва в начале 1980-х годов⁹.

На этом фоне начался постепенный прогресс в двусторонних отношениях, который перерос в современное всестороннее стратегическое партнерство. Уже в 1982–1984 годы наблюдался процесс снижения напряженности, налаживания конструктивных связей. Процесс перестройки, начавшийся с апреля 1985 года, послужил причиной резких изменений не только во всей системе международных отношений, но и в двусторонних советско/российско-китайских связях.

Важной частью прогресса в двусторонних отношениях стал визит М.С. Горбачева в Пекин, который состоялся в мае 1989 года. Во время переговоров наметились новые контуры двусторонних отношений. Особое значение имела договоренность о делимитации основной части советско-китайской границы. Само рамочное соглашение было подписано уже в 1991 году, во время первого визита в Москву нового председателя КНР Цзян Цзэминя¹⁰.

Поступательное развитие двусторонних отношений продолжилось в 1990-е годы. В 1992 году стало развиваться такое важное с точки зрения развития сотрудничества направление, как военно-техническое. В декабре

1992 года состоялся первый визит президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в Пекин, в ходе которого была подписана совместная декларация об основах взаимоотношений РФ и КНР¹¹.

В декларации отношения между странами характеризовались как дружественные, и выражалось намерение решать все спорные вопросы мирными средствами. Россия признавала суверенитет КНР над Тайванем. Закладывался механизм консультаций по международным вопросам. Было принято решение о сокращении вооруженных сил в районе границы и необходимости руководствоваться принципами равноправия в урегулировании споров. Кроме того, в декларации излагались важные аспекты понимания формирующейся после распада Ялтинско-Потсдамской новой системы международных отношений. Указывалось на необходимость поддержания роли и авторитета ООН, выступление против любых форм «гегемонизма» и политики силы¹².

Ответный визит главы КНР Цзян Цзэминя состоялся в 1994 году. В это время двусторонние отношения характеризовались как «конструктивное партнерство, ориентированное на XXI век»¹³. Стороны договорились о ненацеливании ядерного оружия друг на друга, а также об урегулировании западного участка российско-китайской границы¹⁴.

Данные встречи заложили основы интенсивного развития российско-китайского сотрудничества. Уже в 1995 году лидеры двух государств заявили о начале стратегического сотрудничества РФ и КНР¹⁵. Можно отметить, что с этого времени встречи лидеров двух стран стали регулярными, один-два раза в год.

В это время азиатское направление во внешней политике России стало одним из ее важнейших приоритетов, и динамично развивавшееся политическое, экономическое и военно-техническое сотрудничество с КНР стало стратегическим вектором, во многом определявшим азиатскую стратегию Москвы.

Во второй половине 1990-х годов положительные изменения в развитии российско-китайских отношений усилились. Это было связано с осознанием российской политической элитой сложившегося отношения Запада к России как к своему «младшему партнеру». Это усугублялось геополитической слабостью России и кризисными явлениями в стране, которые угрожали принять хронический характер. Определенную роль сыграл фактор Японии, которая в этот период усилила свои попытки ре-

шить территориальный спор с Россией по вопросу южных Курильских островов.

В отличие от отношений со странами Запада, российско-китайское сотрудничество развивалось на основе равноправия, благожелательного нейтралитета Пекина в отношении Москвы и неуклонным ростом всестороннего сотрудничества¹⁶.

Геополитическое сближение РФ и КНР подкреплялось торгово-экономическим взаимодействием, в том числе в сфере жизненно важного для Москвы военно-промышленного комплекса. К тому же и Пекин, и Москва были нацелены на сотрудничество в мирном и стабильном развитии таких регионов, как Центральная Азия, где развивались процессы формирования Шанхайской организации сотрудничества.

В наследство от советско-китайских отношений граничащим с КНР странам СНГ достался комплекс нерешенных пограничных проблем. Для относительно небольших республик Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана – решение вопроса границ стало бы крупным внешнеполитическим достижением.

Российской Федерации урегулирование старых пограничных споров означало бы не только открытие новой страницы в отношениях с Китаем, но и подтверждением ее статуса как главного внешнего актора на пространстве Содружества, поскольку для переговоров с КНР РФ и центральноазиатские республики сформировали общую позицию.

Истоки группы уходят корнями в давнюю напряженность между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, наиболее интенсивно проявлявшуюся на их общей границе, что стало многосторонним вопросом с обретением независимости бывших советских республик Центральной Азии.

Еще в ноябре 1992 года Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан начали переговоры по безопасности и мерам доверия на границах. Основная цель переговоров заключалась в снижении возможной напряженности на границах после окончания холодной войны.

В 1996 году на встрече в г. Шанхае была сформирована неформальная группа сотрудничающих стран, получившая название «Шанхайская пятерка». Тогда же было подписано «Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы»¹⁷.

На следующий год в Москве было подписано «Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы»¹⁸.

В текстах соглашений изложены подробные меры военного сдерживания и прозрачности вдоль общих границ всех пяти государств. Тем самым было положено начало формированию общего режима безопасности и успешному многостороннему сотрудничеству, но договоренности между странами были дополнены серией двусторонних соглашений о разграничении границ, торговле и сотрудничестве.

Это стало важным историческим этапом, основанием и результатом запуска «механизма Шанхайской пятерки», подразумевающего укрепление добрососедских отношений, взаимного доверия, дружбы и сотрудничества между странами-участницами.

Ежегодные встречи в рамках «Шанхайской пятерки» стали устоявшейся практикой и проводились поочередно в каждой из пяти стран, формируя основы для создания новой международной организации. Этому же способствовало постепенное расширение тематики встреч, которая быстро вышла за пределы обсуждения пограничных районов и военных мер доверия, эволюционируя «в плоскость взаимовыгодного сотрудничества между пятью государствами в таких областях, как политика, безопасность, внешняя связь, экономика и торговля»¹⁹.

Как отмечалось в Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества, «подписанные в Шанхае и Москве, соответственно, в 1996 и 1997 годах главами Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан соглашения об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также итоговые документы, подписанные в ходе встреч в Алма-Ате (1998 г.), Бишкеке (1999 г.) и Душанбе (2000 г.), внесли важный вклад в дело поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе и во всем мире, значительно обогатили практику современной дипломатии и регионального сотрудничества, оказали широкое и позитивное влияние на международное сообщество»²⁰.

В принятой в том же, 2002 году, Хартии ШОС закреплялись основные цели и задачи организации. В частности:

- «укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства»;

- «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»;

- «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией»;

- «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес»;

- «содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов государств-членов»;

- «координация подходов при интеграции в мировую экономику»;

- «содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством»;

- «поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями»;

- «взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании»;

- «совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке»²¹.

Шанхайская организация сотрудничества может служить примером успешного сотрудничества двух государств в обеспечении региональной безопасности. Она развивалась благодаря сближению стратегических интересов и понимания угроз региональной безопасности со стороны великих держав Евразии, а также сразу после окончания холодной войны обеспокоенности по поводу потенциального вакуума безопасности в Цен-

тральной Азии, обострившейся опасности со стороны «глобализированного» терроризма.

Для России уже вскоре после распада Советского Союза одной из основных внешнеполитических задач России было поддержание безопасности в «ближнем зарубежье», то есть в периферийных государствах бывшего СССР.

В то же время Китай также стремился повысить безопасность своих границ с Центральной Азией, чтобы предотвратить распространение так называемых «трех зол» (экстремизм, сепаратизм и терроризм) в дальние западные районы Китая, особенно в Синьцзян.

Выражая также настороженность в отношении растущего американского влияния в Евразии, особенно после того, как началась война в Афганистане после 2001 г., оба государства надеялись на «мирные дивиденды» в связи с окончанием холодной войны, что позволило бы урегулировать общие угрозы в сфере региональной безопасности.

ШОС активно развивается благодаря ограниченному количеству доступных вариантов для обеспечения большей безопасности в Центральной Азии.

Ни одна из держав не желала или не могла увеличивать свое военное присутствие в регионе в одностороннем порядке, равно как и создавать системы альянсов, подобных НАТО. В Центральной Азии это не находило понимания.

Одной из первоначальных задач ШОС было развитие евразийской безопасности для защиты своих членов от негосударственных угроз безопасности, включая террористические организации, от местных групп в государствах-членах до более глобализированных образований, таких как Аль-Каида, а позже и Исламское государство.

Создание ШОС также заполнило надвигающийся вакуум безопасности, образовавшийся после распада СССР, при этом ни Россия, ни Китай не взяли на себя полностью гегемонистскую роль. Однако, несмотря на многочисленные заявления о взаимной доброй воле и поддержке развития ШОС, между двумя великими державами есть заметные различия, которые становятся очевиднее на фоне особой позиции Индии по ряду вопросов.

Сам размер и потенциальное влияние ШОС гарантируют, что его не могут игнорировать те, кто пытается понять происходящие сдвиги в глобальной безопасности²².

Вместе с тем, Пекин призывает Шанхайскую организацию сотрудничества играть более активную роль в обеспечении региональной безопасности и стабильности.

В целом, в этот период отношения России и Китая вышли на уровень стратегического партнерства, окончательно преодолев кризисы времен холодной войны. Важнейшей предпосылкой для этого стало полное урегулирование сложных пограничных проблем. Помимо полноценного открытия судоходства и урегулирования вопросов пересечения границ это означало повышение уровня доверия между странами, доказав их желание и способность к конструктивному решению даже самых сложных проблем.

Произошла деидеологизация двустороннего политического сотрудничества, процесс, который стал возможным с окончанием холодной войны. Прагматичный подход к развитию отношений позволил точнее определить совпадающие интересы и глобальное видение двух держав.

Согласие, которое было достигнуто Москвой и Пекином относительно основных вопросов международной повестки дня, стало важным дополнением к уже заложенным основам сотрудничества и наработанному положительному опыту решения проблемы²³.

Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой еще одно важное направление сотрудничества РФ и КНР. Сквозь призму формирования новой системы международных отношений и вероятного развития противоположных моделей актуализуется вопрос о позиции силы в XXI века. Разнообразие Азиатско-Тихоокеанского региона и его различия разрыв в уровне экономического потенциала, цивилизационное и культурное разнообразие обостряет вопрос о сосуществовании и возможном развитии структур коллективной безопасности²⁴.

В пользу этого свидетельствует широкий спектр проблем, которые угрожают региональной безопасности²⁵. Все эти проблемы различны по потенциалу и по существу.

При этом специфической чертой АТР его важная роль в глобальных экономических процессах. В 2020 Азия производила около 40 % мирового ВВП, в 2050 сюда будет предположительно приходиться 57 % мировой экономики²⁶.

В АТР высок конфликтный потенциал, который отчасти является остаточным со времен холодной войны, например взаимоотношения Рос-

сии и Японии, проблема Корейского полуострова, проблема Тайвань, конфликт вокруг островов Спратли²⁷.

Кроме этого, структурные элементы системы присутствия США составляют неизменный конфликтный комплекс взаимодействия. США имеют военно-политические союзы с Японией и Южной Кореей, в обеих странах размещены военные базы, что вызывает настороженность России и Китая.

Пекин обеспокоен включением еще в 1997 году периметра действия «Основных направлений японско-американского сотрудничества в сфере обороны» Тайваньского пролива, и негативной реакции Пекин полностью поддерживает Москва.

Россия и Китай выступают за формирование новой системы безопасности взамен системы холодной войны, направленной на предотвращение конфликтов и содействие их урегулированию, эффективное противодействие угрозам безопасности²⁸.

Однако попытки США распространить на Азию европейские структуры безопасности под своим руководством имели разрушительные последствия²⁹. В современных условиях существует угроза ограничения участия Москвы в тех конструктивных геополитических процессах, которые отвечают ее интересам³⁰.

Между тем, ряд вопросов и споров между странами АТР требуют участия России, поскольку стороны часто ищут поддержку либо США, либо России, чья позиция часто соприкасается с китайской. Позиция США по некоторым спорным вопросам более конкретна, в отличие от позиции Москвы. Территориальные вопросы остаются неурегулированными, однако такая ситуация наблюдается десятилетиями³¹.

Важное значение присутствия России в АТР на официальном уровне подчеркивается как главой государства, так и Министерством иностранных дел страны. Так, в докладе Министерства иностранных дел приводится ряд стимулов:

- необходимость подключения потенциала восточных регионов РФ к развитию связей с динамично развивающимся регионом АТР. Здесь важно не только расширение экспорта, но расширение жизненно важного для экономики РФ импорта;

- необходимость переориентации внешнеэкономических связей с Запада на Восток по причине значительной конкуренцией и относительно низкими западными потребностями;

- привлечение в экономику России зарубежных инвестиций;
- переориентация основной части потока экспортно-импортных грузов в порты Дальнего Востока ³².

Для России характерен осторожный подход, при том, что развитие инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока выступает в качестве приоритетной задачи страны.

В этой связи рассматривается укрепление российско-китайского сотрудничества. Важнейшими чертами российско-китайского торгово-экономического сотрудничества являются такие принципы, как:

- уважение, которое включает в себя уважение политических систем и экономических моделей, а также национальных интересов обеих стран и их международных инициатив,
- равенство, которое подразумевает равноправие участников и признание их в качестве великих держав,
- сотрудничество, которое подразумевает приоритетность конструктивного взаимодействия обеих стран при любых внешних обстоятельствах.

Быстрое развитие региона АТР требует от РФ произвести переоценку своих национальных интересов и отказаться от системной неравномерности развития регионов РФ.

В числе национальных интересов РФ осталось обеспечение территориальной целостности и государственного суверенитета. В этом позиции РФ и КНР схожи. Обе страны осуждают сепаратизм и поддерживают территориальную целостность. КНР поддерживает позицию РФ по Курильским островам в споре с Японией, Россия – требования Пекина к Японии относительно принадлежности острова Даоюйдао (Сенкаку).

Также, Россия и на двустороннем уровне, и в рамках региональных и международных организаций, таких как ШОС, поддерживает позицию КНР относительно Китайского Тайбэя (Тайвань).

РФ, как и КНР выступает против существования в регионе закрытых военно-политических союзов, которые предпочитают США, и обе державы отдают предпочтение улучшению инструментов дипломатии, а не силового вмешательства.

РФ и КНР осознают необходимость осторожной политики относительно решения территориальных споров. Для России этот вопрос имеет еще большую актуальность в силу возможного ослабления связи восточной части страны с центральной. Россия пока не может проводить такую

же активную политику в регионе, как Китай, который осуществляет активную стратегию в Южно-Китайском море³³.

В этой связи Россия пока ставит перед собой приоритеты участия в работе региональных объединений, что будет способствовать мирному решению проблем и постепенному усилению российских позиций³⁴.

Значение фактора КНР в регионе АТР обусловлено тем, что Китай стал крупнейшей континентальной и морской державой в регионе с огромным демографическим потенциалом.

КНР в проведении им активной региональной политики преследует достижение стратегических целей:

- международного признания своих прав в акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского моря, признания своего ключевого влияния в Юго-Восточной Азии;
- признания территориальной целостности КНР в понимании принадлежности Китаю Тайваня и других спорных территорий;
- выгодного для Китая решения имеющихся территориальных разногласий;
- признания лидирующей роли КНР в регионе, которое обуславливает появление формата обязательных консультаций перед осуществлением каких-либо действий регионального значения³⁵.

Здесь наблюдается важное расхождение в позициях РФ и КНР, которые не имеют столкновения интересов, но масштаб решаемых задач принципиально иной.

В целом, при всех возможных различиях в региональных аспектах, в XXI веке наметившиеся тенденции развития российско-китайского сотрудничества получили новые импульсы. Уже в 2001 году был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР³⁶, дополненный позднее Дополнительным соглашением о российско-китайской государственной границе в ее восточной части³⁷.

Мирное возвышение Китая полностью соответствовало интересам России, которая стремилась к более эффективному использованию преимуществ сложившегося положения и за счет углубления стратегического сотрудничества укреплять собственные позиции.

Для Китая сближение с Россией означало обеспечение безопасности к северу от своих границ, которые становились оплотом стратегической

стабильности. Важную роль играло и торгово-экономическое сотрудничество, в том числе с точки зрения их перспектив.

Между тем, сближение не было неожиданным. С момента своего прихода к власти в 2000 году президент России В.В. Путин постоянно подчеркивал евразийский характер стратегии РФ, подтверждая свое желание развивать более тесные политические отношения и расширять всестороннее экономическое сотрудничество с Китаем.

Тем не менее, первоначально, за исключением нескольких крупных проектов в области энергетики, российско-китайское сотрудничество не продвинулось дальше деклараций о намерениях и подписания принципиальных соглашений.

В целом, после распада СССР и вплоть до 2014 года основные цели российской политической политики почти не менялись: Москва стремилась к лучшей интеграции России в международное сообщество и развитию экономического сотрудничества с Европейским Союзом, который был основным получателем российских углеводородов и его основным торговым партнером. В то же время отношения с Китаем развивались медленно, но неуклонно, в основном за счет растущих энергетических и военных потребностей Пекина. Основой для этого развития была прежде всего продажа российских углеводородов – сжиженного и сырого газа, а также других природных ресурсов.

Внешние факторы только ускоряли геополитическое и экономическое сближение. Вливая свежую энергию в азиатский вектор своей внешней политики, Россия создавала настоящий «поворот на Восток», политические последствия которого казались столь же разнообразными, сколь и непредсказуемыми. Укрепление отношений с Китаем лежит в основе российского разворота в сторону Азии, хотя Россия в своих официальных заявлениях подчеркивала многовекторность своей новой политики, нацеленной не только на Китай, но и на другие страны АТР³⁸.

Стратегическое перенаправление со стороны России стало не просто тактическим «переворотом», средством усиления влияния в политических и экономических переговорах с ЕС и США, но последовательной стратегией.

В 2013 году в ходе визита руководителя КНР в Москву главы двух государств сделали совместное заявление, охарактеризовав отношения терминами всеобъемлющее партнёрство и стратегическое взаимодействие и выразив намерение дальнейшего их углубления³⁹.

Помимо объективных причин заинтересованности РФ и КНР в развитии сотрудничества на двустороннее сближение непосредственное влияние оказывает нарастающая напряженность и конфликтогенность отношений с Западом. В более жесткой форме противостояние наблюдается у России и Западом, в то время как противоречия в отношениях КНР и западных стран пока не переходят на уровень военно-политического соперничества.

На этом фоне российско-китайские отношения могут быть обозначены как исключительно доверительное и конструктивное сотрудничество, которое направлено как на углубление двустороннего взаимодействия, так и на совместное формирование новой системы международных отношений. Хотя союз между великими державами может трактоваться как нечто исключительное, поскольку каждая из них имеет собственные интересы, которые не во всем разделяются другой стороной, тем не менее, еще в договоре от 2001 года допускается такая форма стратегического сотрудничества, и в условиях конфронтации с Западом подобное развитие событий исключать нельзя. В частности, об этом российские эксперты говорили еще в 2014 году⁴⁰.

Следует отметить, что баланс отношений внутри уже сложившегося партнерства двух великих держав может меняться в зависимости от внутривнутриполитической ситуации, вовлеченности в региональные конфликты или мировой конъюнктуры.

Введение Западом и его союзниками санкций против России в 2014 году, которые в последствии только набирали обороты и достигли беспрецедентного в истории уровня привели к еще большему возрастанию значение российско-китайского сотрудничества, о чем свидетельствует целый ряд документов, подписанных за данный период.

Обострение отношений между Россией и Западом, нарастание глобальных угроз и в условиях сформировавшейся глобальной турбулентности сформировавшееся российско-китайское стратегическое партнерство выступает возможным оплотом формирования нового международного порядка. Две великие державы рассматривают себя как центры будущего миропорядка и их сотрудничество может стать одним из ключевых факторов укрепления глобальной безопасности. В настоящее время обе державы испытывают дефицит безопасности на фоне обострения существующих системных дисбалансов в современной мировой экономике, в финансах, в

торговле, размывания сложившихся традиционных нравственных и культурных ценностей⁴¹.

Можно отметить характерный для российско-китайских отношений принцип равноправия, что имеет важное значение на фоне традиционных для США претензий на собственную исключительность или глобальное доминирование. В отличие от США и Запада в целом, РФ и КНР нацелены на дальнейшую борьбу за формирование полицентричного мира, укрепление безопасности на принципах равноправия.

2014 год стал во многом поворотным для укрепления российско-китайских отношений. Подъем, который наблюдался на протяжении предыдущего периода, резко ускорился после начала украинского кризиса 2014 года. В это время пять раз в течение года президент России В.В. Путин встречался с председателем КНР Си Цзиньпином в различных форматах. В феврале 2014 года председатель КНР посетил Олимпийские игры в Сочи. В Шанхае в мае 2014 года были подписаны документы, позволившие резко активизировать сотрудничество. Переговоры и совместные заявления на полях саммита БРИКС в Форталезе в июле 2014 года, а затем в сентябре на саммите ШОС в Душанбе и в ноябре на саммите АТЭС в Пекине свидетельствовали о выводе двусторонних отношений на приоритетные позиции во внешнеполитической стратегии России и Китая, особенно если затрагивались геополитическое или военно-политические аспекты взаимодействия⁴².

20 мая 2014 года РФ и КНР в совместном заявлении объявили о новом этапе отношений, который характеризовался всесторонним стратегическим партнерством и стратегическим взаимодействием⁴³.

В условиях углублявшегося кризиса на Украине позиции России и Китая продолжали сближаться, основываясь на прежних и новых точках соприкосновения, формируя основы для вывода стратегического партнерства на новый уровень. Китай осудил санкционный режим со стороны Запада, отмечая, что само их введение контрпродуктивно и нарушает сформировавшийся глобальный экономический баланс, становясь фактором дестабилизации мировой экономики и усугубляя хаос в международных отношениях.

Москва и Пекин не заинтересованы в сохранении международной напряженности, обе державы выступают против возвращения к атмосфере холодной войны. Однако нарастающий конфликтогенный потенциал в от-

ношениях России и Запада и в значительной мере КНР и Запада, является объективным фактором дальнейшего сближения Москвы и Пекина, постепенно формируя глобальный центр противостояния гегемонии Запада.

Глубокий международный кризис и беспрецедентные западные санкции вынужденно подталкивают Россию к поиску новых путей политического и экономического сотрудничества с Китаем. Сложившаяся на протяжении десятилетий зависимость от Запада ослабляет экономику России, которая, со своей стороны, видит в Китае возможность диверсифицировать свои экономические связи компенсировать наносимый Западом и его союзниками ущерб⁴⁴.

При этом, Россия и Китай опасаются такого международного порядка, в котором доминируют США, которые, по их мнению, подрывают их интересы. Россия и Китай поддерживают совпадающие оценки угроз, что Вашингтон при поддержке своих союзников стремится окружить и изолировать их в военном отношении, подрывая при этом их политические системы и способствуя дестабилизации и сменам режимов в дружественных странах. Они рассматривают экономические санкции Запада, технологическое разъединение и другие усилия как направленные на подрыв их собственного развития⁴⁵.

В настоящее время международная обстановка способствует дальнейшему развитию российско-китайского сотрудничества, не создавая видимых угроз подобному сценарию. Важнейшим является то, что Москва и Пекин по-прежнему занимают очень близкие позиции по проблемам формирования нового международного политического и экономического порядка. Оба государства подчеркивают важность соблюдения принципов международного права и урегулирования региональных проблем, от Восточной Европы до Ближнего Востока и Корейского полуострова.

Наиболее актуальным вопросом глобального сотрудничества РФ и КНР является степень влияния их стратегических задач на международные отношения и в этом контексте их взаимодействие друг с другом⁴⁶.

В то же время, на сегодняшний день главным остается то, что Китай видит источники угрозы своим национальным интересам связанными с теми же государствами, которые являются противниками России, в частности, странами, которые поддерживают Тайвань⁴⁷.

В целом, отношение России к Китаю претерпело заметные изменения за короткое время, и эти изменения продолжаются. Причины этих

сдвигов многогранны: они включают в себя отношения Запада с Россией и Китаем, экономические проблемы, личности лидеров двух стран, фундаментальные интересы в сфере безопасности, растущий интерес России к АТР. На данный момент отношение России к Китаю можно охарактеризовать как смесь множества различных тенденций, различающихся по своей значимости, долговечности и жизнеспособности⁴⁸.

Однако, как представляется, у Запада есть лишь ограниченные возможности изменить общую траекторию развития российско-китайских отношений, но все же эти возможности есть. Тем не менее, поскольку не Запад объединил Россию и Китай, их отношения не могут расколоться благодаря усилиям Запада. Западные лидеры вряд ли добьются успеха в политике, явно направленной на разделение России и Китая: эти отношения формируются большими долгосрочными тенденциями.

В качестве явного свидетельства изменившегося баланса сил можно привести идеи о необходимости выбора для США какой-либо державы, России и Китая, для укрепления своих позиций, поскольку они уже не в состоянии справляться с возникающими проблемами⁴⁹.

Динамика и взаимодействие существующих тенденций определит будущее положение Москвы и Пекина в мире. Тем не менее, Запад в состоянии влиять на некоторые из этих долгосрочных тенденций: он может попытаться усилить одни и ослабить другие. Однако за последнее десятилетие эти возможности сузились. Открытое противостояние с Россией и более скрытое с Китаем фактически оставляют мало выбора без коренного пересмотра Западом своей политики, к чему Вашингтон, в первую очередь, кажется полностью не готовым.

В целом, Россия и Китай демонстрируют беспрецедентный уровень сближения в своей истории. Обе державы, как правило, поддерживают (или, по крайней мере, не противостоят) друг другу в Совете Безопасности ООН, и несмотря на различия в интересах в некоторых регионах, например, в Центральной Азии, где Россия сосредоточилась на поддержке безопасности и политической стабильности этой части постсоветского пространства, а Китай сосредоточился на поддержке торговли и экономического развития в рамках проекта «Пояс и путь», обе державы очень далеки от столкновения интересов и сотрудничают в поддержании региональной безопасности через Шанхайскую организацию сотрудничества.

Существует разница в развитии ряда параметров двух держав, которые предопределяют их внешнеполитические цели и инструменты, используемые для их достижения. Экономика Китая является второй по величине в мире после экономики США и значительно превышает российскую. С другой стороны, российская экономика, не демонстрирует тех же темпов роста, что экономика КНР.

Однако российско-китайское сотрудничество выглядит незыблемым. Во многом баланс сил во всем мире определяется прочностью сотрудничества между РФ и КНР. В настоящее время обе державы успешно извлекают выгоду от своего партнерства. Принимая во внимание сложившуюся политическую обстановку в мире, можно говорить о том, что укрепление международного сотрудничества РФ и КНР отвечает как стратегическим интересам обеих государств, так и интересам мира⁵⁰.

Наряду с этим, российские эксперты А. Буданов и С. Воронин указывают, что консенсус в политических, экономических и экспертно-аналитических кругах обеих держав относительно системного и необратимого характера альянса России и Китая, будущего стратегического партнерства еще не сформирован, что может указывать на исключительный прагматизм сотрудничества, и при изменении внешней среды или расчетах на достижение национальных приоритетов той или иной страны, продвижение своих национальных интересов, ситуация может меняться. Но в любом случае объединение усилий РФ и КНР против недружественной международной обстановки и вызовы со стороны США и их союзников не являются единственным объединяющим фактором⁵¹.

Как представляется, гораздо важнее то, что Москва и Пекин, по существу, уладили все серьезные проблемы в своих двусторонних отношениях с растущим ощущением общей цели. Важнейшим стал пограничный вопрос, который на протяжении 300 лет был самым важным или раздражающим фактором в китайско-российских двусторонних отношениях, и который был окончательно решен в октябре 2004 года. За этим последовало начало регулярных российско-китайских межправительственных переговоров по безопасности, которые были бы невозможными без решения всех крупных политических проблем в двусторонних отношениях. Именно это создало основу для дружбы и сотрудничества между двумя державами.

На международной повестке дня, безусловно, важное место занимали опасения посягательств со стороны США на жизненно важные нацио-

нальные интересы двух держав. Однако стратегические интересы РФ и КНР выглядят намного шире. В этом отношении особенность «глобального охвата» китайско-российской совместной декларации также может рассматриваться как средство защиты сути их основных национальных интересов – внешние силы не должны вмешиваться в их внутренние дела.

Таким образом, можно отметить, что отношения между РФ и КНР переживают подъем, который стал логичным следствием возрождения двух великих держав. В 1990-х годах произошла активизация двустороннего сотрудничества, основанная еще на изменениях 1980-х годов. К началу 2000 годов российско-китайские отношения вышли на уровень стратегического партнерства и доверия. Начиная с 2014 года отношения между РФ и КНР переживают беспрецедентный подъем, вызванный ростом напряженности в отношениях с Западом и вызванной этим переориентацией России в восточном направлении.

Китай и Россия рассчитывают на взаимную поддержку своих взглядов на существующие и формирующиеся международные институты, разделяют общее видение нового мирового порядка, в котором наряду с постепенным смещением власти в Азию будет наблюдаться снижение влияния Запада и его роли как одного из центров силы.

Взаимовыгодное углубление отношений РФ и КНР отвечает интересам обеих держав и к более влиятельной роли как Пекина, так и Москвы на международной арене. Современные российско-китайские отношения достигают беспрецедентного ранее уровня всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в условиях комплексной трансформации геополитических процессов, меняющей расстановку сил в мире.

2.2. Тенденции развития торгово-экономического сотрудничества

Уровень российско-китайского торгово-экономического сотрудничества в целом соответствует общему уровню двусторонних отношений. Со времени распада Советского Союза эти связи в целом развиваются исключительно поступательно, и определенный спад наблюдался только в силу внешних обстоятельств, таких как международные экономические кризисы или пандемия COVID-19.

В 1990-е годы на развитии экономического сотрудничества сказывалось влияние спада в России, наступившего вследствие распада СССР, а

затем – хронического кризиса, в котором экономика Российской Федерации пребывала на протяжении большей части 1990-х годов.

Поначалу наиболее активно развивалась торговля в приграничных регионах РФ и КНР. В 1990-е годы это было особенно актуально, поскольку большинство государственных программ для регионов Сибири и Дальнего Востока было отменено или средств на реализацию этих проектов не было. Государственные компании, которые создавались в период СССР, часто оказывались неспособными приспособиться к радикальным экономическим изменениям. Они вынужденно прекращали свою деятельность, в то время как сельское хозяйство еще было не в состоянии производить урожай в достаточном количестве. В таких условиях товары народного потребления, поставляемые КНР в Россию по доступным ценам, быстро находили своих потребителей.

В данный период китайская продукция стала во многих случаях товаром первой необходимости для российских регионов, прежде всего, приграничных.

С китайской стороны для удовлетворения резко возросших потребностей стремительно развивающегося рынка, на северо-востоке страны в приграничном регионе стали появляться беспошлинные зоны, которые считались очень важными для развития внешней торговли КНР.

В Китае создавались производственные и торговые центры, призванные обслуживать в первую очередь российский рынок, организовывались сельскохозяйственные производства фруктов и овощей, формировались складские и распределительные центры, а также множество объектов легкой промышленности. В результате была создана сложная структура распределения товаров, ориентированных на Россию, был создан фундамент транснациональной торговли⁵².

Для Китая торговля с Россией особенно важное значение обрела в плане развития его северо-восточных провинций, граничащих с Россией. Согласно данным КНР, в 2021 году 24 % экспорта из китайской провинции Хэйлунцзян пришлось на Россию, а 78 % импорта провинции пришлось на провинцию Цзилинь и Внутреннюю Монголию, обе из которых граничат с Россией, также больше зависят от российской торговли, чем другие провинции.

С точки зрения Пекина, Россия играет решающую роль в содействии экономическому росту в регионе. И Цзилинь, и Хэйлунцзян являются ча-

стью северо-востока Китая. Китай стремился максимизировать выгоды от российской торговли с регионом, создав пилотные зоны свободной торговли в Хэйлунцзяне и предоставив Цзилиню экспортный доступ к российскому порту. Кроме того, два сухопутных порта в Хуньчуне, городе в провинции Цзилинь, были утверждены в качестве официальных портов для импорта морепродуктов из России, что позволяет российским экспортным морепродуктам напрямую доставляться в Хуньчунь, снижая затраты и повышая качество⁵³.

Можно констатировать, что значительный рост торговли между двумя странами в этот период отражал как особенности экономической ситуации в России, так и растущее значение Китая в международной торговле.

В XXI веке, по мере укрепления положения России и продолжения экономического роста в Китае происходил значительный рост двустороннего взаимодействия.

В 2000-е годы в результате продолжавшегося роста торговли между китайскими и российскими приграничными регионами стал формироваться вопрос географической и экономической взаимосвязи Сибири и российского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем. Китайские бизнесмены развернули свою деятельность, существенно ее диверсифицировав и к розничной торговле добавив такие сферы, как строительство, туризм, сельское хозяйство. Все более заметную роль стало играть освоение природных ресурсов. Развивались связи китайского бизнеса со все более северными и западными регионами России. Торговые сети постепенно расширились и охватывали практически всю территорию России.

Для России инвестиции и рост взаимозависимости рассматривался в двух аспектах. С одной стороны, это позволяло решать стоящие перед регионами социально-экономические проблемы. Географически и логистически относительно изолированный от остальной части России, регион Сибири и Дальнего Востока переживал серьезную социально-экономическую депрессию, усугубляемую массовой миграцией местного населения в европейскую часть России. Так, после распада СССР население Дальнего Востока России сократилось более чем на 1,8 миллиона человек и составило всего 6,2 миллиона жителей⁵⁴.

С другой стороны, укрепление связей приграничных регионов и все более сильное проникновение китайского бизнеса в российские ре-

гионы стало вызывать беспокойство. Демографическая убыль в Сибири и на Дальнем Востоке контрастировала с ростом населения соседнего Северо-Восточного Китая. Это заметное демографическое неравенство между двумя приграничными регионами стало одним из факторов, вызывавших беспокойство в России. Другим фактором стал контраст между инвестиционными возможностями Китая и его растущим присутствием и слабостью связей Сибири и Дальнего Востока с европейской частью России.

Одним из шагов, направленных на укрепление связи двух частей Российской Федерации, стали значительные усилия для более тесной поддержки развития Дальнего Востока. В правительстве РФ была введена должность специального министра по Дальнему Востоку и принят проект модернизации железнодорожной ветки, связывающую Дальний Восток от Иркутской области до побережья Тихого океана.

Следует отметить, что данная железнодорожная ветка имеет важнейшее стратегическое значение, и была связана с Китаем еще в самом начале своего строительства. К 1890 году европейская часть России имела железнодорожную сеть, протяженность которой составляла почти 30 000 километров, благодаря эффективной системе государственно-частного партнерства⁵⁵.

Между тем, к востоку от Уральских гор, отделяющих Европу от Азии, не было ни одного километра железнодорожных путей, хотя император Александр III еще в 1886 году признал, что правительство все еще не сделало ничего, чтобы удовлетворить потребности этого богатого, но пограничного региона.

В июле 1890 года Санкт-Петербург был поражен тревожными известиями о том, что Китай начал строить железную дорогу к периферии российского Дальнего Востока⁵⁶.

Только в середине XIX века Россия смогла заключить ряд соглашений с династией Цин, которые дали Российской империи землю, которая теперь включает Амурскую область, Приморский край, Сахалинскую область, Еврейскую автономную область и большей частью Хабаровского края.

В это время железная дорога заканчивалась на Урале. С этого момента по всей Сибири простиралась грунтовые дороги для конного извоза. До Владивостока можно было добраться с Байкала на кораблях по рекам Шилка и Амур. Зимой, когда Амур замерзал, или летом, когда он был

осушен, регулярное общение прерывалось. Это путешествие занимало не менее 11 месяцев⁵⁷.

Альтернативой был морской путь вокруг Индии, Китая, Кореи и Японии. Поездка занимала до шести месяцев, но любой потенциальный конфликт между Россией и Великобританией, Китаем или Японией немедленно отрезал бы Дальний Восток от европейской России. На самом деле, российский Дальний Восток в то время был очень «островком», отрезанным от России. В этой связи геополитические факторы и желание обеспечить свою национальную безопасность в условиях обостряющейся борьбы на Дальнем Востоке, послужили еще одной причиной начала строительства.

Из-за изолированности своих азиатских территорий Санкт-Петербург с двойной тревогой воспринял известия лета 1890 года о планах Китая по строительству железной дороги к периферии российского Дальнего Востока.

Китай с помощью английских инженеров начал прокладывать свою железную дорогу из Пекина на север, в Маньчжурию и далее в город Хуньчунь, расположенный на стыке трех стран: Китая, России и Кореи, всего в 100 километрах от Владивостока. Для любого эксперта было очевидно, что строительство ведется в интересах достижения геостратегических и военно-политических целей Великобритании.

В то время в Китае проживало 400 миллионов человек, а в российских регионах, граничащих со страной, население составляло менее двух миллионов. В августе 1890 года министр иностранных дел Российской империи Николай Гирс заявил, что строительство Транссибирской магистрали имеет «первостепенное значение»⁵⁸.

В то же время, начало строительства Транссиба остановило китайский проект, и предложенная китайская железная дорога из Пекина на север, которая так напугала Россию, была построена через несколько десятилетий после Транссиба⁵⁹.

Геополитика победила финансовые соображения, и Александр III поручил кронпринцу Николаю лично контролировать строительство железной дороги во Владивостоке⁶⁰.

Можно проследить очевидные параллели с модернизацией железной дороги в XXI веке и началом строительства Транссибирской магистрали в конце XIX – начале XX веков.

Так, в обеих периодах правительство России рассчитывало решить при помощи железной дороги и ряд сугубо внутривластных и социально-экономических задач. Экономические проблемы, с которыми столкнулась Российская империя, к концу XIX приобрели хронический характер. Усугубившись после неудач Крымской войны и недостаточно продуманного освобождения от крепостного права, Россия остро нуждалась не только в займах, которые помогали решить текущие проблемы, но и в импульсах внутривластного развития. При этом, потенциал формировавшегося помещичье-буржуазного общества, сочетавшего в себе пережитки феодализма и промышленного капитализма, имел ограниченный характер, и не мог устранить всем уже очевидную отсталость Российской империи. В этой связи строительство Транссиба имело стратегическое значение для экономики страны, давая возможность экстенсивного развития за счет освоения новых территорий наряду с колониальными приобретениями в Средней Азии.

Относительная отсталость российской экономики, незавершенность аграрной реформы, слабые импульсы промышленного развития приводили к росту социально-экономических проблем, которых правительство решить было не в состоянии, не меняя всю политическую и экономическую систему. В этой связи остро стоял вопрос с переизбытком освободившегося от крепостного права крестьянства, искавшего себе новые возможности, но не обладавшего земельными участками, на которых оно могло бы наилучшим образом применить свои навыки. Строительство Транссибирской железной дороги требовало новых рабочих рук и освоения новых территорий, открывая возможность для правительства решить сразу две проблемы: избавиться от социального недовольства своим положением обезземеленных крестьян и заселить новые сибирские территории.

Связать воедино Дальний Восток с европейской частью России означало на практике подчеркнуть фактическое, а не номинальное единство империи. До этого труднодоступность Дальнего Востока приводила к фактической его автономии. Сложность в управлении была главной уязвимостью Российской империи.

Наконец, развитие Сибири, которую Россия завоевала столетия назад, стало еще одной актуальной задачей в свете начинавшегося строительства. Развитие промышленности и сельского хозяйства, освоение природных ресурсов должно было позволить отойти от первобытно-общин-

ных методов добычи ценной пушнины и экспорта ее в европейскую часть империи, а также перестать рассматривать Сибирь как место ссылки или военной службы.

Таким образом, строительство Транссибирской железной дороги было обусловлено несколькими причинами:

- угроза строительства железной дороги в Китае, заканчивавшейся на стыке границ Китая, Кореи и России всего в ста километрах от Владивостока;

- необходимость расширения сформировавшейся железнодорожной сети в европейской части Российской империи далее на восток;

- решение внутриэкономических проблем развития за счет освоения новых территорий;

- решение проблемы обезземеленного крестьянства европейской части за счет переселения на восток;

- экономическое освоение Сибири и Дальнего Востока;

- укрепление единства страны.

Во многом схожие факторы побуждали Российскую Федерацию модернизировать железную дорогу на Дальний Восток в начале XXI века.

К тому же, результат строительства Транссиба сказался на развитии Сибири и Дальнего Востока. В конце XIX – начале XX в. Сибирь представляла собой отсталую окраину России с немногочисленным населением, слабо развитой промышленностью и торговлей. Отсутствие современных путей сообщения создавало определенные трудности в развитии экономики региона ввиду его большой территории. В связи с этим, принятое решение о строительстве в Сибири железных дорог открыло широчайшие возможности для преобразования ее промышленности.

Именно благодаря Транссибу за Уралом появилось большое количество новых городов, поселков, предприятий, появились новые промышленные центры. Сама железная дорога с ее парком локомотивов и вагонов, сетью вокзалов, складских помещений, депо и ремонтных мастерских явилась совершенно новой и громадной отраслью материального производства в сибирской экономике. Проведение железной дороги способствовало установлению более тесных экономических связей между Центральной Россией и Зауральским краем.

Первая очередь Транссиба была открыта на Западе Сибири. Сразу же на железную дорогу легла основная нагрузка по переселению. Основной

поток переселенцев шел уже не в Тюмень и далее по рекам и сухопутным дорогам, по только что построенной железнодорожной магистрали. По мере строительства поток шел все дальше на восток, добираясь уже до Алтая, Томской губернии.

Политическая элита Российской империи рассчитывала на комплексное освоение Сибири и Дальнего Востока. Считалось, что для этого есть все необходимые предпосылки. Выделяемые строительные кредиты, которые направлялись на строительство Транссибирской железной дороги, должны были помочь комплексному развитию регионов. Так, началось строительство новых металлургических заводов, для которых на месте существовали благоприятные условия, в том числе наличие качественной железной руды и дешевого топлива. В свою очередь, построенные промышленные предприятия привлекли бы квалифицированных рабочих. Железная дорога ускорила бы переселение безземельных крестьян и облегчило бы ситуацию в центральных регионах России, дав возможность осуществлять реформы без революционных потрясений⁶¹.

Правительство Российской империи видело даже перспективу формирования более совершенной и ориентированной на внутренний рынок экономики, учитывая масштабы природных ресурсов Сибири и дешевую рабочую силу. Реализация этих планов привела бы к тому, что страна обеспечивала бы себя всеми основными видами промышленной продукции, став производителем готовой продукции, а не сырья, и, к тому же, значительная часть хлебного экспорта оказалась бы более востребованной в самой России, в ее новых промышленных центрах⁶².

Эти планы стали получать частичную реализацию сразу же после запуска новой железной дороги. Так, после открытия железнодорожной линии Челябинск – Омск, начиная с октября 1894 года по май 1895 года, то есть всего за полгода, по Транссибирской железной дороге было перевезено, согласно официальной статистике, взрослых переселенцев количеством 57 903 человека, детей переселенцев – 27 944 человек, рабочих – 4439 человек, военнослужащих – 6312 человека, служащих и членов их семей – 40 607 человек⁶³.

Схожие расчеты имелись у руководства Российской Федерации. Чтобы подчеркнуть геополитическое значение региона для будущего страны, В.В. Путин распорядился о строительстве в Амурской области

нового космодрома Восточный, который должен был снизить зависимость России от космодрома Байконур, расположенный в Казахстане⁶⁴.

При этом федеральные власти вынуждены были опираться и на иностранные инвестиции в своих проектах, поскольку не обладали достаточными финансовыми ресурсами. Таким образом, хотя Москва и желает укрепить свое экономическое и геополитическое влияние на российском Дальнем Востоке, она не в состоянии сделать это без участия иностранных инвесторов, в основном из Китая, в процессе модернизации этих регионов.

Для России парадоксальность ситуации заключалась в дилемме между иностранными, прежде всего, китайскими инвестициями в Сибирь и на Дальний Восток, и опасениями перед ослаблением связи между европейской и дальневосточной частями России.

Частичным подтверждением актуальности этой дилеммы стала принятая в 2009 году «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР», принятой в целях стимулирования развития двустороннего взаимодействия на уровне приграничных регионов. В ней подробно излагались 160 совместных проектов, которые должны были быть реализованы до 2018 года, из них более половины – 94 проекта – должны были быть реализованы в Российской Федерации.

Хотя программа сотрудничества выглядела крайне амбициозной, на уровне практической реализации экономические результаты оказались скромными. Россия не подтверждала намерения соответствующей финансовой и институциональной поддержкой, что было необходимо для полномасштабной реализации намеченных проектов. Общее число реализуемых проектов по состоянию на 2017 год составило лишь 22, а остальные 134 проекта – оказались лишь на уровне договоренностей о начале реализации⁶⁵.

Дилемму, которая стоит перед Российской Федерацией, характеризует и другой проект – строительство приграничного железнодорожного моста Тунцзян – Нижне-Ленинское. Данное сооружение значительно сократило бы стоимость и время транспортировки товаров между городом Хабаровском и провинцией Хэйлунцзян. Соглашение было подписано в 2008 году, однако только в 2013 году были завершены практические компоненты программы строительства. Россия и Китай взяли ответственность за строительство участков моста по своим территориям до общей границы. Китайский участок протяженностью 1755 м был завершен в феврале

2014 года, в то время как 310-метровый российский участок моста не был построен, и соответствующие работы начались в 2017 году⁶⁶.

В то же время, более явно проявились тенденции неравномерности в торгово-экономических отношениях двух стран. В частности, существенно возросла доля импорта в Россию из Китая, и к 2013 году КНР стала ведущим торговым партнером России⁶⁷.

К этому времени доля КНР в российском внешнеторговом обороте достигла уровня 10,2 %, а России в китайском товарообороте выросла только до чуть больше 2 %. За этот период резко сократилась доля экспортируемых Россией машин и оборудования – до уровня менее 2 %, и Россия по большей части перешла к поставкам в Китай сырья, прежде всего, продукты ТЭК, лесоматериалы и пиломатериалы, древесную целлюлозу, а также руды и железные концентраты, удобрения, рыбу и пр. В то же время, в структуре российского импорта из Китая возросла доля машин и оборудования, транспортных средств, продукции химической промышленности КНР, а также бытовая электроника и товары легкой промышленности⁶⁸.

В целом, по сравнению с советским периодом Российская Федерация и КНР «поменялись местами» в торгово-экономическом сотрудничестве, то есть Россия стала поставщиком сырья в Китай, что даже вызвало к жизни термин у части аналитического сообщества и политических аналитиков «сырьевой придаток Китая», а Китай постепенно стал поставщиком готовой продукции, в том числе машиностроения и нефтехимической переработки, которая производилась на основе поставленных в Китай нефтепродуктов российского происхождения.

Начало разбалансировки в развитии торговых отношений не стало препятствием для РФ и КНР в направлении экономического сотрудничества. Ежегодный прирост торгово-экономического оборота в двусторонних отношениях в период с 2000 по 2008 годы составлял примерно 30 %, а общий торговый оборот к 2008 г. составил примерно 68 млрд. долл. США. Несмотря на временное снижение в 2009 году из-за мирового финансово-экономического кризиса, к концу десятилетия он вновь достиг предкризисного уровня⁶⁹.

Можно отметить, что Россия всегда рассматривала Китай как важнейшего торгового партнера. КНР является ведущим потребителем энергоресурсов в мире, поэтому Китай стал важнейшим рынком сбыта топ-

ливо-энергетических ресурсов России. Доля Китая в российской внешней торговле начиная с 2012 года выросла почти в два раза и составила 17,8 %⁷⁰. Доля России в китайской внешней торговле возросла гораздо в меньшем масштабе и составила всего 3 %⁷¹.

В то же время, касательно основных статей российского экспорта в КНР, это топливо, нефть и нефтепродукты, а также древесина, руда, цветные металлы и химическая продукция, Китай поставляет в Россию преимущественно машинно-техническую продукцию, а также текстиль, драгоценные металлы, обувь и химическую продукцию.

Однако если такую асимметрию в торговых отношениях и можно исправить, то лишь постепенно, и этому должна предшествовать реиндустриализация России и воссоздание российской крупной по масштабу и дифференцированной по структуре отраслей перерабатывающей промышленности. В обозримой же перспективе сложившаяся структура торговли будет меняться очень слабо.

Расширяя сотрудничество с Китаем, Москва, помимо естественного стремления к диверсификации рынков сбыта сырья, стремится решить ряд насущных стратегических задач. Во-первых, решить проблему развития инфраструктуры восточных регионов России, и здесь совместное финансирование крупных проектов на уровне сотрудничества «Газпрома» с CNPC, «Русгидро» с PowerChina и Sanxia, строительства заводов СПГ, поставок электроэнергии в Японию и т.п., выглядит перспективным с любой точки зрения⁷².

Во-вторых, привлечение передовых технологий в целях модернизации российской экономики. В результате ухудшения отношений с Западом и последующей санкционной войны Российская Федерация, находясь в определенной зависимости от импорта технологий, подпавших под санкции, была вынуждена заморозить несколько перспективных проектов. Одним из путей замещения западных технологий может выступать сотрудничество со странами Азии.

В-третьих, привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику. Следует признать, что на современном этапе потенциал данного направления сотрудничества РФ и азиатских стран реализуется не в полной мере. Более или менее интенсивная работа по поиску точек соприкосновения с инвесторами из Азии начался после визита российской делегации во главе с президентом РФ В.В. Путиным в КНР в мае 2014 года.

По итогам визита было подписано свыше полусотни двусторонних документов. РФ и КНР остро ощущают растущую потребность осуществления все более тесного сотрудничества в военно-политической и экономической сферах.

Тем не менее, ключевым столпом российско-китайского стратегического сотрудничества является сформировавшаяся объективная потребность экономик обеих держав в тесном взаимодействии, прежде всего, в вопросах энергетических ресурсов.⁷³

Во-первых, национальные интересы РФ и КНР совпадают в газовом вопросе. Стремительно растущая экономика Китая и тот непоправимый вред, который наносится окружающей среде из-за эксплуатации угля, обуславливает необходимость осуществления структурных изменений в китайском энергетическом секторе. В частности, на сегодняшний день в структуре энергопотребления КНР доля угля составляет около 70 %, а доля газа – всего 5,9 %. На современном этапе Китай потребляет 167,6 млрд кубометров газа ежегодно.

По данным китайского агентства Синьхуа, являющегося официальным информационным правительственным агентством, потребление газа в стране в 2020 г. выросло до 420 млрд куб. м. и в ближайшие годы потребность КНР в газе будет расти достаточно быстрыми темпами.

В свою очередь, даже в утвержденной в 2009 году Энергетической стратегии России на период до 2030 года подчеркивается необходимость осуществления диверсификации направлений экспортных поставок энергоресурсов за счет рынков на Востоке. Совпадение интересов РФ и КНР в энергетическом секторе создает мощные предпосылки для углубления сотрудничества⁷⁴.

Во-вторых, Россия и Китай располагая относительно близким географическим положением, сталкиваются со схожими геостратегическими угрозами. В частности, КНР заинтересована в обеспечении безопасности в своем самом западном Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, а для Российской Федерации одним из ключевых приоритетов в сфере безопасности является обеспечение стабильности в Центральной Азии, дестабилизация которой в целом или одной из стран может негативно сказаться на безопасности российских границ.

Сотрудничество РФ и КНР в военной сфере обеспечивается в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В частно-

сти, показательным стало то, что одним из поводов поездки президента РФ В.В. Путина в Шанхай в мае 2014 года были масштабные совместные военно-морские учения двух стран.

В-третьих, после введения Западом санкций относительно продажи высокотехнологичной продукции в Российскую Федерацию, некоторые российские компании, которые активно закупали продукцию производителей стран запада, оказались на грани остановки своей деятельности.

Выход из сложившейся был найден в расширении сотрудничества России с азиатскими странами, прежде всего с КНР, который к этому времени уже достиг серьёзных успехов в технологическом развитии. Это направление сотрудничества в высокотехнологичных сферах смягчило для России последствия введения западных санкций и попытки её изоляции. Соответственно, таким образом частично предотвращается угроза углубления технологического отставания.

В-четвертых, особым фактором и при этом механизмом дальнейшего расширения российско-китайского сотрудничества является альянс стран БРИКС.

Важной составляющей двустороннего сотрудничества РФ и КНР является участие России в инициативе Китая «Пояс и путь», которая была выдвинута в 2013 году, а в ее рамках можно выделить «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь» (МШП).

Инициатива «Пояс и путь» описывается в Китае как грандиозный план взаимодействия и стала самым амбициозным международным инфраструктурным проектом, инициированным КНР⁷⁵. Инициатива нацелена на стимулирование экономического роста в странах-участницах путем укрепления сотрудничества между регионами на обширной территории субрегионов в Азии, Европе и даже Африке.

Выступая с инициативой «Пояс и путь», председатель КНР Си Цзиньпин ставил амбициозные цели для развития торговли и продвижения экономической интеграции в Азии, направленные в целом на содействие глобальной взаимосвязанности народов и стран. Инициатива становилась средством изменения правил игры и трактовался таким образом как самими китайскими властями, так и даже критически настроенными наблюдателями.

Со своей стороны, Пекин заявляет, что инициативу не является попыткой создания новой международной или региональной организации

либо какой-либо интеграционной структуры. Она предусматривает возможность развития взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и другими странами. Россия же стала одним из важных партнеров КНР в реализации проекта «Пояс и путь»⁷⁶.

Именно поэтому РФ, так же как и другие страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), выразили заинтересованность в сопряжении с проектом ЭПШП, и в 2015 году было выпущено совместное заявление стран, входящих в ЕАЭС, о желании совместить проекты ЭПШП и ЕАЭС⁷⁷.

Со своей стороны, Пекин активно продвигает предполагаемую привлекательность своего проекта для РФ в плане реализации транзитного потенциала, а также в плане увеличения прямых инвестиций со стороны КНР в российскую экономику.

Тем не менее, вопрос усиления китайского влияния становится несколько неоднозначным для России. В рамках реализации проекта ЭПШП особо остро проявилась проблема усиления китайского влияния в регионе Центральная Азия, которой для России всегда был сферой ее влияния. Тем не менее, проект Китая, нацеленный на всю Евразию, способствовал усилению влияния этой страны в мире и одновременно усиливал ее влияние в Центральной Азии.

Усиление центральноазиатских позиций КНР затрагивают интересы евразийской интеграции РФ, поскольку проект ЕАЭС и китайская инициатива могут выглядеть в качестве прямых конкурентов на территории Центральной Азии.

Оба этих проекта предусматривают экономическое и политическое структурирование центральноазиатского региона вокруг или России, с одной стороны, или КНР, с другой⁷⁸.

Евразийский экономический союз и Экономический пояс Шелкового пути стали наиболее обсуждаемыми проектами по превращению Центральной Азии как не имеющей выхода к морю в транзитный регион, и многосторонние форматы сотрудничества были предназначены для создания новых региональных рамок взаимодействия. Территориальные границы двух проектов пересекаются и охватывают почти аналогичные сферы экономики и логистики, направленные на улучшение инфраструктуры в регионе.

Российские эксперты в этой связи отмечают, что дальнейшее усиление китайского присутствия в Центральной Азии и реализация КНР инициативы ЭПШП будет способствовать притоку инвестиций в республики

Центральной Азии и дальнейшему развитию транспортно-логистической инфраструктуры центральноазиатского региона. Однако Москву прежде всего беспокоит, что Пекин ориентирован на реструктурирование всего регионального пространства вокруг экономического развития самой КНР, а политика в Центральной Азии приводит к последовательному размыванию российского проекта.

Между тем КНР последовательно реализует свою политику привлечения республик Центральной Азии к реализации собственного интеграционного проекта. В частности, регулярно проводятся Форумы развития сотрудничества «Китай – Центральная Азия». Главной темой обычно становится строительство мостов сотрудничества Шелкового пути в интересах общего содействия мирному развитию и процветанию. В работе форумов принимают участие представители руководства КНР, губернаторы провинций, представители руководства стран Центральной Азии, а также деловых и научных кругов⁷⁹.

Важно отметить, что такие мероприятия стали регулярными и проводятся в разных провинциях КНР, что создает эффективную постоянно действующую платформу для развития сотрудничества на региональном уровне.

Итак, Россия пока не противопоставляет проекту КНР аналогичных проектов, и не противостоит КНР в том числе в рамках реализации проекта ЭПШП. Это стало неизбежным в силу экономического потенциала КНР и тех объективных факторов, которые подталкивают КНР к ее растущей активности. Альтернатив укреплению сотрудничества с Китаем нет и у Центрально-Азиатских государств⁸⁰. Поэтому Россия опирается на стратегию развития сотрудничества с КНР, в том числе в плане сопряжения продвигаемого Москвой проекта ЕАЭС с ЭПШП.

Запад, со своей стороны, проявляет беспокойство по поводу растущего китайско-российского сближения. Однако китайское экспертное сообщество рассматривает фактор сотрудничества России и КНР как положительный в сложившихся условиях международного развития. Этот фактор создает баланс сил в системе международных отношений, и делают мировую политику многокомпонентной. Все это в целом способствует укреплению глобальной стратегической стабильности, формированию справедливого и рационального общества. Россия и Китай выходят на совершенно новый уровень отношений, который обозначен термином все-

объемлющее стратегическое партнерство. Вместе с тем, подобное взаимодействие едва ли будет полностью бесконфликтным. Наиболее проблемные в перспективе зоны взаимоотношений будут связаны с различными аспектами энергетического сотрудничества и усилением конкуренции по поводу расширения влияния на Центральную Азию⁸¹.

В России существует влиятельная школа, которая обосновывает тезис о том, что Китай является наиболее перспективным партнером для перспективного развития российского Дальнего Востока. В соответствии с идеями этой школы, интенсификация экономических и политических отношений с Китаем ведет в будущем к интенсификации взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии, прежде всего с теми из них, в которых особенно велика экономическая роль китайской диаспоры.

В пользу дальнейшего усиления экономического сотрудничества с Китаем говорит размещение промышленной базы в регионе. Так, тяжелая промышленность, многие наукоемкие отрасли и добывающая промышленность России дополняются сельскохозяйственными отраслями, легкой промышленностью и избытком рабочей силы у Китая. Наличие крупного инвестиционного потенциала в южной части Китая и у хуацяо дополняется потребностями российского Дальнего Востока в инвестициях. Картину дополняет сопоставимость научно-технического уровня Северо-Востока Китая и уровня производственной базы российского Дальнего Востока.

Помимо этого, имеются весомые политические и геополитические аргументы в пользу дальнейшего усиления экономического сотрудничества с Китаем. Реальное переплетение экономики южной части Дальнего Востока Российской Федерации с северо-восточной частью Китая может придать дополнительную динамику развитию сотрудничества и политическую мотивацию провозглашенному всеобъемлющему стратегическому партнерству⁸².

Аргументы против углубления сотрудничества тоже достаточно актуальны и весомы: это концепции о несправедливо отобранных в свое время Россией у Китая территорий, которые могут относиться к «исконно китайским», проблема демографического давления КНР на слабонаселенный Дальний Восток России, проблема «морских прав» КНР, которая поляризует и без того крайне непростую проблематику в сфере безопасности в Восточной Азии и объективно суживает возможности реализации экономических проектов во всем регионе, в частности, и на Дальнем Востоке Российской Федерации.

Последние годы можно охарактеризовать как крайне успешные для китайско-российского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Можно отметить, что китайско-российская торговля преодолела порог в 100 миллиардов долларов в 2018 году и продолжила расти в 2019 году и 2021 годах, пережив некоторый спад в 2020 году, вызванный пандемией COVID-19. Ключевой движущей силой здесь является торговля энергоресурсами.

Российско-китайское сотрудничество в Арктике вышло на первый план и стало одним из наиболее актуальных направлений взаимодействия. Интерес КНР к Арктике оформился в 2013 году, когда в рамках инициативы «Пояс и путь» разрабатывался вариант использования Северного морского пути. В целом инициатива КНР была направлена на развитие кратчайших евразийских транспортных магистралей, связывающих АТР и Европу без Северной Америки. Частью проекта КНР «Пояс и путь» стало развитие морских коммуникаций через Северный Ледовитый океан.

Китай официально заявил о своем намерении стать «полярной сверхдержавой» еще в 2014 году. Позднее, в 2017 году КНР заключила соглашение о сотрудничестве в рамках продвигаемого Россией Евразийского экономического союза и проекта КНР «Один пояс, один путь». Это сотрудничество включало в себя и Северный морской путь.

В 2018 году Пекин опубликовал обширный материал по своей внешней политике в Арктике. В нем прозвучало обещание преследовать свои национальные интересы в этом регионе, и в настоящее время Китай планирует формирование собственного флота из современных ледоколов и продвигает проект «Полярного Шелкового пути»⁸³.

Активизация политики КНР в Арктике крайне неоднозначно воспринимается другими арктическими странами и центрами силы. В то же время, Дания, рассчитывая на китайские инвестиции, заявляет, что КНР имеет законные научные и экономические интересы в Арктике. Однако в большинстве стран в той или иной мере настороженность присутствует.

Практическая реализация инициативы КНР наталкивается на отсутствие выхода к Арктике у самой страны, что ограничивает ее потенциал. Канада не настроена предоставлять привилегии Китаю в его попытках получить доступ к Северо-Западному проходу. Россия не собирается выпускать контроль над Северным морским путем.

В рамках опубликованной в 2017 году Пекином Концепции сотрудничества на море, ставшей частью инициативы «Один пояс и один путь», китайской стороной сформированы приоритетные направления развития северных коммуникаций, в том числе «голубого экономического коридора» через Северный Ледовитый океан. Он должен отражать участие КНР в освоении Арктического региона. Этот документ стал первым фактическим и официальным подтверждением намерений Пекина в отношении Арктики⁸⁴.

Сотрудничество с Россией в этой связи для Китая выглядит безальтернативным. Роль России как лидера в освоении арктических пространств представляет для Китая особый интерес.

При этом КНР учитывает роль Арктики в осуществлении контроля над мониторингом космического пространства, учитывает военно-политический потенциал сдерживания в северном геополитическом пространстве. Китай предполагает опираться на российский опыт и ее инфраструктуру.

Еще в 2008 году в России был принят документ под названием «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», в котором впервые определялись основные цели и задачи арктической политики России, ее стратегические приоритеты и механизмы реализации. Арктическая политика стала частью системы мер стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности России⁸⁵.

В России также осознается значение Арктики как стратегической ресурсной базы. Эффективное использование потенциала Арктики предполагает осуществление политики по поддержанию мира и сохранению стабильности в регионе, сохранение экологической системы, Северный морской путь описывается как часть национальной транспортной системы коммуникаций.

С 2010 года в России проводится Международный арктический форум «Арктика – территория диалога», который стал крупнейшей площадкой, направленной на совместное обсуждение актуальных проблем и перспектив развития⁸⁶ и участником которого является и Китай.

В июле 2017 года РФ и КНР совместно заявили о том, что их взаимодействие касается и Северного морского пути («Ледового Шелкового пути»)⁸⁷.

В рамках реализации совместных проекта началось строительство «опорных пунктов» «Ледового шелкового пути», которые Пекин рассмат-

ривает как наиболее перспективные направления стратегического сотрудничества. По мнению А. Федорова, «Ледовый шелковый путь» КНР после совместных работ по модернизации позволит сократить время перевозок с 33 до 20 дней и стоимость транспортных издержек сократится до 50 тыс. долларов в день⁸⁸.

Российские острова Арктического региона также играют большую роль в обеспечении национальной безопасности страны, поскольку на них расположены оборонные объекты, пограничные заставы, гидрографические посты. Военно-морской флот России расширяет свои возможности в Мировом океане.

Наряду с этим, в отличие от наиболее популярных альтернативных морских путей, проходящих вдоль южных берегов Евразии или Панамский канал, Северный морской путь все еще характеризуется суровыми климатическими условиями, поэтому возможность его использования в настоящее время ограничена всего несколькими месяцами ежегодно. Тем не менее, для России он представляет собой главную транспортную артерию в Арктике и Россия заинтересована в сотрудничестве с КНР по данному направлению.

Китай также имеет в виду слабую заселенность северных регионов, которая резко контрастирует с его растущей геополитической ролью. В этой связи Пекин ставит задачу улучшения демографической ситуации, развития арктических портов, их технического оснащения, что позволит продлить их работу и наладить реализацию политики для переселенцев⁸⁹.

Возможности переселения в Арктику могут быть скрыты в планируемых проектах по добыче или переработке природных ресурсов. Для крупнейших совместных проекта КНР и РФ относятся к производству сжиженного газа. Проект «Арктик СПГ-2» нацелен на налаживание производства сжиженного природного газа объемом 19,8 млн тонн в год. В рамках проекта осуществлено строительство трех технологических линий и планируется получать стабильный газовый конденсат общим объемом до 1,6 млн тонн ежегодно. Китай предложил инвестиции и инновационных технологий, которые позволили осуществить добычу и переработку газа в арктических условиях.

Месторождение Утреннее, которое расположено в Ямало-Ненецком автономном округе Российской Федерации, стало главной ресурсной базой «Арктик СПГ-2».

Сам проект был в 2018 году, когда были завершены основные технические работы и вся проектная документация. Вслед за этим начался процесс технико-инженерной подготовки и его непосредственное строительство, в том числе бурение скважин и постройка набережной с возможностью швартовки арктических кораблей.

Стоимость проекта оценивается в общую сумму 21,3 млрд долларов США, исходя из ситуации 2019 года. В стоимость вошли передовые технологические решения и локализация производства, а также поставка российских материалов, существенно удешевившие его общую стоимость⁹⁰

Другим проектом является Ямал СПГ. Этот проект включает в себя работы по добыче, сжижению и поставкам природного газа. Его основной ресурсной базой является Южно-Тамбейское месторождение, где доказанные и предположительные запасы природного газа достигают объема в 926 млрд куб м. Само Южно-Тамбейское месторождение расположено в северо-восточной части полуострова Ямал. Оно было открыто в 1974 году как рассматривается как часть Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. На этой территории должен быть построен завод, который будет производить сжиженный природный газ и должна быть построена транспортная инфраструктура, включающая морской и воздушный порт Сабетта⁹¹.

Китай, между тем, становится все более зависимым от импорта энергоносителей из России, которые уже составляют 11 % его импорта, но это для Пекина означает долгожданную диверсификацию с Ближнего Востока или от американского сжиженного природного газа, что особенно актуально в условиях сохраняющейся и нарастающей торговой напряженности. С 2019 года Российская Федерация стала крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай.

При этом надежды России на крупные инвестиции из Китая пока не оправдываются, что усиливает позиции тех, кто скептически смотрит на поворот на восток в силу политических и идеологических причин и априори не доверяет Китаю. Тем не менее, намного более серьезным препятствием на пути к развитию долгосрочных отношений кажется именно отсутствие фактора стратегической глубины.

Еще одной возможной проблемой становится асимметрия в торгово-экономическом сотрудничестве РФ и КНР. Вместе с тем, как отмечает российский эксперт А. Паневин, можно выделить два ключевых аспекта, которые опровергают этот тезис⁹².

Во-первых, в международных делах не наблюдается признаков какого-либо подчинения России Китаю, более того, действия Российской Федерации по защите своих интересов полностью самостоятельны.

Обе державы обладают ДНК великих держав, наследницы значительных ролей на международной арене, большим опытом ведения дел в международной политике.

Во-вторых, хотя КНР обладает уже более совершенной технологической базой по ряду направлений и несмотря на технические достижения в таких областях, как 5G или искусственный интеллект, это касается прежде всего гражданской сферы, но в военном отношении Россия по-прежнему далеко впереди Китая⁹³.

Как отмечает исследователь Я. Лексутина, за последнее время в российско-китайских отношениях произошло сразу несколько важных изменений:

- существенное и разностороннее углубление военного сотрудничества;
- позитивная динамика развития торгово-экономических отношений;
- приоритетное развитие энергетического сотрудничества, что указывает на отход России от односторонней ориентации на Запад как основной рынок сбыта своих энергоресурсов;
- развитие масштабных инфраструктурных проектов, от трансграничных мостов до сотрудничества в российской Арктике⁹⁴.

Сфера, в которой новая эра российско-китайских отношений наиболее очевидна, – это военное и оборонное сотрудничество. С 2005 года, когда Китай и Россия впервые совместно участвовали в многосторонних учениях, две страны значительно углубили сотрудничество в проведении совместных военных учений. Сейчас Россия и Китай регулярно проводят многосторонние антитеррористические учения под эгидой ШОС (так называемые учения «Мирная миссия»), двусторонние военно-морские учения «Военно-морское взаимодействие» (с 2012 года), совместное компьютерное моделирование противоракетной обороны.

Военное сотрудничество с Китаем Россия выстраивает на долгосрочной основе. Она уже зашла так далеко, что китайская сторона была приглашена принять участие в учениях внутри самой России.

В сентябре 2018 года подразделения НОАК стали частью внутрироссийских стратегических маневров в Восточной Сибири и Дальнем Востоке, получившие название «Восток-2018». Они стали крупнейшими после советских учений «Запад», которые произошли в 1981 году.

В 2019 году подобные учения состоялись в центральной части Российской Федерации и получили название «Центр – 2019».

3 октября 2019 года в ходе заключительного пленарного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи президент России В.В. Путин отметил, что Россия продолжает оказывать содействие КНР в создании системы раннего предупреждения о ракетном нападении, что указывает на качественно новый уровень военного сотрудничества⁹⁵.

В 2020 году, на фоне некоторого спада в мировой экономике из-за ограничений пандемии COVID-19, торговое сотрудничество двух стран несколько снизилось. Но даже на этом фоне, по данным китайской стороны торговый оборот без учета услуг составил 107,8 млрд долларов США, а снижение по сравнению с 2019 годом составило 2,9 %. Россия сохранила положительную динамику в отношениях: ее экспорт составил 57,2 млрд долларов США, снизившись на 6,6 %, а импорт из КНР составил 50,6 млрд долларов США, уменьшившись на 1,7 %⁹⁶.

В 2021 году, согласно данным КНР, общий объем торговли между Китаем и Россией вырос на 35,9 % и составил рекордные 147,9 млрд долларов США, а основной рост произошел посредством переориентации основных торговых потоков России с Запада на Восток.

Китай уже стал крупнейшим экспортным направлением России, и обе державы заинтересованы в дальнейшем росте, который может достичь 250 млрд долларов США⁹⁷.

В целом, для двустороннего сотрудничества показательным является стабильный рост объемов двусторонней торговли. Этот показатель подчеркивает прогресс и партнерство, которые характеризуют сотрудничество двух стран.

Торговое сотрудничество расширяется во всех секторах, но за последние два десятилетия все большее место стали занимать природные ресурсы. Одновременно, по некоторым оценкам, Россия занимает место крупнейшего поставщика вооружений в Китай, обеспечивая 70 % китайского импорта вооружений в период с 2014 по 2018 год⁹⁸. Эти примеры показывают комплексность сотрудничества, являются политически привлекательными факторами, поскольку демонстрируют взаимодействие технологически развитых держав, нацеленное на более глубокое сотрудничество по стратегическим вопросам.

Торговая война между США и Китаем выявила стремление России заменить аграрный экспорт США в Китай, но также определила некоторые препятствия, с которыми приходится сталкиваться. Такие проблемы, как рост стоимости земли, проблемы инфраструктуры, стоимость продукции препятствуют увеличению производства. Эти ограничения не могут быть устранены разовыми решениями, но чем хуже становятся торговые отношения между США и Китаем, тем больше стимулов для их устранения у России.

Оборонительные интересы России ограничивают самые амбициозные предложения по более глубокой интеграции. Россия является движущей силой ЕАЭС и заключила относительно скромные торговые соглашения с внешними партнерами для защиты своих критически важных и уязвимых отраслей. Торговое соглашение между ЕАЭС и Китаем не снижает тарифы, и создание зоны свободной торговли, охватывающей членов Шанхайской организации сотрудничества, также далеко от реализации, где противником такого решения выступает Индия. Россия, вероятно, также не будет стремиться к более глубоким и всесторонним соглашениям о свободной торговле.

Россия и Китай заинтересованы в улучшении инфраструктуры на Евразийском континенте. Несмотря на общую границу протяженностью 2600 миль, Китай и Россия имеют лишь несколько железнодорожных переходов и в общей сложности около 25 пунктов пропуска. Три из шести предложенных коридоров проекта «Пояс и путь» проходят через ЕАЭС, и, учитывая амбиции Китая и потребность России в лучшей инфраструктуре, сопряжение «Пояса и пути» с ЕАЭС должно стать естественным дополнением к новым инвестициям стратегического значения.

Продолжение санкционной политики Запада предопределяет безальтернативность инвестиционных возможностей Китая для России. По оценкам, проект «Ямал СПГ» в российской Арктике был бы трудноосуществим или просто неосуществим без поддержки Китая, который предоставил финансирование через фонд «Шелковый путь», банковские кредиты и инвестиции посредством собственных государственных предприятий. Китай также использовал фонд «Шелковый путь» и еще одно государственное предприятие для инвестирования в «Сибур», крупнейшую нефтехимическую компанию России⁹⁹.

Устойчивой тенденцией российско-китайского торгово-экономического сотрудничества остается ограниченность некоторых форм инве-

стиционного сотрудничества, касающаяся, в первую очередь, Сибири и Дальнего Востока. В частности, было завершено лишь несколько трансграничных проектов, прежде всего, газопровод «Сила Сибири». Трубопроводы стратегически важны для обеих держав, но они не могут заменить транспортной инфраструктуры. Возможно, в интересах Российской Федерации будет сохранять ограничения.

Как Россия, так и Китай стремятся уменьшить свою зависимость от западных финансовых систем. Китай и Россия начали использовать свои собственные валюты для двусторонней торговли в 2010 году и открыли свою первую линию валютных свопов в 2014 году. При этом китайский юань используется шире, чем российский рубль, но по-прежнему используется менее чем в 2 % платежей по всему миру¹⁰⁰.

Москва и Пекин также обсуждали возможность объединения своих национальных платежных систем, однако основным препятствием являются ограничения, формирующие дисбаланс между двумя державами. Например, карты UnionPay, выпущенные в Китае, можно свободно использовать по всему миру, в то время как российская карта «Мир» даже до украинского кризиса 2022 года имела ограничения во многих странах.

Расширение в области цифровых платежей также является тенденцией торгово-экономического сотрудничества, но правовые вопросы и некоторые другие ограничения требуют интенсификации сотрудничества в области цифровой валюты. Так, лишь относительно недавно совместное предприятие технологической компании Яндекс и крупнейшего российского банка Сбербанк «Яндекс.Касса» стала первым российским интернет-магазином, который принял «WeChat Pay». Также, «AliPay» совместно с Mail.ru активно работают над созданием совместного предприятия, чтобы осуществить проект в области цифровых платежей в Российской Федерации¹⁰¹.

Следствием украинского кризиса 2022 года и введением беспрецедентно жестких санкций Запада, включавшим отключение российских банков от системы SWIFT, должна стать интенсификация усилий по созданию альтернатив, которые ранее были заметными, но в целом находились в зачаточном состоянии.

Разработанная КНР международная межбанковская платежная системе CIPS оказалась способна привлечь достаточно широкое международное участие. Уже в 2020 году в CIPS входят участники из 95 стран¹⁰².

Российская система передачи финансовых сообщений (СПФС) к 2020 году принята только членами ЕАЭС. При этом Россия занимает второе место после Японии по количеству банков, использующих китайскую платежную систему CIPS. Западные санкции должны послужить основной движущей силой резкого ускорения разработок и совершенствования альтернатив, которые, очевидно, будут заслуживать все большего внимания¹⁰³.

Китай и Россия углубляют свое сотрудничество в области телекоммуникаций и интернет-связи, выделяя приоритетными направлениями суверенизацию пространства и контроль над потоками данных. Это сотрудничество активно проявляется в области цифровой инфраструктуры. В частности, Россия объявила об использовании оборудования компании Huawei в своих испытаниях 5G на фоне обвинений Запада в осуществлении незаконной деятельности, что послужило хорошим примером развития взаимодействия РФ и КНР в данной сфере. Тот факт, что о решении было объявлено в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в 2019 году, подчеркивает ее символическое значение и политические аспекты взаимодействия¹⁰⁴.

Для Китая и России, как двух великих держав, которые стремятся к реализации функций независимых от Запада центров силы, важное значение имеет сотрудничество в разработке альтернативных глобальных навигационных спутниковых систем как коммерческого, так и военного использования. В этом контексте имеет принципиальное значение, что российская система ГЛОНАСС эксплуатационной мощностью в 24 спутника и китайская спутниковая сеть BeiDou с более чем 400 миллионами пользователей в 120 странах имеют сильный потенциал взаимодействия.

В 2015 году Россия и Китай создали специальный комитет, предназначенный для координации сотрудничества в данной сфере, а в 2018 году подписали соглашение, направленное на улучшение совместимости и функции двух систем. Были заключены соглашения о размещении базовых станций и успешно проведены испытания оборудования на транспортных маршрутах проекта «Пояс и путь». Помимо прочего, данные системы и спутниковая связь дополняют существующие наземные и подводные кабели для передачи подавляющего большинства данных по всему миру.

В то же время, сотрудничество в данной области имеет естественные ограничения и нереализованный потенциал развития. В частности, государственный контроль, выполняемый в рамках попыток укрепления госу-

дарственного суверенитета в области обеспечения информационной безопасности, является важным естественным ограничителем потоков данных между двумя странами.

При этом семь из восьми международных наземных кабелей дальней связи КНР проходят через территорию России, что создает объективные предпосылки для развития Российской Федерации как крупного коммуникационного узла между ЕС и КНР. Это указывает на нереализованный потенциал сотрудничества. Однако для его реализации необходим прорыв в сфере взглядов на информационную безопасность. Пока же политика суверенизации в Интернете ограничивает трансграничную деятельность в данной области. И РФ, и КНР требуют хранения личных данных внутри своих стран, а также установки приложений на отечественном оборудовании. К тому же, в современных условиях нарастания международной напряженности правительство России проводит политику централизации своих сетей, которые ранее носили относительно децентрализованный характер.

Важнейшей стратегической перспективой и формирующейся тенденцией является долгосрочное стремление обеих держав к большей экономической интеграции, открывая перспективы Большого евразийского партнерства, частью которого является сопряженность ЕАЭС и проекта «Пояс и путь».

Преодоление структурных барьеров является важным шагом на пути к более глубокой интеграции. Это стало бы долгосрочной тенденцией, указывающей на реальность формирования качественно новых связей между Россией и Китаем на фоне продолжающегося кризиса в отношениях с Западом.

Таким образом, российско-китайское экономическое сотрудничество является одной из важнейших основ развития двусторонних отношений. Во многом оно отражает сложившиеся направления всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества.

Торгово-экономические отношения вышли на поступательную траекторию развития сразу же после распада Советского Союза. В 1990-е годы наблюдался устойчивый рост торгово-экономического сотрудничества, создавший основы для выхода в XXI веке на качественно новый уровень.

После введения Западом санкций против России экономическое сближение двух великих держав резко ускорилось. Оно стало проявляться не только на двусторонней основе, но и плане сотрудничества в рамках

сопряжения проектов «Пояс и путь» и ЕАЭС, а также в виде инвестиций КНР в российскую Арктику.

Устойчивой тенденцией является сохранение роста товарооборота двух стран с положительным сальдо в пользу России, которое формируется в основном за счет экспорта энергоресурсов и другого сырья. Важным направлением остается военно-техническое сотрудничество.

2.3. Особенности развития культурно-гуманитарного сотрудничества

Россия и Китай активно развивают сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере. Обе державы обладают достаточно развитыми инструментами так называемой «мягкой силы».

В XXI веке Китай стал намного более уверенным и амбициозным, он эффективно использует собственную привлекательность для формирования позитивного имиджа в регионах и во всем мире. В этом отношении Китай достиг явных успехов, так что ряд западных исследователей описывают растущее присутствие в мире и влияние его мягкой силы как «наступление очарования»¹⁰⁵.

Китай все больше расширяет возможности своей мягкой силы, он использует культурные и бизнес-инструменты для продвижения своей стратегии. Стратегия мягкой силы Китая оказывается вполне успешной, так как он в результате получает свою долю влияния и степень участия в экономике.

Так, Институт Конфуция стал наиболее активно задействованным инструментом мягкой силы КНР в мире. Начиная с 2004 года Пекин создал филиалы института Конфуция во всем мире, преследуя цель содействовать изучению китайского языка и китайской культуры.

Инвестиции КНР в институты Конфуция могут означать государственное использование финансовой поддержки в целях покупки тех или иных услуг других государств, что подрывает веру в сами основы использования мягкой силы.

Помимо институтов Конфуция, публичная культурная дипломатия Китая располагает глобальными стратегическими инструментами в лице СМИ и кинематографии¹⁰⁶.

В рамках продвижения своей мягкой силы еще в мае 2016 года Си Цзиньпин говорил о том, что пришло время прекратить «выговоры» Китаю со стороны других членов международного сообщества.

По словам Си Цзиньпина, должна быть разработана принципиально новая система, направленная на облегчение взаимопонимания между КНР и остальным миром, чтобы, в конечном итоге, содействовать продвижению мягкой силы Китая¹⁰⁷.

Россия, как и Китай также обладает набором инструментов для продвижения мягкой силы. Российская Федерация располагает одним из крупнейших дипломатических корпусов, реализующих политику публичной дипломатии.

Российская публичная дипломатия направлена на формирование представлений у зарубежной общественности о стране как великой державе с великой историей, занимающей достойное место в современном мире.

Большое значение для позиционирования России имеет роль сильного лидера страны, который успешно справляется с проблемами и осуществляет великодержавную внешнюю политику, возвращая России ее место среди великих держав современности.

Россия также опирается на развитую сеть средств массовой информации, где ведущую роль играют «Россия сегодня» и «Спутник». Российские СМИ широко используют современные технологические средства, в том числе социальные сети, чтобы формировать общественное мнение.

Как и у Китая, важной опорой мягкой силы России является ее богатая история и культура. В отличие от Китая, культурно-исторические ценности России продвигают основу принадлежности к общему «русскому миру», чаще всего ориентируются на русскоговорящие меньшинства. В этом процессе главными структурами продвижения мягкой силы являются Россотрудничество и «Русский мир»¹⁰⁸.

Отмечая схожесть позиций РФ и КНР, в совместной статье послов РФ и КНР в США, опубликованной в 2020 году, говорилось, что «В исторический момент празднования 75-летия Победы в антифашистской войне, эта статья является продолжением славной традиции России и Китая отмечать совместный триумф и достижение важного консенсуса между российским и китайским лидерами. История – это зеркало будущего. Почитая историю, мы стремимся создать лучшее будущее»¹⁰⁹.

Располагая внушительными инструментами мягкой силы, Россия и Китай, основываясь на общности интересов, активно развивают культурно-гуманитарное сотрудничество.

Российские исследователи рассматривают культурно-гуманитарное сотрудничество «как важная составляющая процесса формирования прочных отношений российско-китайского стратегического партнёрства. Культурные связи в этом контексте выступают важным средством углубления взаимопонимания и дружбы между народами двух стран, демонстрируют готовность к содействию гуманитарным обменам и сотрудничеству на основе принципов равенства и взаимной выгоды»¹¹⁰.

В частности, посредством Россотрудничества успешно проводятся «перекрестные годы» России в Китае и Китая в России, активно изучаются русский и китайские языки, происходят молодежные обмены, в Пекине функционирует специальная Комиссия по гуманитарному сотрудничеству. Ежегодно проводится «большое количество мероприятий, совместных проектов, таких, как например, совместная российско-китайская экспедиция «Вахта памяти» – проект по поиску и перезахоронению останков советских воинов, отдавших свои жизни за освобождение северо-востока Китая, книжные и фотовыставки, посвященные празднованию Великой победы, проекты российских и китайских телеканалов и книжных издательств по популяризации произведений великих русских и китайских писателей, изданию их на китайском и русском языках»¹¹¹.

Сюда же можно отнести такие значимые направления в данной сфере, как «реализация проектов по проведению «Национальных годов» (2006–2007), «Годов языков» (2009–2010), «Национальных годов туризма» (2012–2013), «Годов дружественных молодежных обменов» (2014–2015), «Годов обменов китайских и российских СМИ» (2016–2017) и «Годов регионов» (2018–2019)»¹¹².

Помимо этого, «в Пекине 13 октября 2009 г. было подписано «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о взаимном учреждении культурных центров». Перед этими центрами поставлена задача проведения культурных мероприятий, в том числе выставок, симпозиумов и конференций. В соответствии с данным соглашением 27 сентября 2010 г. в Пекине был открыт Российский культурный центр (РКЦ), а в декабре 2012 г. – Китайский культурный центр (ККЦ) в Москве. Центры активно взаимодействуют с государственными и общественными организациями, научными учреждениями и вузами, творческими и молодежными объединениями Китая и России, а также с ведущими китайскими и российскими СМИ»¹¹³.

В условиях нарастания международной напряженности и перехода к открытой конфронтации с Западом гуманитарное сотрудничество России и Китая продолжает активное развитие.

После временного «замораживания» контактов, вызванного пандемией COVID-19, в 2021 году сотрудничество стало восстанавливаться. 2021 год был отмечен целой серией мероприятий в культурно-гуманитарной сфере. В частности, были проведены такие мероприятия как:

- празднование 30-летия установления дипломатических отношений между Россией и Китаем;

- мероприятие по случаю 20-летия Договора о добрососедстве дружбе и сотрудничестве двух стран;

- празднование 20-летия создания Шанхайской организации сотрудничества;

- мероприятие по случаю завершения перекрестных годов научно-технического и инновационного сотрудничества¹¹⁴.

В 2021 году многие из ограничений, связанных с пандемией COVID-19, оставались в силе, однако все же ситуация заметно отличалась от положения в 2020 году, когда все контакты были почти полностью остановлены, за исключением дистанционных, по видеосвязи.

Со второй половины 2021 года наблюдается постепенная отмена карантинных ограничений на границах двух стран. Однако в то время как в 2020 году и в первой половине 2021 года Россия и Китай практически одновременно закрыли общую границу, то во второй половине 2021 года имелась некоторая асимметричность подходов к данному вопросу, что негативно сказывалось не только на торгово-экономическом сотрудничестве, но и на индустрии туризма. Китай фактически сохранял свои границы закрытыми, оставляя только возможность индивидуального подхода к порядку рассмотрению визовых заявлений посредством выдачи специальных разрешений.

Незначительное количество авиарейсов вызвало рост цен на авиабилеты, помимо особенностей «вакциной дипломатии» и необходимости соблюдения карантина за счет прибывающей стороны.

На этом фоне Россия вела более либеральную политику, в частности, предоставив возможность студентам из Китая вернуться к учебе в российских высших учебных заведениях.

В 2021 году одним из главных событий стало празднование двадцатилетия российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудниче-

стве. Сам договор был продлен на пять лет, а фоном к этим событиям стало значительное количество мероприятий в культурно-гуманитарной сфере, в том числе проводились научно-практические конференции с участием ведущих экспертных организаций двух государств. Среди них можно отметить прошедшую 1–2 июня 2021 года «Шестую международную конференцию «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», организованную Российским советом по международным делам и Китайской академией общественных наук. 10 июня 2021 года Общество российско-китайской дружбы (ОРКД) и Институт Дальнего Востока РАН провели семинар для руководителей региональных отделений ОРКД, также посвященный 20-летию Большого договора»¹¹⁵.

Широко развитая сфера сотрудничества в области образования из-за пандемии COVID-19 оказалась приостановленной, и стала возобновляться только со второй половины 2021 года благодаря одностороннему решению России об открытии границы и предоставлении возможностей продолжить обучение для китайских студентов.

Российско-китайская подкомиссия по сотрудничеству в области образования (далее подкомиссия) действует с 2001 г., на ее заседаниях рассматриваются актуальные вопросы двустороннего взаимодействия и принимаются принципиальные решения, касающиеся развития сотрудничества в сфере образования.

Можно отметить, что период, предшествовавший пандемии, число китайских студентов, проходивших обучение в России, достигло 30 тысяч человек, в то время как численность российских студентов, обучавшихся в Китае, варьировалось в пределах 18 тысяч человек¹¹⁶.

Развитию сотрудничества в данном направлении способствует «Рабочая группа по вопросам взаимодействия в изучении и преподавании русского и китайского языков, развития двусторонних академических обменов и научного сотрудничества вузов», созданная еще в 2001 году. В ее функции входит осуществление мониторинга академических обменов и развития прямых партнерских связей между вузами двух государств, корректируется сотрудничество и формируется образовательная политика на дальнейшую перспективу. В период накануне пандемии объем образовательных обменов планировалось увеличить до 100 тысяч человек¹¹⁷.

Только в совместном российско-китайском университете МГУ – ППИ в городе Шэньчжэне на семи факультетах обучаются более 1,3 тыс. студентов и аспирантов¹¹⁸.

В 2021 году университет МГУ – ППИ получил возможность реализовать собственную инициативу «организовать на своей базе переподготовку российских учителей, преподающих китайский язык в средней школе», и уже «весной 2021 года Российско-Китайский Комитет дружбы, мира и развития провел первый конкурс среди преподавателей китайского языка «Язык дружбы», а победители и призеры получили право пройти стажировку в МГУ – ППИ в Шэньчжэне»¹¹⁹.

В 2021 году министр образования КНР Хуай Цзиньпэн отметил, что «в России 40 тыс. человек изучают китайский язык в 368 учебных заведениях всех ступеней (начальные и средние школы, вузы), а в Китае 90 тыс. человек изучают русский язык в 868 учебных заведениях; Институты Конфуция и Центры русского языка занимаются продвижением языкового сотрудничества»¹²⁰.

Возобновилось сотрудничество в сфере культуры. Посредством спутниковой связи впервые были организованы совместные концерты Больших театров РФ и КНР, посвященные двадцатилетию Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой и его пролонгации. В двух странах прошли фестивали национальных культур РФ и КНР, состоялась Российско-китайская ярмарка культуры и искусства. 55 российских и 35 китайских вузов приняли участие в Российско-китайском студенческом фестивале искусств «Симфония Молодости». В ходе мероприятия, продолжавшегося месяц, зрителям были представлены 105 российских номеров и 64 работы из Китая.

Китайской Народной Республикой посредством Институтов Конфуция был организован фестиваль китайского кино «Китай, XX век. История глазами китайского кино». Это мероприятие прошло последовательно в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске.

Помимо Институтов Конфуция, в организации и проведении фестиваля оказали содействие Центр международных языковых обменов и сотрудничества при Министерстве образования КНР, а также посольство КНР в России, генеральные консульства КНР в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. С российской стороны проведению мероприятия способствовали Министерство культуры РФ и администрация Новосибирской области.

Большую активность в 2021 году проявил Российско-Китайский Комитет дружбы, мира и развития, который «провел череду мероприятий, за-

трагивавших различные аспекты российско-китайского гуманитарного сотрудничества, в том числе впервые были проведены два конкурса – Первый в России конкурс для преподавателей китайского языка «Язык дружбы» и Первый российско-китайский конкурс вокалистов «Созвучие»¹²¹.

Развивалось российско-китайское сотрудничество в сфере СМИ. Показателями сотрудничества являются награждения в 2021 году со стороны КНР российского репортера Медиакорпорации Китая К. Щепина «Премией дружбы», а с российской стороны заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Шэнь Хайсюн и председателя китайской части Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития Ся Баолуна Орденом дружбы.

21 октября 2021 года КНР была организована российско-китайская видеоконференция на тему «Добрососедство и общее будущее», посвященная СМИ. «В дискуссии в режиме видеосвязи по пяти группам связанных тем приняли участие представители российских и китайских СМИ, таких как Китайская медиагруппа (China Media Group), корпорация «Хэйлунцзян Жибао», Хэйлунцзянское телерадиовещание, сайт «Дунбэйван», журнал «Партнеры», Российская газета, ТАСС, Общественное телевидение Приморья (ОТВ-Прим), НИА-Красноярск, сайт «Полуостров Камчатка» и др. В ходе видеоконференции присутствующие провели углубленный диалог для обсуждения будущего по линии сотрудничества СМИ России и Китая, выразили готовность продолжать укреплять его, чтобы способствовать социально-экономическому развитию двух стран»¹²².

Помимо этого, в 2021 году в формате видеоконференции прошел V Российско-китайский форум новых медиа, по итогам которого был принят документ под названием «Консенсус российских и китайских новых медиа 2021».

В документе отмечалась важность совместной борьбы против дезинформации, искажения событий в интернет-пространстве, подчеркивалась необходимость выстраивать отношения на принципах равенства, взаимного уважения, развивать взаимодействие в области инновационного развития, безопасности, содействовать политике открытости и порядка.

Китайский русскоязычный телеканал «CGTN-Русский» стал вещать на всю территорию КНР. Это произошло благодаря решению правительства КНР о включении этого телеканала, входящего в Медиакорпорацию Китая, в базовый пакет общенационального телевидения.

В 2021 году посольство России в Китае открыло свою страничку в китайской версии TikTok (Douyin), что имеет большое значение в силу проводимой КНР политике суверенизации интернета и обеспечения информационной безопасности, и подключение российского канала к одной из наиболее популярных социальных сетей КНР уже получило положительный отклик от китайских пользователей.

В 2021 году предпринимались попытки возобновить сотрудничество в туристической сфере. Пандемия COVID-19 привела в 2020 году к полной остановке туристической деятельности из-за закрытия границ.

Это стало серьезным испытанием для туристической области. Так, еще в 2019 году Россию посетило более двух миллионов китайских туристов по сравнению со 158 000 в 2009 году, которые потратили более 1 миллиарда долларов США. Это произошло благодаря государственной политике обеих стран, включая смягчение визовых требований и поощрение туризма. Расширение этих связей приносит прямые выгоды обеим сторонам. По оценкам российской туристической ассоциации, китайские туристы составляют почти 30 % российского туризма. В отличие от этого, Китай имеет гораздо более крупный рынок туризма, и Россия не входит в число его основных источников иностранных посетителей, тем не менее, это составляет важную часть туристической отрасли¹²³.

В 2021 году российская сторона предприняла шаги по одностороннему открытию границ, но КНР по-прежнему придерживается жесткой линии, поэтому возобновление туристической деятельности все еще находится в перспективных планах.

Тем не менее, Россия приняла новую программу «Развитие туризма», ориентированную на срок до 2030 года, предпринимаются меры по развитию туризма в рамках нового национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Эти меры должны позволить улучшить инфраструктуру для улучшения туристической деятельности, создать более благоприятные основы для туризма при его возобновлении.

Помимо этого, российская сторона выражает заинтересованность в изучении опыта КНР по развитию туризма, как международного, так и внутреннего.

В октябре 2021 года РФ и КНР организовали VIII Российско-китайский туристический форум «Уроки пандемии для туризма: мир новых возможностей». Непосредственными организаторами выступили с

российской стороны Ассоциация «Мир без границ», с китайской – Китайская ассоциация туристического сервиса (CATS).

Активно развивается сотрудничество в области молодежной политики, что имеет большое значение в свете нарастания рисков роста угроз, среди которых важное место занимает негативное в патриотическом плане воздействие на молодежь, а также рост агрессивности, нетерпимости и национализма в молодежной среде¹²⁴.

Особую роль играет расширение информационного пространства, вызванное как технологическими инновациями, так и процессами глобализации, которое включает в себе необходимость постоянного совершенствования работы по воспитанию молодежи, прежде всего, в вопросах сохранения исторической памяти, отталкиваясь от традиционных источников приобретения социального опыта и политической социализации и сужая неизбежную неопределенность в условиях постоянно растущих информационных потоков, размывающих рамки мировоззренческого понимания.

Это приобретает особое значение, поскольку молодежь России более тесно изначально связано с культурой и традициями Запада, в первую очередь, когда речь идет о массовой культуре и связанными с этими явлениями. Сближение с Китаем показывает альтернативы, что приобретает актуальность в настоящее время, когда в российских условиях обретают новое звучание идеи антизапада и великодержавия, представления об особом месте и роли России, законодательно закрепленное утверждение единой великой истории, призванные утверждать высокий патриотический уровень политического сознания молодежи.

В этой связи можно отметить проведенное в 2021 году мероприятие, направленное на рост межкультурного взаимодействия молодежи. Оно прошло в Сочи при поддержке посольства КНР в РФ, Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), а также Общества российско-китайской дружбы и Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития. Двусторонний тематический фестиваль был посвящен 100-летию начала российско-китайских студенческих обменов и привлек российских китаистов и китайских студентов, обучающихся в России.

Помимо этого, в 2021 году Всероссийский детский центр «Орлёнок» и Центр международных языковых обменов и сотрудничества при Министерстве образования Китая подписали Договор о сотрудничестве, кото-

рый предусматривал развитие взаимодействия в области организации детского отдыха¹²⁵.

Кроме того, в 2021 году состоялся Фестиваль детского творчества России и Китая «Дипломатия дружбы», организованный Международным центром образования «Интердом» имени Е.Д. Стасовой, чтобы помочь детям и молодежи в творческой форме рассказать сверстникам о своём видении российско-китайских отношений в 2049 г., когда страны будет отмечаться 100 лет со дня установления дипломатических отношений между СССР и КНР», а также «был дан старт совместному российско-китайскому детскому творческому проекту «Мой мир»» при поддержке Министерства культуры Новосибирской области и Генерального консульства КНР в Екатеринбурге¹²⁶.

Активно развивается сотрудничество в области спорта. Россия и Китай поддерживают международные инициативы друг друга, такие как проведение Олимпиады или крупных международных соревнований, борьбу против политизации спорта или улучшения в области борьбы с допингом.

Лидеры КНР и РФ по личным приглашениям присутствовали на открытиях Олимпийских игр в 2008 году в Пекине, 2014 году в Сочи и 2022 году снова в Пекине.

В 2021 году была выдвинута идея проведения Годов российско-китайского сотрудничества в области физкультуры и спорта в 2022-2023 годах, что позволит существенно укрепить сотрудничество, увеличить обмены между спортсменами.

Российская Федерация предоставила сборной КНР по хоккею возможность провести подготовку к зимним Олимпийским играм в Пекине на своей территории, и по просьбе КНР отправила делегацию для содействия подготовки китайских лыжников¹²⁷.

Также, следует отметить такую сферу сотрудничества, как кинопроизводство. Как отмечает российский исследователь Р. Положевич, «активно расширяется сотрудничество между кинофондами двух стран, учащаются обмены киноматериалами, стимулируются академические обмены между кинематографическими вузами России и Китая. По итогам шестнадцатого заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству стороны договорились о ежегодном взаимном коммерческом прокате как минимум пяти национальных фильмов, а на семнадцатом заседании – вновь заявили о намерении разработать и подписать меж-

правительственное Соглашение о совместном кинопроизводстве. Содействовать этому будет ряд кинокомпаний, в числе которых – заключившие соглашения «Централ Партнершип» и "China Film Group"»¹²⁸.

Важным фактором является мнение россиян и жителей Китая друг о друге и о мнение американцев о России и Китае. Так, опрос, проведенный в марте 2022 года, охвативший более 3000 респондентов из материкового Китая показывает, что общественное мнение о России улучшилось за последние три года, при этом Россия теперь является страной, которую китайская общественность выражает благоприятное мнение больше всего, за ней следует Пакистан¹²⁹.

Результаты опроса, который был проведен аналитическим центром Центрально-Европейского института азиатских исследований (Central European Institute of Asian Studies, EU) показывают, что китайская общественность в значительной степени поддерживает действия Москвы, в то время как общественное мнение о США значительно ухудшилось в последнее время. Из 25 стран, о которых спрашивали респондентов Китая, Россия была воспринята наиболее позитивно, а США наиболее негативно. Почти 80 % положительно относились к России, тогда как менее трети относились к США аналогичным образом. Среди причин доверия китайских респондентов было доверие руководству России, чувство «братской любви» между Россией и Китаем и мнение, что «враг врага – наш друг»¹³⁰.

Почти 60 % участников опроса заявили, что, по их мнению, американцы негативно относятся к Китаю. Для сравнения, только около 10 % считают, что граждане России относятся к Китаю негативно, что указывает на взаимосвязь между восприятием страны и тем, как в этой стране, по мнению респондентов, воспринимают Китай¹³¹.

На вопрос, в какой степени Китаю следует проводить жесткую или дружественную политику, почти 60 % респондентов выбрали жесткую политику в отношении США. Подавляющее большинство респондентов заявили, что «защита суверенитета и безопасности Китая» должна быть приоритетом внешней политики Пекина.

Одним из ярких признаков недоверия стали вакцины против COVID-19. Около 55 % китайских респондентов не хотели бы получать вакцины, произведенные в США, и чуть менее половины не хотели бы проходить иммунизацию европейскими вакцинами. Однако большинство согласилось бы на вакцину российского производства¹³².

Аналогичный опрос, проведенный в 2021 году в России, выявил в целом благожелательное отношение россиян к Китаю. Жители Китая характеризовались как «трудолюбивые», «добросовестные» и «миролюбивые». Россияне также одобрительно относятся к внешней политике КНР, отмечая, что она соответствует складывающейся ситуации и защищает интересы страны. Положительно оценивается динамика российско-китайского сотрудничества. Респонденты характеризуют их как все более тесные и добрососедские. «Свыше 91 % респондентов из России и более 98 % респондентов из КНР выразили уверенность и наличие ожиданий по поводу дальнейшего углубления отношений России и Китая. При этом 72,6 % опрошенных россиян и 87 % опрошенных китайцев сошлись во мнении о том, что КНР и РФ должны и дальше усиливать всестороннее стратегическое сотрудничество»¹³³.

Продление Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией одобрили 89 % опрошенных из России, отмечая, что «Россия и Китай способны совместно продвигать международную многополярность и демократизацию международных отношений. Так 83,3 % опрошенных россиян отметили, что "Китайско-российское взаимодействие способно совместно содействовать миру и процветанию во всем мире", среди опрошенных граждан Китая такой ответ выбрали 95,9 % человек»¹³⁴.

90 % российских респондентов и 95 % респондентов из КНР считают, что двум державам следует всесторонне наращивать сотрудничество для совместной защиты своих интересов против вмешательства Запада. Респонденты двух стран выразили уверенность, что развитие РФ и КНР будет способствовать укреплению многополярности в современном мире¹³⁵.

Опросы, проводимые российским Левада-центром, показывают следующую динамику. В марте 2021 года 75 % российских респондентов выразили положительное отношение к Китаю. При этом, «отношение к Китаю резко улучшилось в 2014 году на фоне конфликта России и Запада: тогда всего за полгода положительные оценки Китая выросли с 55 % до 77 %. Символически важным оказалось участие китайского лидера Си Цзиньпина в параде Победы в 2015 году, на котором он стал главным иностранным гостем торжества. В том же году положительное отношение к Китаю достигло 80–81 %»¹³⁶.

В марте 2022 года «положительное отношение к Китаю достигло исторического максимума: положительно относятся к этой стране 83 %, отрицательно – лишь 8 %»¹³⁷.

Доброжелательное отношение населения и дружественное восприятие друг друга создают основы для дальнейшего развития сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере и предпосылки для комплексного развития двусторонних отношений.

На этом фоне можно отметить, что проведенные в 2022 году опросы американской Pew Research Center показали, что 8 % американцев отрицательно относятся к Китаю, что показывает рост на 6 % по сравнению с 2021 годом за проводимый период исследований. Китай рассматривается как конкурент, а не как враг США, и указывается, что отношения между США и КНР характеризуются как плохие. 62 % американцев считают Китай конкурентом, 25 % – врагом, а 10 % считают Китай партнером. В январе 2022 года только 54 % выбрали Китай как конкурента, а 35 % назвали врагом. В период с января по март 2022 года произошел обратный сдвиг в долях американцев, называющих Россию врагом или конкурентом, то есть Россию стали считать врагом больше американцев, чем ранее¹³⁸.

Американцы негативно относятся к экономическим отношениям с Китаем, и более половины из них выступают за жесткую позицию с Китаем по экономическим вопросам, а не за укрепление отношений. Кроме того, американцы продолжают рассматривать мощь и влияние Китая как серьезную угрозу, отмечая мощь и влияние Китая¹³⁹.

Таким образом, подводя итоги третьей главы, можно сделать следующие выводы.

1. Отношения между РФ и КНР переживают подъем, который стал логичным следствием возрождения двух великих держав. В 1990-х годах произошла активизация двустороннего сотрудничества, основанная еще на изменениях 1980-х годов. К началу 2000 годов российско-китайские отношения вышли на уровень стратегического партнерства и доверия. Начиная с 2014 года отношения между РФ и КНР переживают беспрецедентный подъем, вызванные ростом напряженности в отношениях с Западом и вызванной этим переориентацией России в восточном направлении.

Китай и Россия рассчитывают на взаимную поддержку своих взглядов на существующие и формирующиеся международные институты, разделяют общее видение нового мирового порядка, в котором наряду с по-

степенным смещением власти в Азию будет наблюдаться снижение влияния Запада и его роли как одного из центров силы.

Взаимовыгодное углубление отношений РФ и КНР отвечает интересам обеих держав и к более влиятельной роли как Пекина, так и Москвы на международной арене. Современные российско-китайские отношения достигают беспрецедентного ранее уровня всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в условиях комплексной трансформации геополитических процессов, меняющей расстановку сил в мире.

2. Российско-китайское экономическое сотрудничество является одной из важнейших основ развития двусторонних отношений. Во многом оно отражает сложившиеся направления всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества.

Торгово-экономические отношения вышли на поступательную траекторию развития сразу же после распада Советского Союза. В 1990-е годы наблюдался устойчивый рост торгово-экономического сотрудничества, создавший основы для выхода в XXI веке на качественно новый уровень.

После введения Западом санкций против России экономическое сближение двух великих держав резко ускорилось. Оно стало проявляться не только на двусторонней основе, но и плане сотрудничества в рамках сопряжения проектов «Пояс и путь» и ЕАЭС, а также в виде инвестиций КНР в российскую Арктику.

Устойчивой тенденцией является сохранение роста товарооборота двух стран с положительным сальдо в пользу России, которое формируется в основном за счет экспорта энергоресурсов и другого сырья. Важным направлением остается военно-техническое сотрудничество.

3. Россия и Китай являются великими державами с достаточно развитым инструментарием мягкой силы, что положительно сказывается на их возможностях в культурно-гуманитарной сфере. Можно отметить, что это сотрудничество развивается в духе заявленного всеобъемлющего стратегического партнерства.

Между двумя странами налажены связи в области образования, культурных обменов, поддержки в области спортивных мероприятий, кинопроизводства, молодежной политики.

В условиях пандемии COVID-19 основная часть сотрудничества была или «заморожена», или переведена в цифровой формат. Тем не менее, в 2021 году началось постепенное «оживление» работы в данной сфере.

Возобновилось проведение мероприятий, Россия в одностороннем порядке открыла свои границы, в частности, дав возможность китайским студентам, вернувшимся на Родину из-за введенных ограничений, продолжить учебу в российских вузах.

Можно ожидать, что после полного снятия ограничений, прежде всего, с китайской стороны, тенденции роста сотрудничества сохранятся или даже возрастут, прежде всего, в сфере туризма.

---

¹ Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 35.

² Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР. 14 февраля 1950 года [Электронный ресурс]. URL: <http://doc20vek.ru/node/4212> (дата обращения: 14.12.2021).

³ Виноградов А. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949–1976 гг. // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949_1976_gg_2016-08-15.htm (дата обращения: 14.12.2021).

⁴ Мао Цзэдун. Мао Цзэдун чжуцзо сюаньду [Избранные фрагменты из произведений Мао Цзэдуна]. Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1993. Т. 2.

⁵ Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 10-12 июня 2011 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 41.

⁶ Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 10-12 июня 2011 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 41.

⁷ Балакин В.С., Сяоин Л. КНР И СССР в 1960-е – 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 11–16.

⁸ Уилсон Дж. Л. Российско-китайские отношения в постсоветское время. Лондон, 2012. С. 26.

⁹ Рогачев И.А.. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. М.: Известия, М., 2013. С. 95.

¹⁰ Уилсон Дж. Л. Российско-китайские отношения в постсоветское время. Лондон, 2012. С. 31-32.

¹¹ Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900032> (дата обращения: 04.05.2022).

¹² Там же.

¹³ Хроника встреч глав государств Китайской Народной Республики и Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/52942.htm> (дата обращения: 04.05.2022).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Россия и КНР – стратегия взаимодействия – Геополитическая стратегия Российской Федерации (Ч. III.4) [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=141&Itemid=55 (дата обращения: 04.05.2022)

¹⁷ Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901763237> (дата обращения: 04.05.2022).

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Краткие сведения о Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/shhzzzmscc1/t58354.shtml> (дата обращения: 05.05.2022).

²⁰ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 05.05.2022).

²¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 05.05.2022).

²² Marc Lanteigne. Security Challenges in the Shanghai Cooperation Organisation: Widening vs Deepening. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/security-challenges-shanghai-cooperation-organisation-widening-vs-deepening-21831> (дата обращения: 05.05.2022).

²³ Шлындов А. О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 58.

²⁴ Кикоть-Глухоедова Т.В. Анализ понятий «система национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2. С. 178.

²⁵ Захарова Ю.О. Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе после холодной войны // V Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 2013. С. 1.

²⁶ Международные отношения. Трансграничное сотрудничество, региональная безопасность в АТР [Текст] : учебное пособие / под общ. ред. д-ра ист. наук Л.Н. Гарусовой; отв. за вып. канд. ист. наук Н.В. Котляр. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014. С. 161.

²⁷ Михеев В.В., Швыдко В.Г. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / авт. кол. ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014.

²⁸ Санникова С.С. Развитие системы обеспечения национальной безопасности в России // Вопросы экономики и права. 2013. № 66. С. 13.

²⁹ Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. Вып. 16.

³⁰ Захарова Ю.О. Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе после холодной войны // V Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 2013. С. 8.

³¹ Угрозы безопасности в АТР: пути и перспективы решения [Электронный ресурс] : матлы междунар. научно-практич. конф., 11–12 декабря 2014 г. / [ред. кол.: Е. Федичкина Трейси, Т.А. Шаклеина, Л.Н. Гарусова, В.А. Номоконов, Т.Г. Троякова, И.С. Майоров, А.В. Губин, И.Н. Золотухин, М.П. Першина, А.А. Кулинич, И.Ю. Зуенко]. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2014. URL: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-naucnoissledovatel'skoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs> (дата обращения: 10.02.2022).

³² Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. Вып. 16.

³³ Угрозы безопасности в АТР: пути и перспективы решения [Электронный ресурс] : матлы междунар. научно-практич. конф., 11–12 декабря 2014 г. / [ред. кол.: Е. Федичкина Трейси, Т.А. Шаклеина, Л.Н. Гарусова, В.А. Номоконов, Т.Г. Троякова, И.С. Майоров, А.В. Губин, И.Н. Золотухин, М.П. Першина, А.А. Кулинич, И.Ю. Зуенко]. Электрон. дан. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2014. URL: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-naucnoissledovatel'skoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs> (дата обращения: 10.02.2022).

³⁴ Санникова С.С. Развитие системы обеспечения национальной безопасности в России // Вопросы экономики и права. 2013. № 66. С. 13.

³⁵ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И.Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 91.

---

³⁶ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 2001 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2009/03/20/russia-kitaidok.html> (дата обращения: 05.05.2022).

³⁷ Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 31 мая 2005 года N 52-ФЗ». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901945334> (дата обращения: 05.05.2022).

³⁸ Olga Alexeeva and Frédéric Lasserre. The Evolution of Sino-Russian Relations as Seen from Moscow: The Limits of Strategic Rapprochement. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/8197> (дата обращения: 05.05.2022).

³⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Сайт Президента РФ. 22.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1423> (дата обращения: 05.05.2022).

⁴⁰ Лагутин М. Российско-китайские отношения в XXI веке / Максим Лагутин, Алексей Богачев // Русская народная линия. 2014. 22 января. URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/01/22/rossijskokitajskie_otnosheniya_v_xxi_veke/ (дата обращения: 05.05.2022).

⁴¹ Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990-2015) // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 32.

⁴² Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов: доклад. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.politinfo.ru/images/data/gallery/0_8803_muhin_na_rechat_.pdf. (дата обращения: 05.05.2022).

⁴³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 05.05.2022).

⁴⁴ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе их развития. 2015. № 12. URL: <http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

⁴⁵ What Are the Key Strengths of the China-Russia Relationship? [Электронный ресурс]. URL: <https://chinapower.csis.org/china-russia-relationship-strengths-benefit/> (дата обращения: 05.05.2022).

⁴⁶ Михеев В.В., Швыдко В.Г. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / авт. кол. ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014.

⁴⁷ Азиатско-тихоокеанское сотрудничество и место России в региональном развитии : сб. докл. / под ред. К. А. Кокарева, Е. В. Супониной, Б. М. Волхонского ; Рос. ин-т стратег. ис-след. М. : РИСИ, 2014. С. 62, 77.

⁴⁸ Kadri Lilk. It's complicated: Russia's tricky relationship with China [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/publication/its-complicated-russias-tricky-relationship-with-china/> (дата обращения: 17.06.2022).

⁴⁹ Kadri Lilk. It's complicated: Russia's tricky relationship with China [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/publication/its-complicated-russias-tricky-relationship-with-china/> (дата обращения: 17.06.2022).

⁵⁰ Russia, America, and Security in the Asia-Pacific [Электронный ресурс]. URL: <https://apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RussiaAmSec/Russia-America-Security.pdf> (дата обращения: 14.12.2021).

⁵¹ Будаев А.В., Воронин С.А. Актуальная российская повестка. Материалы научного семинара – круглого стола «В треугольнике: США (Запад) – Китай – Россия. Что за поворотом страны с Запада на Восток». Вып. № 4. М.: Наука и политика, 2015. С. 6-23.

⁵² Olga Alexeeva and Frédéric Lasserre. The Evolution of Sino-Russian Relations as Seen from Moscow: The Limits of Strategic Rapprochement [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/8197> (дата обращения: 05.05.2022).

---

⁵³ What Are the Key Strengths of the China-Russia Relationship? [Электронный ресурс]. URL: <https://chinapower.csis.org/china-russia-relationship-strengths-benefit/> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵⁴ Olga Alexeeva and Frédéric Lasserre. The Evolution of Sino-Russian Relations as Seen from Moscow: The Limits of Strategic Rapprochement [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/8197> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵⁵ Оппенгейм К.А. Систематический указатель узаконений и общих распоряжений по Министерству путей сообщения, относящихся до службы пути и зданий, эксплуатируемых и до постройки новых железных дорог и последовавших с 1860 г. по 1 января 1914 г. 9-е изд. М.: Ж.-д. изд-во, 1914. [4] + XLVII + 231 с. 27 см.

⁵⁶ Alexey Volynets. Why Russia built the Trans-Siberian Railway. URL: https://www.rbth.com/multimedia/culture/2017/01/12/why-russia-built-the-trans-siberian-railway_679608 (дата обращения 03.04.2020).

⁵⁷ См.: Записка об Алтайской железной дороге. Г.Барнаул. Февр. 1909 г. [Барнаул, 1909]. 14 с. (Без тит.л. и обл.). 35 см; Экономическая записка к Проекту Алтайской железной дороги Барнаул-Обь, по изысканиям 1907 года в связи с проектом Туркестан-Сибирской железной дороги / Ново-Николаевское гор. обществ. упр. Ново-Николаевск: Тип. Н.П. Литвинова, 1908. [2] + 45 с.: 1 л. карт. 35 см.

⁵⁸ См.: По вопросу об изыскании способов к безотлагательному сооружению участка Сибирской железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью: В Комитет министров / М-во фин. Особен. канц. по кредит. части. отд-ние 6. [СПб., 1880]. 20 с. (Без тит. л. и обл.). 34 см; Экономическая записка к Проекту Алтайской железной дороги Барнаул-Обь, по изысканиям 1907 года в связи с проектом Туркестан-Сибирской железной дороги / Ново-Николаевское гор. обществ. упр. Ново-Николаевск: Тип. Н.П. Литвинова, 1908. [2] + 45 с.: 1 л. карт. 35 см; Висковатов В. Амурская железная дорога; Частная инициатива в переселенческом деле; Между молотом и наковальней: [статьи]. СПб.: Тип. Альшутлера, 1908. 37 с. (2-я и 3-я статьи перепеч. из: «С.-Петербург. ведом.», 1908, NN 168 и 268).

⁵⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882, С. 261-262.

⁶⁰ Ковальчук М.А. Государственно-правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта России (1836-1917) / Дальневост. гос. ун-т путей сообщения. Хабаровск, 2007. 99 с.

⁶¹ Тимофеев А. Роль Транссиба в государственной миграционной политике России (1891–1914 гг.) // Исторические науки. 2017. Т. 17. № 3. С. 57-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-transsiba-v-gosudarstvennoy-migratsionnoy-politike-rossii-1891-1914-gg/viewer> (дата обращения: 03.04.2020).

⁶² Там же.

⁶³ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 85.

⁶⁴ Olga Alexeeva and Frédéric Lasserre. The Evolution of Sino-Russian Relations as Seen from Moscow: The Limits of Strategic Rapprochement [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/8197> (дата обращения: 05.05.2022).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Портяков В.Я. Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18, № 18. С. 9.

⁶⁸ Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений.// Российский совет по международным делам. 2015. № 20. С. 13.

⁶⁹ Данные статистики ФТС РФ»: <https://unctadstat.unctad.org/wds/tableView/tableView.aspx> (дата обращения: 05.05.2022).

⁷⁰ Там же.

---

⁷¹ Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая в 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/Торговля%20Россия-Китай%202019.pdf (дата обращения: 14.12.2021).

⁷² Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов: доклад. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.politinfo.ru/images/data/gallery/0_8803_mu hin_na_rechat_.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

⁷³ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе их развития. 2015. № 12. URL: <http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

⁷⁴ Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990-2015) // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 35.

⁷⁵ Chung, C.P. What are the strategic and economic implications for South Asia of China's maritime silk road initiative? // Pac. Rev. 2017. № 31. P. 315–332.

⁷⁶ Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 47.

⁷⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 05.05.2022).

⁷⁸ Бордачев Т.В. Новое евразийство: Как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С.5.

⁷⁹ Фролова И.Ю. Китайский проект "Экономический пояс Шёлкового пути": развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 5 (38). – С.48

⁸⁰ Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-40> (дата обращения: 05.05.2022).

⁸¹ Мирошниченко Р.В., Чепцова Н.А. Российско-китайские отношения в XXI веке (проблемы и перспективы экономики и политики) // Материалы II студенческой международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI века». Новосибирск, 2012. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2018-21> (дата обращения: 05.05.2022).

⁸² Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе их развития. 2015. № 12. URL: <http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

⁸³ См.: Karlusov V., Yarkov D. Russia and China: Interests, Potential and Prospects of Interaction in the Arctic. International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET), Volume 10, Issue 02, February 2019, pp. 1740–1746, Article ID: IJCIET_10_02_168. URL: <http://www.iaeme.com/ijmet/issues.asp?JType=IJCIET&VType=10&IType=2> (дата обращения: 25.03.2022).

⁸⁴ Михайличенко К. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-ledovyy-shelkovyy-put-v-ramkah-initsiativy-odin-poyas-i-odn-in-put-kak-realizatsiya-interesov-rossii-i-kitaya-v-arkticheskom-regione> (дата обращения: 25.03.2022)

⁸⁵ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLrLNJ175I40U0K46x4SsKRHGfUO.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

⁸⁶ Российский арктический регион и глобальные интересы. URL: <https://lib.ranepa.ru/ru/virtualnye-vystavki/33-rossijskij-arkticheskij-region-i-globalnye-interesy> (дата обращения: 25.03.2022).

⁸⁷ Чэнь Сяочэнь, Чжан Тинтин. «Ледовый шелковый путь». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (дата обращения: 25.03.2022)

⁸⁸ Федоров А. Ледовый шелковый путь: сотрудничество России и Китая. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78396/1/978-5-6041789-8-0_2019_012.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

---

⁸⁹ Чэнь Сяочэнь, Чжан Тинтин. «Ледовый шелковый путь». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (дата обращения: 25.03.2022).

⁹⁰ Проект «Арктик СПГ 2». URL: <https://www.novatek.ru/ru/business/arctic-Ing/> (дата обращения: 25.03.2022)

⁹¹ Ямал СПГ. URL: <http://yamallng.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).

⁹² Andrey Panevin. The Sino-Russian relationship is being misunderstood, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/sino-russian-relationship-being-misunderstood> (дата обращения: 08.04.2022).

⁹³ Там же.

⁹⁴ Yana Leksyutina. Understanding a New Era in Russia-China Relations, 2020. URL: <https://www.institutfuersicherheit.at/understanding-a-new-era-in-russia-china-relations/> (дата обращения: 08.04.2022).

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Российско-китайская торговля [Электронный ресурс]. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/trade_ru_cn (дата обращения: 08.04.2022).

⁹⁷ Russia's Pivot to China – Geopolitics, Trade, and Development in the Wake of the Ukraine Conflict [Электронный ресурс]. URL: <https://www.china-briefing.com/news/russias-pivot-to-china-geopolitics-trade-development-in-the-wake-of-the-ukraine-conflict/> (дата обращения: 05.05.2022).

⁹⁸ Jonathan E. Hillman. China and Russia: Economic Unequals [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals> (дата обращения: 05.05.2022).

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Haiqing Huang. China's image in the Belt and Road Initiative: case study of Pakistan and India [Электронный ресурс]. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8960031&fileId=8960032> (дата обращения: 08.04.2022).

¹⁰⁶ Danielly Silva Ramos Becard. Chinese Cultural Diplomacy: instruments in China's strategy for international insertion in the 21st Century [Электронный ресурс]. URL: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0034-73292019000100205 (дата обращения: 08.04.2022).

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Ляруэль М. Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния Russie. Nei.Visions, № 122, ИФРИ, апрель 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf (дата обращения: 08.04.2022).

¹⁰⁹ Совместная статья послов России и Китая в США для Defense One: «Чтите историю во имя лучшего будущего» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1441001/> (дата обращения: 08.04.2022).

¹¹⁰ Песцов С.К. Стратегическое партнёрство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnyorstvo-rossii-i-kitaya-mesto-i-rol-gumanitarnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 08.04.2022).

¹¹¹ Бобыло А.М., Севастьянов С.В. «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-rossii-aziatsko-tihookeanskiy-vektor> (дата обращения: 08.04.2022).

¹¹² Амосова А.А., Еремеева А.Д. Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-muzeynaya-deyatelnost-i-turizm> (дата обращения: 05.05.2022).

¹¹³ Там же.

---

¹¹⁴ Селезнева Н. Актуальное состояние российско-китайского гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/culture/aktualnoe-sostoyanie-rossiysko-kitayskogo-gumanitarnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.05.2022).

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rossiysko-kitayskom-sotrudnichestve-v-oblasti-obrazovaniya> (дата обращения: 05.05.2022)

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Селезнева Н. Актуальное состояние российско-китайского гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/culture/aktualnoe-sostoyanie-rossiysko-kitayskogo-gumanitarnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.05.2022)

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Jonathan E. Hillman. China and Russia: Economic Unequals [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals> (дата обращения: 05.05.2022).

¹²⁴ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р.. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

¹²⁵ Селезнева Н. Актуальное состояние российско-китайского гуманитарного сотрудничества. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/culture/aktualnoe-sostoyanie-rossiysko-kitayskogo-gumanitarnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.05.2022).

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossiyskoj-federatsii-s-kitayskoj-narodnoy-respublikoy-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 05.05.2022).

¹²⁹ David Hutt. What the Chinese really think about Russia and America [Электронный ресурс]. URL: <https://asiatimes.com/2022/05/what-the-chinese-really-think-about-russia-and-america/> (дата обращения: 18.06.2022).

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Опубликованы итоги соцопроса «Общественное мнение о Китае и России – 2021» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/01/29/opublikovany-itogi-socoprosta-obshchestvennoe-mnenie-o-kitae-i-rossii-2021.html> (дата обращения: 18.06.2022)

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Российско-китайские отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/30/rossijsko-kitajskie-otnosheniya/> (дата обращения: 18.06.2022).

¹³⁷ Международные отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-6/> (дата обращения: 18.06.2022).

¹³⁸ Christine Huang, Laura Silver and Laura Clancy. China's Partnership With Russia Seen as Serious Problem for the U.S. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/04/28/chinas-partnership-with-russia-seen-as-serious-problem-for-the-us/> (дата обращения: 18.06.2022).

¹³⁹ Там же.

ГЛАВА 3

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Отношения между Россией и Китаем на современном этапе в контексте формирования нового мирового порядка

Современные российско-китайские отношения находятся на беспрецедентно высоком уровне развития в своей истории. Помимо общего совпадения интересов по вопросам двустороннего политического и экономического сотрудничества, необходимости комплексного развития взаимодействия, Россия и Китай разделяют общие взгляды по вопросу необходимости формирования нового мирового порядка, основанного на принципах многополярности и равноправия.

С окончанием холодной войны наступил краткосрочный период безоговорочного доминирования США, которое часто трактовалось как однополярность¹. Отдельные исследователи, например, Ф. Фукуяма, предполагали наступление «вечного» господства Запада и его ценностей («конец истории»)².

Однако доминирование Запада на практике подразумевало не только распространение западных идей и ценностей, но и фактический отказ от принципов равноправия и многостороннего сотрудничества, о чем свидетельствуют, в частности, операции военно-политического блока НАТО в Югославии в 1999 году или в Ираке в 2003 году. В таких случаях решение принималось в рамках переговоров стран Запада во главе с США, которые пытались выдать собственное мнение за мнение мирового сообщества и навязывали остальному миру собственную повестку дня.

Подобное развитие событий вызывало естественное недовольство. В частности, еще на саммите Российской Федерации и Китайской Народной Республики в 1997 году была подписана совместная декларация³, в которой говорилось, что «стороны в духе партнерских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка»⁴.

Принципиально важным в контексте понимания особенностей нового мирового порядка выглядит утверждение, что «все большее число стран приходит к общему пониманию того, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не гегемонизм и силовая политика»⁵. Для перспектив развития двусторонних отношений интерес вызывает положение о том, что «стороны, руководствуясь чувством исторической ответственности за мир и развитие во всем мире и будущее человечества, укрепляют координацию и сотрудничество в международных делах»⁶.

Американские эксперты А. Кули и Д. Нексон отмечают, что политическая элита США, в том числе администрация президента США Б. Клинтона, не оценили российско-китайское сближение как сигнал о наметившемся изменении структурного баланса сил⁷.

Г. Киссинджер заявил, что в эйфории после окончания холодной войны Вашингтон позволил России и Китаю отделиться от американской орбиты, и отметил декларацию 1997 году как провозглашение независимости. Он пророчески отмечал, что стабильность в мире зависит от того, удастся ли «заставить» Россию принять границы, в которых она не оставалась 400 лет, или она возобновит свое движение вовне⁸.

Позднее недовольство попытками выстраиванием западноцентристского миропорядка выразилось в создании альтернативной международной инфраструктуры и восприятие продвигаемого США и их союзниками либерализма как прямой угрозы своей безопасности.

В то же время как Китай демонстрировал мощный экономический рост, и его политика «мирного возвышения» не бросала открытых вызовов доминированию Запада, положение Российской Федерации трактовалось как возрождающейся великой державы, которая стремится восстановить утраченные после холодной войны позиции.

Роль России характеризовалась как державы, которая обычно играет по правилам евроатлантического капитализма, но способна диктовать свои условия интеграции в глобальную экономику, придерживаясь стратегии «суверенной глобализации»⁹.

И Россия, и Китай обеспокоены тем, что американская гегемонистская система, особенно если ее не контролировать, представляет угрозу их геостратегическим интересам. Россия сталкивается с НАТО на западе, Китай – с системой альянсов и партнерств, ориентированных на Америку, – на востоке и юге. И Москва, и Пекин рассматрива-

ют ряд либеральных норм и стандартов, встроенных в нынешние механизмы глобального управления как угрозу своим политическим системам. В интересах обеих держав было то, чтобы архитектура постамериканского международного порядка была ориентирована равноправной, ориентированной на принципы легитимности, суверенитета и невмешательства¹⁰.

Россия и Китай призывают к «демократизации» международных отношений, выступают против односторонних действий США, стремятся к более высокому международному статусу и осуждают попытки продвижения западных ценностей как универсальных. Для России стремление к многополярному миру тесно связано с более широким стремлением страны к статусу великой державы с региональной сферой влияния на постсоветском пространстве и положением глобального игрока.

Важной в этом контексте является речь президента России В.В. Путина на Мюнхенской конференции 2007 года. В ней глава российского государства констатировал, что «предлагавшийся же после «холодной войны» однополярный мир не состоялся»¹¹.

Саму однополярную модель миропорядка президент Российской Федерации обозначил как «мир одного хозяина, одного суверена», что «губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри», а «отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам»¹².

Таким образом, в выступлении президента России на Мюнхенской конференции 2007 года фактически были обозначены ключевые недостатки западноориентированной однополярной системы, против которой выступают как РФ, так и КНР.

Хотя Россия и Китай еще только формировали основы своего сотрудничества, направленного на создание многополярного мира, а их взаимодействие расширялось как структурно (безопасность, оборона, экономика, культура и информация) и так и географически (Евразия, Африка и Ближний Восток), однако готовность к антизападным действиям как контргегемонистского альянса вызывала дискуссии, сущность которых сводилась к следующему.

Во-первых, независимо от того, намерены ли Москва или Пекин разрушить американскую гегемонистскую систему, обе державы все равно хотели бы сохранить ключевые аспекты существующего международного порядка. Китай, в частности, стремится к большему согласию и влиянию в новом мировом порядке, и не захочет нарушать его основные институты, оставаясь в целом в рамках сформировавшихся правил игры.

Во-вторых, на Западе скептически оценивались относительные возможности России и Китая, соответственно, утверждая, что этим державам не хватает военной и экономической мощи, чтобы фактически вытеснить Соединенные Штаты с их доминирующего положения в мировой политике, не говоря уже о подрыве американской системы или коренного изменения архитектуры международного порядка. Особенно скептически оценивались возможности России¹³.

В-третьих, китайско-российские отношения сами по себе не всегда выглядели прочными, и могли казаться удобным в текущих обстоятельствах тактическим союзом, в котором опасения перед мощью США лишь временно оттесняют историческое наследие и растущие противоречия, создавая предпосылки для возобновления соперничества¹⁴.

Действительно, политика США способствовала сплочению ее противников и росту антиамериканских настроений. Односторонние действия США по свержению правительств и изменения порядка в целых регионах под предлогом демократизации вызывали обеспокоенность за свою безопасность. Поддержка США «цветных революций» на постсоветском пространстве усугубило опасения России. Но эти события встревожили не только Москву, но и Пекин. Для Китая можно отметить особо важным перелом в марте 2005 года в соседнем с ним Кыргызстане.

Вскоре после «цветных революций» в России, а вслед за ней и в ряде других республик постсоветского пространства были приняты ограничительные меры против прозападных НПО, которые выступали в качестве инструментов «цветных революций». В КНР серьезные ограничения были введены в 2009 году, а затем – в 2016 году.

За этим последовали международные усилия, возглавляемые Россией и КНР, по делегитимизации и сокращению деятельности прозападных либеральных НПО, занимающихся политическими вопросами, особенно продвижением демократии, борьбой с коррупцией и правами человека¹⁵.

Некоторые эксперты выражают мнение, что события «Арабской весны» стали поворотным моментом для РФ и КНР. Попытка США «демократизировать» Ближний Восток и Северную Африку, изменить зоны влияния и, возможно, поставить под контроль поставки энергоресурсов выглядели явной угрозой для обеих держав. К тому же, быстрый отказ США от поддержки своего старого союзника Х. Мубарака в Египте показал ненадежность долгосрочных расчетов на сотрудничество с Вашингтоном¹⁶.

Одновременно «Арабская весна» показала пределы американского влияния. У США не оказалось достаточных ресурсов, чтобы доминировать в той степени, в какой они были в 1990-е годы. Ни США, ни ЕС располагали большими финансовыми ресурсами, необходимыми для формирования новой, либерально-демократической государственности в странах «Арабской весны». Больше помощи шло из стран региона, которые поддерживали ту или иную сторону конфликта и не разделяли идеологию, продвигаемую Западом относительно демократизации.

На Россию крайне негативное впечатление произвели события в Ливии в 2011 году. После того, как Москва воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу санкций относительно конфликта в Ливии, рассматривая резолюцию как ограничивающую возможности эскалации ливийского конфликта, США и их союзники под эгидой НАТО трактовали ее как разрешение на осуществление боевых операций в отношении режима М. Каддафи. Хотя США уверяли, что резолюция по существу направлена лишь на защиту мирного населения расположенного на востоке страны города Бенгази, на практике бомбардировки коснулись сил М. Каддафи по всей территории страны и были прямо направлены на его свержение¹⁷.

Для Китая события в Ливии означали новый виток борьбы за ресурсы Северо-Восточной Африки, при которой Вашингтон стремился использовать методы свержения режима (Ливия) или раздела страны (Судан). Действия США безусловно беспокоили Пекин, убеждая в необходимости активизации поиска альтернатив энергоресурсам Ближнего Востока, чтобы обеспечить собственную энергетическую безопасность¹⁸.

Новым витком напряженности на Ближнем Востоке стал конфликт в Сирии. Не желая повторять ошибок, Москва блокировала попытки проведения через Совет Безопасности ООН любых резолюций, прямо или косвенно допускающих иностранное вмешательство, чтобы избежать повторения ливийского сценария. Прямое военное вмешательство России

и США в конфликт в Сирии показало кардинальное изменение ситуации не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире, и происходило уже после введения санкций и контрсанкций в связи с событиями на Украине в 2014 году.

Активные действия России показывали ее «возвращение» на Ближний Восток в качестве великой державы и ее способность оказать действенную поддержку режиму Б. Асада показало, что гегемонии Запада бросают открытый вызов¹⁹.

Открытое военное вмешательство России в конфликт в Сирии можно трактовать как защиту союзника и демонстрацию растущих глобальных возможностей. Формально в 2015 году Россия вмешалась в гражданскую войну в Сирии, чтобы защитить легитимный режим сирийского президента Б. Асада, традиционного союзника еще со времен СССР. Но для Москвы конфликт в Сирии представлял часть ее интересов в формировании нового международного порядка и возможность бросить вызов американскому лидерству в международном «нормотворчестве».

Операции России в Сирии стали ее первой серьезной попыткой проецировать силу за пределы постсоветского пространства после распада СССР. Они требовали обширной политической и военной координации с другими участвующими державами, включая Соединенные Штаты, с которыми Россия установила процедуры разрешения конфликтов, Турцию, Иран и Израиль. Москва также активно настаивала на мирном процессе в Астане, который исключил Соединенные Штаты из числа участников переговоров.

Вмешательство России позволило создать условия для перелома хода конфликта и позволило Б. Асаду восстановить контроль над большей частью территории страны.

Решение в то время президента США Д. Трампа, о выводе американских сил из Сирии озвученное им в октябре 2019 года, подчеркнуло изменение баланса сил на Ближнем Востоке и стало важным сигналом как ближневосточных государств, так и для всего мира. Политику США чаще всего расценивают очень критически²⁰. В этом контексте действия России можно трактовать как «меняющие правила игры».

Схожим образом можно расценивать конфликт на Украине 2014 года. Более того, этот конфликт стал своего рода поворотным моментом в отношениях России с Западом, и разногласия по поводу построения бу-

дущего мирового порядка и места Запада и Российской Федерации достигли уровня полномасштабного кризиса. Не случайно поводом для начала внутреннего конфликта на Украине стали проблемы геополитического выбора – интеграции в ЕС или сотрудничество с Россией, в том числе, в перспективе, в рамках ЕАЭС. Другими словами, причиной кризиса стал выбор Украины между Западом или Россией, поэтому конфликт приобрёл острый и долгосрочный характер. В ходе вооружённого конфликта Соединённые Штаты и ЕС ввели ряд экономических санкций против России, что вызвало ответные санкции со стороны России.

Для России события на Украине представляли собой не что иное, как кризис самого международного порядка, возглавляемого США. Пассивность таких стран, как Китай, Индия или Бразилия в поддержке действий Запада, показывали на сужающиеся возможности западных стран.

Конфронтация ускорила естественное сближение России и Китая. Пекин на фоне обострения отношений между Россией и Западом выдвинул стратегическую инициативу глобального характера «Пояс и путь». Эта инициатива обнажила растущие противоречия между КНР и США по вопросу геоэкономики и геополитики, а также расхождения в возможностях двух держав.

В этой связи можно сравнить инициативу Пояс и путь КНР с инициативой возрождения Шелкового пути, выдвинутой США в 2011 году. Инициатива Китая Пояс и Путь возникла в период, когда США уже израсходовали свой потенциал по созданию интеграционных моделей, связывающих те или иные части Азии.

Идея американского проекта Шелкового пути была выдвинута в 2011 году Вашингтоном как средство для дальнейшей интеграции Афганистана в регионы Южной и Центральной Азии путем возобновления традиционных торговых путей и восстановления инфраструктурных связей. В планах Вашингтона было развитие новые транзитных и торговых маршрутов Север-Юг, а сам проект «Нового Шелкового пути» должен был устранять торговые барьеры, содействовать инвестициям в экономику друг друга и поддерживать международные и трансграничные проекты развития.

В Вашингтоне признавали, что достижение целей проекта в одном из наименее интегрированных регионов мира является сложной задачей²¹. США рассматривали четыре приоритетные области развития:

- региональные энергетические рынки, где Южная Азия выступала бы импортером ресурсов Центральной Азии, том числе нефти, газа и гидроэнергетики.

- торговля и транспорт, которые позволили бы развивать инфраструктуру, улучшить взаимодействия национальных таможенных и налоговых систем, создать многосторонние торговые институты, преодолевать институциональные и бюрократические препятствия.

- техническая помощь в принятии и реализации Соглашения о транзитной торговле между Афганистаном и Пакистаном (АРТТА) 2010 года и Соглашения о трансграничных перевозках (СВТА) между Кыргызстаном, Таджикистаном и Афганистаном.

- таможенные и пограничные операции, которые позволили бы ускорить товарообмен между странами региона²².

Однако кроме идеи возрождения Шелкового пути инициативы США и КНР принципиально различны по своим ключевым параметрам. Во-первых, США рассматривали Афганистан как центр своей инициативы, локализованной вокруг Южной и Центральной Азии. КНР инициировала масштабный проект интеграции и взаимодействия Евразии, соединения ЕС и КНР через сухопутные и морские транспортные коммуникации.

Во-вторых, географически проект «Новый Шелковый путь» США был ориентирован на укрепление взаимосвязи Южной и Центральной Азией через Афганистан, то есть предусматривался маршрут север-юг. Инициатива КНР ориентирована по направлению с востока на запад, а южное ответвление – китайско-пакистанский экономический коридор не затрагивает пока ни Афганистан, ни Центральную Азию.

В-третьих, США уже в то время не рассматривали выделение значительных финансовых средств для реализации своего проекта, рассчитывая на содействие посредством обсуждения и принятия законодательных мер для развития трансграничной торговли и заинтересованность сопредельных с Афганистаном стран Южной и Центральной Азии²³.

В-четвертых, геополитическая инициатива КНР включала в себя глобальные экономические центры – Европу и АТР – и исключала США, поскольку маршрут проекта проходил через евразийский континент. Не случайно Вашингтон сразу же выступил оппонентом проекта Пекина.

Между тем, инициатива КНР предусматривала выделение масштабных инвестиций, измеряемых уже на первоначальном этапе в десятки

миллиардов долларов. Китай сделал акцент на возрождение всего древнего Шелкового пути, подчеркивая, что исторически это была главная магистраль, связывающая древнюю Римскую империю и древний Китай, и подчеркивая готовность играть главную роль в уникальном по масштабам проекте.

Готовность КНР вкладывать в развитие средства, на которые большинство государств, расположенных по линии реализации проекта, даже не могло рассчитывать, стало привлекательной перспективой и безусловным имиджевым плюсом, особенно на контрасте с американскими инициативами, предлагавшими крайне ограниченные финансовые средства и политические условия их выделения.

Критика проект КНР обычно сосредотачивается на «долговых ловушках» или создании политической зависимости. Однако геостратегическая мотивация инициативы «Пояс и путь» важнее в плане формирования нового мирового порядка.

Следует отметить, что еще со времен холодной войны Соединенные Штаты располагают своими базами на цепочке островов, простирающихся от Японии на севере до Индонезии на юге. А после объявления администрацией президента США Б. Обамы собственном «повороте к Азии», Соединенные Штаты сконцентрировали в регионе значительные силы. Районы Малаккского и Ормузского проливов стали «узкими местами», которые США и их союзники могут в любой момент заблокировать, что прервет одни из наиболее стратегически важных морских торговых путей.

В этом смысле наращивание всестороннего присутствия КНР имеет целью не допустить стратегического окружения и вырваться через Евразию из американской хватки. Геостратегическая цель создаваемых многочисленных портов, коридоров и железнодорожных путей проекта «Пояс и путь» представляется в укреплении китайского присутствия и обеспечении надежности путей снабжения.

В этом смысле реализация проекта «Пояс и путь» означает для Китая и поддерживающей ее России большой шаг к своей цели по нейтрализации влияния США в Евразии²⁴.

Еще одним шагом по пути ослабления США является политика ослабления американского доллара как мировой резервной валюты. Инфляционное давление и готовность США использовать возможности своей Федеральной резервной системы при любом удобном случае создает ощу-

щение неуверенности по всему миру всеми теми игроками, которые полагаются на доллар США в своих трансграничных сделках, подрывая доверие к нему как к надежной валюте. Исходя из этого попытки РФ и КНР осуществить «дедолларизацию» своих экономик, прежде всего, за счет использования более широкой корзины валют для своей внешней торговли.

Эти попытки согласуются со стратегической целью обеих держав по повышению глобального статуса своих валют и укреплению стратегической финансовой независимости.

Отказ от торговли нефти за американскую валюту в этом плане грозит фундаментальным подрывом доверия, поскольку после отказа от золотого стандарта доллар США был привязан к центральному товару промышленного капитализма – нефти. Если такой союзник США, как Саудовская Аравия, ведет переговоры об урегулировании своих нефтяных сделок с Китаем в юанях, это показывает, насколько широко распространено недовольство. Поэтапный отказ стран ОПЕК от нефтедоллара, будет способствовать дальнейшему падению доверия и будет усиливать инфляционное давление, расшатывая положение американского доллара как глобальной резервной валюты²⁵.

В целом, во втором десятилетии XXI века в международной системе уже проявились признаки глубокого кризиса. РФ и КНР, как растущие центры силы, повсеместно сталкивались с сопротивлением и противодействием со стороны Запада.

Наряду с этим, происходило активное формирование международных и региональных организаций и форумов без участия Запада (БРИКС, ШОС), в которых предлагались альтернативные идеи относительно развития институтов глобального управления.

Новыми центрами силы предпринимались политические и экономические действия, направленные на пересмотр международного понимания того, что представляют собой «общие правила» и «международное сообщество».

Постепенно меняется военный баланс сил между великими державами. Показатели китайского и российского военного потенциала и расходов имеют большое значение, но военная мощь выступает лишь в качестве одного из элементов более широкого набора инструментов.

Москва и Пекин представили принципы международного порядка, альтернативные тем, которые связаны с политическим либерализмом, и как

способ оспаривания аспектов международной архитектуры, и как дорожную карту для изменений в глобальном управлении. Пекин и Москва остаются сторонниками принципа цивилизационного разнообразия. Поскольку все страны обладают различными и важными культурами, они не имеют права выносить оценочные суждения о домашнем поведении друг друга.

Эти же принципы лежат в основе так называемого «Шанхайского духа», основополагающего принципа ШОС, ключевой региональной структуры, в которой Китай и Россия традиционно играют ведущую роль, даже после вступления в нее Индии и Пакистана в 2017 году.

Москва, наряду с позицией цивилизационного многообразия, развивает идеи продвижения традиционных ценностей, в том числе религии в общественной жизни или семьи как традиционного союза мужчины и женщины, и эти идеи Россия продвигала в Совете ООН по правам человека²⁶. Наконец, и Россия, и Китай выдвигают твердые представления о национальном суверенитете, особенно в отношении иностранного вмешательства во внутренние дела, что в широком понимании включает в себя давление и критику по вопросам прав человека, политики и гражданских прав.

Обе державы осознают себя как глобальные центры силы, действующие во имя собственных национальных интересов и обращенные на создание многополярного мира, в котором более не будет доминирования Запада. В этом плане можно трактовать действия РФ и КНР, начиная с 2013–2014 годов. Обе державы реализуют отдельные односторонние внешнеполитические инициативы, продвигающие предпочитаемое ими видение международного порядка.

Для Москвы операции на Украине и в Сирии подтверждают статус России как великой державы, способной устанавливать свои собственные правила.

Проект «Пояс и путь» предоставил Пекину возможность построить инфраструктуру, которая укрепляет связи целого ряда стран и регионов с Китаем, подкрепляя видения будущего глобального лидерства и активную роль в построении нового международного порядка.

Если такие державы, как США, Индия или Япония не поддержали инициативу «Пояс и путь», то Россия выразила готовность к участию, допуская китайские компании к инвестициям в добычу природных ресурсов в российской Арктике и заключив соглашение о сопряжении Евразийского экономического союза и «Пояс и путь»²⁷.

Россия, сохраняя независимый внешнеполитический курс, выбрала стратегию компромисса и сосредоточила внимания на совместных усилиях по созданию новых институтов международного порядка с КНР.

Ряд экспертов видят в совместных действиях РФ и КНР стремление ко взаимопомощи в подрыве влияния США и их союзников, несмотря на отсутствие формальных обязательств по защите друг друга от нападения. Россия и Китай стремятся к созданию многополярного мира, и в этих целях нацелились на ключевые черты проамериканской гегемонистской системы и созданного после холодной войны международного порядка в целом, не вступая в прямую военную конфронтацию с Соединенными Штатами.

Последовательно создавая новую региональную и международную инфраструктуру, часто в одностороннем порядке, РФ и КНР предпринимают важные шаги по формированию контуров нового международного порядка в соответствии со своим видением.

При этом Россия и Китай не претендуют на роль нового глобального гегемона. Новый мировой порядок предполагает, по всей видимости, основанный на международном праве и международных институтах процесс создания коренным образом пересмотренных и не западных принципов взаимодействия и сетевых связей субъектов глобального управления.

Политика администрации президента США Д. Трампа также содействовала укреплению сотрудничества РФ и КНР в построении нового миропорядка.

В Стратегии национальной безопасности США от 2017 года прямо утверждалось, что соперничество великих держав с Россией и Китаем в настоящее время представляет наибольшую угрозу безопасности США. Д.ю Трамп утверждал о столкновении с «державами-соперницами, Россией и Китаем, которые стремятся бросить вызов американскому влиянию, ценностям и богатству»²⁸.

Говоря о соперничестве США с РФ и КНР, Д. Трамп отметил, что у США «трудные и неуступчивые соперники, приверженные долгосрочной конкуренции», и «чтобы добиться успеха, мы должны интегрировать все аспекты нашей национальной мощи, и мы должны конкурировать с применением каждого инструмента нашей государственной политики»²⁹.

Как отмечает российский исследователь Н. Бубнова, «Китай представляется ключевым вызовом с точки зрения Вашингтона, но Россия тоже вызывает повышенную озабоченность в связи с ее ядерным потенциа-

лом, программами модернизации вооружений и агрессивной, по мнению США, внешней политикой»³⁰.

Для РФ и КНР в их отношениях с США стала дальнейшая эскалация санкционной и торговой войны. Если в отношении России санкции США были применены еще в период администрации президента США Б. Обамы, то период администрации Д. Трампа характеризуется началом полномасштабной торговой войны с Китаем. Это подчеркнуло для Москвы и Пекина важность координации их ответов Соединенным Штатам³¹.

США ввели санкции против России в 2014 году в ответ на эскалацию кризиса на Украине. Санкции в основном были основаны на следующих нормативно-правовых актах: «Законе Сергея Магнитского», двух законах 2014 года касательно Украины, законе 2017 года о противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии, законе 2019 года о защите энергетической безопасности Европы и некоторые другие³².

При введении санкций против России Соединенные Штаты координировали свои действия с Европейским союзом и другими своими союзниками, что подчеркивает стратегическую значимость решения России в «развороте на Восток».

Вместе с тем, доклад Исследовательской службы конгресса США подчеркивает, что в экономическом плане санкции оказали негативное, но относительно скромное влияние на экономическое положение и рост России. Изменения мировых цен на нефть и пандемия COVID-19, по-видимому, оказали большее влияние, чем санкции. Об этом говорит то, что после роста цен на нефть в 2016 году российская экономика начала укрепляться, хотя санкции остались в силе, а в некоторых случаях были ужесточены³³.

Санкции являются центральным элементом политики США по противодействию и сдерживанию действий России. Соединенные Штаты сохраняют санкции против России расширяют их по обвинениям в нарушении кибербезопасности и вмешательстве во внутренние дела, в том числе посредством оказания влияния на президентские выборы в США, а также нарушения прав человека, распространении оружия, незаконной торговли с Северной Кореей, поддержке правительств Сирии и Венесуэлы, а также использовании химического оружия.

В целом, санкции используются на фоне опасений по поводу международного поведения и геостратегических намерений России, а конкретные предлоги являются проявлением геостратегических опасений³⁴.

Сформировалась устойчивая тенденция к наращиванию санкционного давления на Россию со стороны Запада.

«Торговую войну» с КНР США начали с расследования «недобросовестной торговой практики» Китая со стороны только что пришедшей к власти администрации президента США Д. Трампа.

Д. Трамп назвал КНР как основную причину потери рабочих мест в обрабатывающей промышленности США и потерь в сфере интеллектуальной собственности. Он обвинял КНР в дефиците торгового баланса США, валютных манипуляциях, незаконных экспортных субсидиях, плохих трудовых и экологических стандартов, которые дают Китаю «несправедливые» преимущества.

Администрация США обосновывала утверждения президента страны о том, что односторонние тарифы сократят торговый дефицит США с Китаем и заставят компании «возвращать» рабочие места в США. В период с июля 2018 по август 2019 года Соединенные Штаты объявили о планах ввести тарифы на китайские товары на сумму более 550 млрд долларов, а Китай ответил тарифами на товары из США на сумму более 185 млрд долларов.

Торговая война нанесла экономический ущерб обеим сторонам и привела к отвлечению торговых потоков как из Китая, так и из США. Как и в случае с Россией, наибольший негативный эффект пришелся не на Китай.

Исследование «Moody's Analytics», проведенное в сентябре 2019 года, показало, что уже на тот момент торговая война стоила экономике США почти 300 000 рабочих мест и примерно 0,3 % реального ВВП. Другие исследования оценивают потери ВВП США примерно в 0,7 %³⁵.

Согласно отчету Bloomberg Economics за 2019 год, торговая война обошлась бы экономике США в 316 млрд долларов к концу 2020 года, в то время как более поздние исследования Федерального резервного банка Нью-Йорка и Колумбийского университета показали, что американские компании потеряли не менее 1,7 трлн долларов в результате введения пошлин США на импорт из Китая³⁶.

Тарифы вынудили американские компании согласиться на более низкую норму прибыли, сократить заработную плату и рабочие места для американских рабочих, отложить потенциальное повышение или расширение заработной платы и поднять цены для американских потребителей или компаний. Фермеры США потеряли подавляющую часть того, что ко-

гда-то было рынком в 24 млрд долларов в Китае, в результате ответных действий КНР.

Между тем, дефицит торговли товарами США с Китаем несколько сократился, с 419,2 млрд долларов в 2018 году до 345 млрд долларов в 2019 году, но это произошло за счет сокращения торговых потоков. Следует отметить, что, хотя дефицит США в отношениях с Китаем уменьшился, их общий торговый дефицит не уменьшился. Односторонние тарифы Д. Трампа перенаправили торговые потоки, в результате чего торговый дефицит США с ЕС, Мексикой, Японией, Южной Кореей и Тайванем увеличился³⁷.

Китай, со своей стороны, снижал тарифы для других своих торговых партнеров, уменьшая свою зависимость от рынков США.

Договоренности, о которых обе стороны объявили 15 января 2020 года, во многом напоминала предложение, которое Пекин выдвинул с самого начала – увеличение закупок товаров плюс обязательства по улучшению защиты интеллектуальной собственности, валюты и принудительной передачи технологий³⁸.

Но в достигнутом компромиссе отсутствовали одни из основных требований со стороны США касательно субсидий, государственных предприятий и использования Китаем промышленной политики для получения преимуществ своих собственных фирм перед иностранными конкурентами. Прогресс в доступе к рынку также оказался неудовлетворительным за пределами финансового сектора³⁹.

Однако, как и в случае с Россией, противоречия и ограничительные меры все еще сохранялись. Когда разразилась пандемия COVID-19, торговая война отошла на второй план и использовалась только для того, чтобы подчеркнуть неспособность Китая выполнить условия сделки по закупке американской продукции на дополнительные 200 миллиардов долларов сверх уровня 2017 года до 2021 года⁴⁰.

Уже после победы на президентских выборах в США Дж. Байдена тарифы США на китайские товары все еще оставались в силе. Администрация президента США Дж. Байдена не вносила изменений в структуру тарифов.

Более того, в феврале 2021 года Дж. Байден подписал распоряжение об анализе глобальных цепочек поставок в четырех отраслях, сильно пострадавших от пандемии. К ним относятся компьютерные чипы, аккумуля-

ляторы большой емкости для электромобилей, фармацевтические препараты и важнейшие минералы в электронике. Эти отрасли также пострадали от торговой войны между США и Китаем, и это заставило переоценивать устойчивость своих фирм к глобальной цепочке поставок. Следствием того, что правительство США уделяет приоритетное внимание проверке цепочки поставок, является то, что Вашингтон хочет обезопасить свои цепочки поставок, чтобы уменьшить зависимость от Китая и повысить конкурентоспособность с Китаем в производстве таких товаров, как полупроводники⁴¹.

Пока торговая война не будет разрешена, потери от более высоких затрат будут продолжать расти. Высокие тарифы США остаются на товары на сумму 370 миллиардов долларов, импортируемые из Китая. Они охватывают широкий спектр товаров, от деталей машин до морепродуктов⁴².

В целом экономическая ось США-Китай, находящаяся в центре мировой экономики, дала глобальный сбой. Торговые войны и двухпартийный антикитайский консенсус в США указывают на то, что прежние экономические и политические отношения между двумя странами не восстановит. Наряду с российско-американской конфронтацией это приводит к глобальному тектоническому сдвигу в мировой политике.

Действия России, Китая и США почти механически подталкивают к российско-китайскому альянсу и его противостоянию с США. С Россией в качестве партнера, если США решат реализовать максимальное стратегическое давление против Китая, Пекину нечего будет опасаться. Китай не будет бояться энергетической блокады США и будет в состоянии обеспечить собственную продовольственную безопасность.

Углубление отношений между Китаем и Россией отчасти обусловлено общим мнением о том, что Соединенные Штаты и Европейский Союз ограничивают свои интересы и используют информацию и технологии для оказания влияния на своих противников.

Хотя Москва и Пекин по-прежнему имеют разные интересы и стратегии информационной конкуренции, тем не менее, в последние годы обе стороны значительно сблизились в своем общем видении глобального информационного пространства и связанных с ним вопросов национального суверенитета. «Интернационализация», или суверенизация интернета, управление которым фактически находится в руках США, вызывает опасения в преднамеренном использовании интернет-пространства для навязывания

собственных нарративов. Эта позиция противоречит концепции свободного и открытого интернета, обеспечивающего равные возможности для участия. Объединив усилия, Китай и Россия стремятся пересмотреть глобальное управление интернетом, обеспечивая «киберсуверенитет».

И РФ, и КНР придерживаются схожего понимания обеспечения информационной безопасности и выстраивания инфраструктуры интернет-пространства в своих странах. Контроль над интернет-сектором страны позволяет России в принципе отрезать российский интернет от остальной сети, направив трафик через контролируемую государством инфраструктуру. Аналогичным и даже более продвинутым образом развивается интернет-пространство КНР.

Для Китая глобальное внедрение сценария интернационализации управления интернетом является ключевой задачей, а Россия заинтересована в продвижении глобальных норм, узаконивающих ее собственную систему. Можно отметить, что сотрудничество в области информации и управления интернетом является одним из важных направлений сотрудничества.

Обе державы стремятся обеспечить безопасность в киберпространстве на основе равноправного участия всех стран и способствовать построению глобального порядка управления информацией и киберпространством⁴³.

По сути, долгосрочное ухудшение американо-китайских и американо-российских отношений, носящих структурный характер, требует от Китая и России ценить свое стратегическое партнерство. Это создает антиамериканский союз двух великих держав, направленный на установление более справедливого мирового порядка. В этой связи можно отметить, что контуры более тесного союза и нового мирового порядка, несколько проясняются⁴⁴.

Сотрудничество Китая и России носит прагматичный и конъюнктурный, а не идеологический характер. Обе страны особенно гордятся тем, что отвергают универсальные идеологические требования, фактически прибегая к принципам экономического и военно-политического господства.

Конфронтация США с Россией и Китаем, которая за последние годы трансформировалась в открытое противостояние на невоенном уровне является важным фактором дальнейшего стратегического сближения в стремлении переформатированию существующего мирового порядка.

Сближение России с Китаем Москва трактует как «разворот на Восток». Эта новая ориентация политики, ставшая следствием напряженности и противостояния с Западом, предполагала новые инициативы в более активном экономическом развитии дальневосточных регионов России, возрождении связей в рамках евразийской интеграции и установление более тесного политического союза с Китаем и странами Восточной Азии.

Растущие отношения России с Китаем стали наиболее успешным проецированием изменений. Обе стороны продолжают формировать стратегическое энергетическое партнерство. Китай также остается ключевым рынком сбыта российского оружия⁴⁵.

В условиях жесткого противостояния в России и Китае распространено мнение, что ни Россия, ни Китай, ни большинство других незападных стран не согласятся с миром, основанным на правилах, где правила были созданы Западом и навязаны без их согласия. Эти страны нацелены на равные и справедливые правила, основанные на международном праве и, в частности, на Уставе ООН. В течение достаточно долгого времени США злоупотребляли своей военной и долларовой гегемонией для ведения войн и санкций против других стран, нанося серьезный ущерб интересам большинству участников международных отношений. Злоупотребление США и Западом санкциями и превращение их в оружие привело к кризису легитимности основанной на американском долларе международной валютно-финансовой системы. С точки зрения безопасности, в интересах мира политика Китая и России, направленная против силовой политики и блоковой конфронтации и отстаивающая многосторонность в международных отношениях⁴⁶.

В то же время, в сложившихся условиях современная система международных отношений оказывается фрагментированной. В ней сосуществуют встречные течения, развиваются противоречия и конфликты. В настоящее время международная система представляет собой мир, в котором ценности Запада по-прежнему имеют важнейшее значение в публичных дискурсах и цивилизационных диалогах. Однако голоса и взгляды других цивилизаций и культур способствуют дифференциации, а не универсализму и подражанию.

Происходит децентрализация международных отношений. Этот период требует новых подходов, которые характеризуются большей открытостью к разнообразию, различиям и эклектизму и в большей степени ру-

ководствуются практическими деталями, содержательным пониманием, выработкой компромиссной политики, намерением решать системные вызовы и экзистенциальные угрозы. Вероятно, данные подходы в нынешних условиях могут быть более эффективными и функциональными, чем использование глобальных форумов для продвижения ценностей, политических предпочтений и полемических разногласий.

В условиях изменения глобального порядка возникает реальная угроза временного разделения мира на два конкурирующих международных порядка, Западный и незападный. Хотя незападный мир объединяет множество стран, очевидно, что российско-китайский альянс может сыграть в этом лидирующую роль, вероятно, не претендуя на гегемонию, но лидирующую роль в плане процесса формирования нового миропорядка⁴⁷.

Сближение России и Китая в настоящее время находится на очень высоком уровне, так же как и их видение нового мирового порядка. Так, обе державы прямо выражают свое несогласие с расширением НАТО, а Китай поддерживает российские предложения по созданию долгосрочных юридически обязывающих гарантий безопасности в Европе. Для Пекина это является принципиально важным показателем развития сотрудничества с Россией и своей позиции по поводу мироустройства, поскольку впервые с 1959 года Китай занял решительную и однозначную позицию по стратегически важному вопросу европейской безопасности в поддержку России⁴⁸.

Стратегический альянс РФ и КНР позволил Москве в 2021 году резко сократить свое военное присутствие на Дальнем Востоке, отправить один крейсер из состава Тихоокеанского флота («Варяг», базирующийся во Владивостоке) в Средиземное море. С августа 2021 года Россия и Китай неоднократно участвовали в совместных военных учениях и военноморском патрулировании. В ноябре 2021 года они подписали «дорожную карту» более тесного военного сотрудничества до 2025 года⁴⁹.

Сотрудничество РФ и КНР проявляется в решении региональных проблем. В частности, страны активно сотрудничают по вопросам развития Афганистана. Обеспокоенность России в первую очередь связана с безопасностью, в то время как озабоченность Китая связана как с безопасностью, так и с инфраструктурой. КНР готова расширить Китайско-пакистанский экономический коридор и включить в него Афганистан. Несколько важных региональных инициатив проходят транзитом через Афганистан, включая газо-

провод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ). Россия также участвует в энергетических проектах, согласившись построить «Инициативу PID» – российский трубопровод, который также поддерживается в рамках китайско-пакистанского экономического коридора⁵⁰.

В условиях трансформации системы международных отношений китайско-российское сближение одновременно приобрело качество союза, когда наблюдаются принципиальная близость мировоззрений и тесная координация политики, то есть все, за исключением формального союза.

Эта трансформация происходит из-за неспособности построить инклюзивный мировой порядок, который был бы компромиссным и включал бы в себя основных акторов. Процессы изменений также демонстрируют пределы Pax Americana, которое могло продолжаться только до тех пор, пока Соединенные Штаты были готовы нести бремя, а другие основные действующие лица соглашались с их гегемонией. Соперничество между США и Китаем и США и Россией, вероятно, будет усиливаться до тех пор, пока не будет установлен новый баланс.

При этом США, КНР и РФ имеют совершенно разные возможности и ресурсы. Они принадлежат к той же категории только в одном смысле – это три самых могущественных военных и геополитических игрока в мире, взаимодействие которых оказывает огромное влияние на глобальный стратегический порядок. Каждая страна имеет свою повестку дня, цели, стратегию и тактику. Это новая модель отношений.

Вашингтон видит в Пекине своего главного соперника, способного обогнать его в экономическом и потенциально технологическом плане, в то время как в Москве он видит по существу мешающего с непомерными амбициями.

Китай работает над тем, чтобы продолжить свое глобальное восхождение, хотя его основное внимание по-прежнему сосредоточено на внутреннем развитии и, прежде всего, на поддержании политического и социального порядка. Глобальное присутствие и влияние Китая расширяются, и стратегия Китая направлена на неуклонное усиление веса Пекина в международной системе и постепенное вытеснение США с лидирующих позиций. Отношения с Россией служат Китаю для обеспечения ему стабильного геополитического тыла и притока ресурсов, от энергетических до военных технологий.

Россия же пытается закрепить свой вновь восстановленный статус великой державы. Россия стремится сохранить свой геополитический су-

веренитет и независимость в сфере безопасности по отношению как к Соединенным Штатам, так и к Китаю. На обозримую перспективу Москва рассматривает Вашингтон как своего главного противника, а Пекин – как главного партнера.

Таким образом, современные отношения между Россией и Китаем характеризуются общим стремлением к выстраиванию нового, более справедливого и демократического мирового порядка. Недовольство доминированием США и Запада в целом носит комплексный характер, и изменение баланса сил в мире происходит в условиях все более жесткой конфронтации.

Причины обострения противостояния лежат в общем пренебрежении США к России и недооценке мирного возвышения Китая. К тому же, убеждение в превосходстве Запада подкреплялось недооценкой возможностей стратегического партнерства РФ и КНР.

И Москва, и Пекин сталкиваются с давлением Запада и выражают свое недовольство прозападными международными институтами, односторонними действиями и оценками США, господством в мировой финансовой системе и информационном пространстве.

РФ и КНР находятся в условиях экономического противостояния с Западом. Россия сталкивается с растущими санкциями, в то время как американо-китайские отношения претерпели крайне жесткий период торговой войны в период президентства Д. Трампа и ее негативных последствий, которые угрожают перейти в новый виток конфронтации.

Для России и Китая формирующийся новый мировой порядок означает не только изменения в военном или экономическом балансе сил, но затрагивают и сферу цивилизации и культуры, а также информационное пространство, в рамках которого все более актуализируется вопрос суверенизации интернета.

3.2. Взаимодействие РФ и КНР в рамках многостороннего сотрудничества

В контексте формирования нового мирового порядка следует отдельно остановиться на многостороннем сотрудничестве России и Китая как в рамках традиционных международных институтов, так и новых структурах, прежде всего тех, которые исключают участие США и стран Запада в целом. Среди организаций и структур многостороннего сотруд-

ничества следует выделить российско-китайское взаимодействие в рамках ООН, ШОС, БРИКС, АТЭС.

Россия и Китай занимают места постоянных членов Совета Безопасности ООН. Благодаря праву вето они имеют возможность блокировать любое нежелательное решение. Наряду с США, Великобританией и Францией, еще тремя постоянными членами Совета Безопасности ООН, РФ и КНР играют ключевую роль в этой глобальной организации.

Стратегическое сотрудничество Москвы и Пекина отражается на взаимодействии в ООН. В рамках совета Безопасности и других структур, входящих в систему ООН, Россия и Китай могут не всегда соглашаться друг с другом, но в силу сложившихся отношений не противостоят друг другу публично. Часто дипломаты двух стран работают вместе, чтобы формировать повестку дня, ход дебатов и влиять на их результаты.

Важным представляется именно тот аспект, что Россия и Китай уже не только влияют на принятие решений, но и формируют международные нормы и структуры глобального управления, продвигая принцип государственного суверенитета в противовес либеральной повестке дня, предлагаемой США и их союзниками, допускает вмешательство во внутренние дела под предлогом защиты прав человека или продвижения демократии⁵¹.

Важным представляется уровень поддержки обеих держав. В важнейшем для России вопросе касательно Крыма Китай воздержался при голосовании о признании незаконной агрессией действия РФ в 2014 году. Такая поддержка имеет большое значение в сложившихся условиях практически открытой и разносторонней конфронтации с Западом. Она восходит к 1990-м годам, когда в «Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка» 1997 года Москва и Пекин заявили о необходимости того, «чтобы взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права стали фундаментальной нормой ведения межгосударственных отношений и основой для создания нового международного порядка»⁵².

РФ и КНР заявляли о том, что «необходимо усилить роль ООН и ее Совета Безопасности», «место и роль ООН в мире как наиболее универсальной и авторитетной организации, состоящей из суверенных государств, не могут быть подменены никакой другой международной ор-

ганизацией. Стороны выражают уверенность в том, что ООН сыграет важную роль в установлении и поддержании нового международного порядка»⁵³.

РФ и КНР последовательно в том, что «миротворческие операции могут проводиться только по решению СБ ООН и только с согласия заинтересованных стран, в строгом соответствии с выданным мандатом Совета Безопасности и под его контролем»⁵⁴.

Относительно санкционной политики РФ и КНР отмечали, что «в тех случаях, когда Совет Безопасности ООН в соответствии с Уставом выносит решение о применении санкций, ущерб от их введения, как и ущерб для третьих стран и соседних регионов, должен быть сведен к минимуму. Сами же санкции необходимо своевременно смягчать и отменять по мере выполнения резолюций Совета Безопасности ООН»⁵⁵.

В документе, подписанном в 1997 году, РФ и КНР выражали готовность «вести регулярные консультации по соответствующим вопросам работы ООН и с учетом обстоятельств координировать свои действия в этой области»⁵⁶.

Анализ голосования РФ и КНР в Генеральной Ассамблее ООН показывает, что обе державы голосовали одинаково 77,4 % в период с 1991 по 2005 год, в этот же период Китай голосовал только 24,5 % раз согласно с США; в период с 2006 по 2018 год это число выросло до 85,4 %, в то время как число голосований в поддержку позиции США у Китая снизилось до 22,2 %⁵⁷.

Китай и Россия поддерживают друг друга в рамках ООН на основе общих национальных интересов и совпадения мнений по ключевым глобальным проблемам, в том числе роли ООН или будущего мироустройства.

Россия безоговорочно поддерживает Китай по вопросам, связанным с Китайским Тайбэем, или претензиями стран Запада по вопросам Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. РФ и КНР совместно проводят политику, направленную на решение таких проблем, как политическое урегулирование кризиса в Сирии, мирного урегулирования на Корейском полуострове, проблемы Афганистана, конфликт в Ираке, иранская ядерная программа, и др.⁵⁸

Важным направлением многостороннего сотрудничества для РФ и КНР является ШОС. Сотрудничество в сфере безопасности в рамках ШОС имеет все более усиливающееся военное измерение. Военно-политические

приоритеты были изначально российской инициативой, в то время как Китай первоначально отдавал приоритет экономическому сотрудничеству.

В то же время, страны ШОС уже с первых лет сотрудничества организовывали ряд квазивоенных учений, в которых участвовали как военные, так и военизированные силы.

Самыми значительными из этих учений ШОС были серии «Мирных миссий», которые проводятся раз в два года. Иногда эти учения вызывали серьезное международное внимание и даже вызывали тревогу⁵⁹.

Во многом благодаря этим учениям ШОС, которую совместно возглавляют Пекин и Москва, стала самой заметной евразийской региональной организацией безопасности. Но при этом ШОС не является военным блоком, и даже в случае подобных учений оборонный и институциональный потенциал отстает от НАТО.

ШОС по-прежнему лучше подходит для борьбы с терроризмом, обмена разведывательной информацией и коллективного правоприменения, чем для обычных оборонительных миссий.

За последние несколько лет китайское правительство стало более активно поддерживать давние усилия России по укреплению военного сотрудничества в рамках ШОС.

До этого китайские политики ограничивали военные возможности и деятельность ШОС, рассматривая борьбу с терроризмом и другими транснациональными угрозами как приоритетные и ограничивая ее более явную военную деятельность.

В учениях ШОС с 2014 года, включая военные игры Мирной миссии в Кыргызстане в сентябре 2016 года, сократилось количество участвующих военнослужащих и другие мероприятия. Пекин также ограничил связи ШОС с Индией, исключив потенциальные вызовы влиянию Китая в ШОС даже за счет его коллективных возможностей.

Однако после вступления Индии и Пакистана в ШОС была создана рабочая группа военных советников для анализа вопросов коллективной обороны и предложения рекомендаций по улучшению совместных действий членов.

В последние годы КНР все активнее поддерживает военное измерение сотрудничества. В 2018 году на саммите ШОС в Циндао лидеры правительств ШОС приняли программу на 2019–2021 годы по расширению «прагматического сотрудничества» между государствами-членами в борь-

бе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, в том числе путем обучения молодежи, подверженной риску заражения опасными идеологиями, противодействию попыткам радикализации в интернете и использование Региональной антитеррористической структуры ШОС для противодействия терроризму в региональном и глобальном масштабе.

Страны-члены также изъявили готовность расширить роль ШОС и стать движущей силой в урегулировании конфликтов в Афганистане, Сирии, на Ближнем Востоке и в Корее политическими и дипломатическими средствами на основе шанхайского духа взаимного доверия, выгоды, равенства, консультаций и уважения.

С 2018 года учения «Мирная миссия» расширены за счет включения большего числа участников и миссий. Индия и Пакистан, став полноправными членами ШОС, приняли участие в учениях, а Узбекистан в 2018 году направил военных наблюдателей впервые с 2010 года.

Китайские и российские эксперты, ссылаясь на логику дальнейшей интеграции и общие вызовы безопасности – от терроризма до предполагаемых угроз США – поддержали расширение китайско-российского сотрудничества в области обороны в рамках ШОС.

Важным направлением стала совместная борьба с наркоугрозой. Странами ШОС организована на серьезном практическом уровне работа по противодействию распространению наркотических веществ. ШОС активно сотрудничает с профильным управлением ООН, поскольку только совместными усилиями всего мира можно эффективно противостоять этой угрозе⁶⁰.

Развитие экономического сотрудничества в рамках ШОС также рассматривается как важное направление сотрудничества с учетом экономических возможностей противостояния угрозам региональной безопасности.

В этой связи в рамках Шанхайской организации сотрудничества принимаются все новые меры, направленные на комплексное противостояние этим угрозам, такие как:

- развитие региональной экономики;
- улучшение условий для региональной торговли;
- улучшение возможностей инвестиционной деятельности;
- совершенствование инфраструктуры;
- изучение условий создания индустриальных парков;
- улучшение уровня и качества жизни населения;

- развитие евразийских торговых коридоров от Восточной Азии до Западной Европы⁶¹.

Важное значение имеет такое направление, как информационная безопасность. Сотрудничество в рамках ШОС по данному направлению «на основе Программы сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»⁶².

На нынешнем этапе развития ШОС существует необходимость в дальнейшем укреплении ее структуры. Военное и оборонное сотрудничество – это важный показатель и показатель эффективного функционирования организации. Усиление военной составляющей ШОС и переход от акцента на борьбе с терроризмом и экстремизмом к более широкому кругу вопросов. более традиционных общих угроз безопасности, становятся тенденцией развития организации⁶³.

Как представляется, возможность быть услышанными на международной арене играет важную роль для стран Центральной Азии. На дипломатическом уровне у принципа принятия решений ШОС есть то преимущество, которого нет у многих других: заявления обладают большим дипломатическим весом, повышая доверие к многополярному миру. Расширяя заявления за счет включения всех государств-участников, члены ШОС могут добиваться большей легитимности говорить от имени всего евразийского региона.

Кроме того, традиционная российско-китайская дипломатическая повестка также достаточно согласуется с интересами правительств центральноазиатских республик и в значительной части с мнением Дели и Исламабада.

Этот дипломатический взгляд на ШОС представляет собой попытку установить российско-китайский нормативный взгляд на международные отношения, и, таким образом, представить альтернативу нынешней международной системе. Это нормативное измерение нацелено прежде всего на государства Центральной Азии, которые находят в ШОС набор правил международного поведения, не будучи скованным ими⁶⁴, а также, в определенной степени, на Индию и Пакистан.

Гибкая структура ШОС уже доказала свою надежность и эффективность. Немаловажное значение имеет то, что возникающие расхождения во мнениях пока не оказывают особого негативного воздействия на организацию. Ни одно из государств-членов не стремилось сделать это проблемой, жизненно важной для продолжения деятельности ШОС, потому

что слишком много других аспектов сотрудничества, которые делают ШОС важной составляющей их внешней политики.

Это свидетельствует о том, что ШОС уже действует как площадка для компромиссов и соглашений, либо через официальные программы, либо неформально.

Действительно, ШОС уже является рамками, в которой Россия, Китай, Индия и Пакистан достигли определенных компромиссов по потенциально острым вопросам региональной безопасности и развития Центральной Азии. Повестка дня ШОС истолкована как негласное соглашение между ведущими странами ШОС, Москвой и Пекином, где Россия сохраняет свою центральную роль в обеспечении безопасности и политической сфере в Центральной Азии, а Китай лидирует в области экономического развития, в то время как влияние Индии и Пакистана в регионе пока недостаточно ощутимо, чтобы они могли на равных с РФ и КНР отстаивать свои позиции и интересы.

Институционализация в структуре ШОС обеспечивает контакты между различными уровнями управления, создавая модели общения, которые могут успешно справиться с любыми расхождениями интересов.

Шанхайская организация сотрудничества развивалась благодаря сближению стратегических интересов и понимания угроз региональной безопасности со стороны великих держав Евразии, а также сразу после окончания холодной войны обеспокоенности по поводу потенциального вакуума безопасности в Центральной Азии, обострившейся опасности со стороны «глобализированного» терроризма.

Выражая также настороженность в отношении растущего американского влияния в Евразии, особенно после того, как началась война в Афганистане после 2001 г., РФ и КНР надеялись на «мирные дивиденды» в связи с окончанием холодной войны, что позволило бы урегулировать общие угрозы в сфере региональной безопасности.

ШОС активно развивается благодаря ограниченному количеству доступных вариантов для обеспечения большей безопасности в Центральной Азии.

Ни одна из держав не желала или не могла увеличивать свое военное присутствие в регионе в одностороннем порядке, равно как и создавать системы альянсов, подобных НАТО. В Центральной Азии это не находило понимания.

Изначально заняв свою нишу в системе региональной безопасности Центральной Азии благодаря успешному разрешению проблемы границ, ШОС направило усилия по улучшению условий для развития конструктивного взаимодействия в Центральной Азии.

В этой связи ШОС не стремилась позиционировать себя в качестве военно-политического альянса, как, например, ОДКБ или НАТО, несмотря на настороженность и озабоченность США и Запада в целом, однако развивала сотрудничество в рамках сообщества безопасности, принципиально смещая акценты.

Новым этапом развития стало расширение ШОС за счет Индии и Пакистан. Наряду с этим, Иран стремится стать полноправным участником ШОС, однако Китай пока не разделяет этого энтузиазма в силу неурегулированности проблемы ядерной программы Тегерана и его близких отношений с Дели, выраженных в том числе в совместном развитии иранского порта Чабахар и развития коридора «Север-Юг» и пути в Афганистан.

На встречах ШОС также присутствуют приглашенные делегации из ООН, стран АСЕАН и Содружества Независимых Государств. Привлечение структур и государств вне пространства ШОС также говорит о потенциале организации, в том числе в решении вопросов региональной безопасности.

Важным аспектом может служить усиление работы РАТС. В 2004 году в Пекине был создан постоянный Секретариат ШОС, и его задачей является организация и координация работы всех структур, в том числе Региональной антитеррористической структуры, которая базируется в Ташкенте.

Роль РАТС в настоящее время ограничена информационным взаимодействием касательно угроз региональной безопасности, прежде всего, терроризма, экстремизма и сепаратизма.

Перспективным направлением работы ШОС становится наращивание усилий по укреплению сотрудничества и большее вовлечение Организации Объединенных Наций.

Наряду с этим, важное значение имеет развитие сотрудничества с аналогичными ШОС структурами других регионов и континентов, например, с Африканским союзом.

Исходя из измерения безопасности, наиболее важным представляется обмен информацией по вопросу террористической деятельности на уровне всего мира.

Безопасность и приоритеты сотрудничества ШОС за последнее десятилетие существенно изменились в силу как внутренних, так и внешних факторов. Бывшая ранее приоритетом безопасность границ отступает на второй план перед терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также транснациональной преступностью и надвигающимися опасениями великих держав по вопросам взаимодействия между США (Западом), Китаем и Россией⁶⁵.

Важной задачей ШОС была и остается защита стран-участниц от нетрадиционных угроз безопасности, к которым относятся и угрозы, исходящие от деятельности террористических организаций, невзирая на уровень и масштаб их деятельности.

Формирование и развитие ШОС помогло заполнить образовавшийся после окончания холодной войны вакуум безопасности. При этом, с учетом распада СССР и изменившихся реалий, Россия и Китай успешно разделяют между собой ответственность в сфере региональной безопасности.

Российская позиция заключается в том, что ШОС должна становиться субъектом безопасности и необходимо формализовать этот процесс с конечной целью сбалансировать Запад.

Глубокий кризис в отношениях России и Запада означает, что Москва должна обращать больше внимания на восток, в том числе и на других членов ШОС, получая дипломатическую поддержку, но иногда с неоднозначными результатами.

Китай имеет целостный взгляд на ШОС, особенно в последние годы, рассматривая организацию не только как механизм безопасности, но и как потенциальную платформу для создания более многогранного евразийского сообщества.

Страны ШОС, включая Индию и Пакистан, выражают неизменную поддержку борьбы с «тремя злами», а также призывают к урегулированию конфликтов путем переговоров, в том числе в Афганистане и Сирии. Изоляционистская внешняя политика США также предоставила ШОС более широкие возможности для выработки собственной альтернативной политики. Например, встреча в Циндао в 2018 году включала призывы к более открытой глобальной экономике в отличие от протекционизма, провозглашаемого в то время президентом США Д. Трампом, а также предлагала поддержку продолжения ядерной сделки с Ираном 2015 года, от которой правительство США отказалось.

ШОС играет центральную роль в международных усилиях Китая по борьбе с терроризмом. Однако на практике влияние ШОС ограничивалось совместными военными учениями и некоторым обменом разведданными в рамках Региональной антитеррористической структуры.

Тем не менее, у Китая есть амбиции в отношении этой группировки, что также имеет важные последствия для успеха китайского экономического проекта «Пояс и путь».

Обеспечение безопасности на запланированном маршруте будет иметь решающее значение для полного раскрытия потенциала торговых маршрутов, простирающихся через регионы Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока.

Расширение сотрудничества в сфере безопасности между членами ШОС может иметь особый акцент на обеспечение стабильности в Афганистане. Поиск путей урегулирования выглядит перспективным направлением в контексте укрепления ШОС в архитектуре региональной безопасности Центральной Азии, однако на практике путь к миру, способный полностью изменить геополитику региона, выглядит скорее проблемным, чем перспективным.

Укреплению роли ШОС может служить инициатива Пекина о большей экономической интеграции – видению, которое должно быть реализовано через Евразийский экономический союз и Экономический пояс Шелкового пути. Пекин считает, что члены ШОС должны оказывать больше поддержки друг другу и работать над защитой основных интересов.

По мере того, как Китай подталкивает ШОС к расширению своих возможностей, организация получает новые возможности другим способом: за счет добавления новых членов.

В целом, сам размер и потенциальное влияние ШОС гарантируют, что его не могут игнорировать те, кто пытается понять происходящие сдвиги в глобальной безопасности⁶⁶.

Архитектура безопасности Центральной Азии включает в себя ключевые внерегиональные акторы Россию и КНР, многосторонние инструменты сотрудничества, такие как ОДКБ, СНГ, Евразийский союз, Организация экономического сотрудничества, и другие.

Среди них ключевую роль играет ШОС. Она объединяет четыре из пяти государств Центральной Азии и двух ведущих внешних акторов, а после присоединения Индии и Пакистана возросла и вовлеченность ведущих стран Южной Азии, обладающих ядерным оружием и мощным экономическим и транспортно-коммуникационным потенциалом.

Как представляется, фундаментальной причиной, по которой ШОС получила свое развитие в условиях непростой и динамично развивающейся внешней среды, является «Шанхайский дух», который, вероятно, во многом символизирует принципы нового мирового порядка, являясь отражением стремления к мирному урегулированию проблем на основе равенства, консультаций, уважение к культурному и цивилизационному разнообразию, а также развитию стран.

Как многосторонняя региональная международная организация, ШОС стала важной опорой, которая может оказать влияние на всю будущую архитектуру международной безопасности. Между государствами-членами ШОС уже сложились определенные отношения в рамках сотрудничества в различных областях с тенденцией ко все большему постепенному расширению сотрудничества, более открытого сотрудничества, обогащения механизмов многостороннего сотрудничества.

ШОС отличается от традиционного альянса или региональной организации с функциями управления. ШОС основана на принятии существующей реальности и осуществимости проектов, и создает эффективную модель регионального сотрудничества, соответствующую характеристикам региона.

ШОС уже трансформировалась из сотрудничества в области безопасности в более широкую структуру, в которой безопасность приоритетна, но важную роль играют также политическое, экономическое, культурное сотрудничество. Сотрудничество в области безопасности было одной из первоначальных движущих сил формирования ШОС как региональной организации. Но с развитием ШОС сфера сотрудничества постоянно расширялась, и сотрудничество формировалось в политической, экономической, военной, культурной и других областях на основе успешного опыта взаимодействия в области безопасности. Многоплановое сотрудничество стало важной движущей силой дальнейшего развития ШОС.

Тем не менее, сотрудничество в области обороны и безопасности является приоритетным направлением сотрудничества ШОС и все еще основной движущей силой развития ШОС. Сотрудничество ШОС в области безопасности включает в себя традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности. Традиционное сотрудничество в области безопасности в основном включает обеспечение безопасности границ, военные учения и другие практики, укрепления взаимного доверия в области обороны и во-

енно-технического сотрудничества. Нетрадиционное сотрудничество в сфере безопасности является важнейшей составляющей сотрудничества государств-членов ШОС в сфере безопасности, которое в основном проявляется в совместных усилиях по борьбе с «тремя злами» – терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, а также борьбе с незаконным оборотом наркотиков, транснациональной преступностью и незаконной миграцией.

В настоящее время сотрудничество ШОС в области безопасности сосредоточено на нетрадиционных сферах безопасности, и это сотрудничество в основном сосредоточено на борьбе с терроризмом. Еще в «Шанхайской пятерке», предшественнице ШОС, осуществлялось контртеррористическое сотрудничество. Когда ШОС была создана в 2001 году, она приняла Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, заложив прочную основу для совместных усилий по борьбе с терроризмом. После терактов 11 сентября 2001 года в США ШОС укрепила антитеррористическое сотрудничество в правовой основе, институциональной структуре и антитеррористических учениях. В современных условиях сформировалась и резко возросла угроза кибертерроризма. В 2020 году было принято «Заявление о пресечении использования сети Интернет и иных каналов для распространения терроризма, сепаратизма и экстремизма», в котором указано, что в рамках региональной антитеррористической организации ШОС очень важно обмениваться информацией, чтобы пресекать использование Интернета для пропаганды терроризма, сепаратизма и экстремизма, и продвигать углубление сотрудничества в этой области компетентных органов государств-членов⁶⁷.

Как представляется, в новых условиях трансформации системы международных отношений и резкого роста международной напряженности ШОС нуждается в дальнейшем расширении направлений сотрудничества на основе уже выработанных форматов и механизмов взаимодействия. В настоящее время сотрудничество ШОС уже расширилось до многопрофильного и многоуровневого взаимодействия, в частности, в плане политического сотрудничества, которое в основном направлено на решение пограничных вопросов и укрепление политического взаимодоверия и добрососедства между государствами-членами ШОС. Сотрудничество затрагивает вопросы урегулирования Афганистана, палестино-израильского конфликта, ситуации в Ираке, северокорейской ядерной проблеме, реформе Совета Безопасности ООН и другим вопросам⁶⁸.

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС охватывает торговлю и инвестиции, таможенную, финансы, налогообложение, транспорт, энергетику, сельское хозяйство, экономику, финансы, инвестиции и другие области, однако имеет значительный нереализованный потенциал.

Поскольку цифровые технологии стали важным двигателем экономического развития, существует большой потенциал для сотрудничества в области цифровой трансформации.

ШОС указывает на важность активизации всестороннего сотрудничества в сфере цифровизации и сокращения цифрового разрыва в экономическом развитии.

В сфере образования после саммита глав государств ШОС в Бишкеке в 2007 году и прозвучавшей на саммите идеи создания Университета ШОС, было активизировано взаимодействие в данном направлении. В настоящее время в программах ШОС участвуют 74 университета, из них 21 вуз в России, 20 вузов в Китае, 14 вузов в Казахстане, 10 вузов в Таджикистане и 9 вузов в Кыргызстане. Эти вузы, входящие в сети университетов ШОС, реализуют согласованные образовательные программы, ориентированные на такие направления, как информационные технологии, нанотехнологии, педагогика, регионоведение, экология, экономика, энергетика⁶⁹.

В период пандемии COVID-19 получило импульсы развития сотрудничество в области здравоохранения. В 2020 году ШОС сосредоточила приоритетное внимание на данном направлении, подчеркнув, что в рамках организации должно укрепляться сотрудничество, прежде всего, в области координации мер по реагированию на подобные чрезвычайные ситуации. Большое внимание должно уделяться реагированию на пандемию и профилактические будущие, а также укрепление научно-технического сотрудничества, касающееся разработки и использования вакцин, лекарственных средств и реагентов для проведения тестирования.

Опыт крупных держав, таких как Китай или Россия, мог послужить хорошим примером в преодолении страха и неопределенности периода пандемии COVID-19. Благодаря обмену опытом, а также роли в предоставлении вакцин, распределении и обмене некоторыми медицинскими материалами, предметами первой необходимости и различными вспомогательными средствами, сотрудничество сделало значительный шаг вперед, став еще одним показателем эффективности работы ШОС⁷⁰.

На деятельности ШОС не могли не сказаться проблемы, вызванные как сложностями развития самой организации, так и внешней средой. В саму ШОС входят четыре державы, обладающие ядерным оружием, Россия, Китай, Пакистан и Индия. Сам факт их присутствия в одной организации, которая стала многоплановой, но отдающей все же приоритет безопасности, создает определенные сложности.

К тому же, противостояние России с Западом и противоречия между Китаем и США создают внешние условия взаимодействия. После вывода своих сил из Афганистана Соединенные Штаты все еще имеют возможности влияния на Центральную Азию, воспринимая ШОС как продукт развивающегося регионального соперничества в условиях нового международного порядка. При этом ШОС, по существу, по-прежнему представляет собой традиционную региональную организацию, выстраивающую отношения по принципу консенсуса и конструктивного сотрудничества.

В то же время, принцип консенсуса может в некоторой степени оказывать противоречивое влияние на положение организации. Китай, Россия, Индия и Пакистан представляют собой страны, которые имеют собственные цели и развивают собственное видение приоритетов и перспектив сотрудничества. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан заметно уступают другим четырем странам по всем основным параметрам и ориентированы на сохранение независимости в принятии решений и не претендуют на лидирующую роль в рамках ШОС. Эти четыре центральноазиатских государства стремятся проводить политику, которая позволит сохранить независимость и добиться наилучших условий развития.

Механизм принятия решений, основанный на принципе консенсуса, учитывает может, при определенных обстоятельствах, усложнить оперативное и эффективное реагирование на происходящие события в регионе.

До расширения ШОС рамки сотрудничества представляли собой удачную модель равноправного участия всех государств-членов, основанную на принципе «2 + 4» (Китай, Россия плюс страны-члены из Центральной Азии). Близость интересов России и Китая и схожее видение центральноазиатских перспектив традиционно способствовало укреплению сотрудничества. Возможность для центральноазиатских стран принимать решения на основе равного статуса с Россией и Китаем способствовала равноправному участию и совместному лидерству, а также укреплению возможностей многосторонней сбалансированной дипломатии.

Индия и Пакистан усложнили общую картину из-за противоречий между собой и между Китаем и Индией. Устоявшаяся модель сотрудничества претерпела изменения, став следствием изменения баланса сил внутри организации.

Как следствие, в настоящее время ШОС переживает неоднозначный период, основанный на прошлых достижениях и продвижении к будущему, основанному на динамике внутри ШОС и внешней среды.

Как представляется, будучи региональной многосторонней международной организацией, отвечающей за региональное управление с момента своего создания, ШОС, вполне вероятно, будет играть более важную роль и добиваться больших успехов в будущем.

На протяжении последних двух десятилетий ШОС была открыта внешнему миру, ориентируясь на новый тип межгосударственных отношений и активно выстраивая сеть многосторонних партнеров. Новый тип межгосударственных отношений, основанный на взаимном уважении и взаимовыгодном сотрудничестве, является важной движущей силой углубления сотрудничества в рамках ШОС.

Новый тип межгосударственных отношений ШОС в основном проявляется в следующих трех аспектах. Во-первых, отношения между восемью государствами-членами ШОС основаны на принципах равенства, взаимного уважения, справедливости и справедливости независимо от размера и силы и решают традиционные и нетрадиционные вопросы безопасности путем диалога и консультаций. Через открытость и сотрудничество добиваться взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов и совместно способствовать развитию и процветанию в регионе ШОС.

Во-вторых, сформированы уникальные отношения между государствами-членами, государствами-наблюдателями и государствами-партнерами. В настоящее время в ШОС входят восемь государств-членов, четыре государства-наблюдателя, включая Афганистан, Беларусь, Иран и Монголию, и шесть партнеров по диалогу, включая Азербайджан, Армению, Камбоджу, Непал, Турцию и Шри-Ланку. Государства-члены ШОС, а также государства-наблюдатели и партнеры сотрудничают на основе взаимного уважения, консультаций, активно добиваются общих интересов и способствуют региональной безопасности, стабильности и процветанию.

В-третьих, отношения ШОС с Организацией Объединенных Наций и другими глобальными и региональными международными организациями.

На протяжении последних двух десятилетий ШОС всегда поддерживала авторитет Организации Объединенных Наций, активно устанавливала контакты и вела сотрудничество с Организацией Объединенных Наций и ее подразделениями, активно способствовала развитию международных отношений нового типа. В 2004 году ШОС получила статус наблюдателя ООН, и осуществляет эффективное сотрудничество с некоторыми подразделениями ООН, такими как Управление ООН по наркотикам и преступности, Секретариат Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Антитеррористическая комиссия Совета Безопасности ООН и Программа развития Организации Объединенных Наций⁷¹.

В целом сотрудничество в рамках ШОС, с ООН и другими международными организациями основано на взаимном уважении, открытости, инклюзивности и взаимной выгоде, что придает неисчерпаемый импульс развитию ШОС.

БРИКС, как и ШОС, является еще одной структурой без участия стран Запада. БРИКС объединяет Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику и представляет собой форум, который стремится согласовывать позиции и совместно работать над реформированием глобального экономического управления, чтобы лучше отражать реалии двадцать первого века.

БРИКС также все чаще пытается сформулировать общую политическую повестку дня, которая сосредоточена на том, что объединяет, а не (все еще) разделяет его членов.

БРИКС эволюционировал от «развивающихся рынков» к «державам», а сам термин был введен экономистом Goldman Sachs Джимом О'Нилом в 2001 году. Он ввел аббревиатуру «БРИК», чтобы выразить мнение о том, что четыре страны – Бразилия Россия, Индия, Китай – станут играть все более доминирующую роль в мире экономики в течение следующих пятидесяти лет⁷².

БРИКС дал повод образованию других аналогичных форумов развивающихся стран, с сопутствующими аббревиатурами, для отражения их «высоких потенциалов» в меняющаяся мировой экономике. Эти новые форумы появлялись и исчезали также быстро, как и идеи об их возникновении.

Однако БРИКС не только остался, но получил авторитет в качестве устойчивой группы государств, которая с конца 2009 год охваты-

вает также Южно-Африканскую республику, и продолжает развиваться в организацию, которая проводит регулярные встречи на высшем уровне и постоянные консультации, в рамках БРИКС происходят попытки институционализироваться, чтобы сформировать потенциальный противовес доминированию Западно-ориентированных международных организаций.

В 2009 году, в разгар глобального финансового кризиса и на фоне встречи в рамках G-20, группа БРИК провела свою первую официальную дипломатическую встречу в Екатеринбурге. В итоговом заявлении приводилась китайско-российская формулировка о том, что подписавшие стороны обязались поддерживать более демократичный и справедливый многополярный миропорядок, основанный на верховенстве международного права, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, согласованных действиях и коллективных решениях, создание всех государств. Тем не менее, в первоначальном коммюнике группы прямо не упоминаются Соединенные Штаты или «Запад».

С 2009 года БРИКС проводит ежегодные саммиты. В рамках форумов было объявлено о нескольких громких инициативах глобального управления. Хотя изначально БРИКС была сосредоточена на поощрении диалога и координации, чтобы выдержать глобальный финансовый кризис, группа стала продвигать «незападное» глобальное управление.

Появление БРИКС подчеркивает, как меняется распределение глобальной власти и настройка международной системы, оно же усилило участие и вовлеченность со стороны других государств.

В экономическом и демографическом отношении БРИКС коллективно обладает возможностями и ресурсами для того, чтобы потенциально определить направление любого будущего формирующаяся международного порядка наряду с традиционным «Западом»: а именно ЕС, США и, возможно, некоторыми другими государствами.

Часто БРИКС как не-западную новую развивающуюся группу в международной политической экономике рассматривают в контексте способности противостоять западной гегемонии на глобальном уровне.

Страны БРИКС набирают силу из-за сильной финансовой и централизованной банковской системы для защиты их от финансовых препятствий. Эта реальность подчеркивается для того, чтобы увеличить экономический рост в своем регионе⁷³.

Принципы, лежащие в основе БРИКС, отражены в заявлениях глав государств на саммитах и подведениях итогов в пяти столпах БРИКС. Основные принципы сводятся к следующему:

- экономическое сотрудничество;
- мир;
- безопасность;
- социальная справедливость,
- устойчивое развитие;
- качество жизни;
- политическое управление;
- экономическое управление;
- инновации и обмен знаниями между государствами-членами⁷⁴.

Многие принципы резонируют с заботой БРИКС об уравнивании воздействия и последствий нынешнего западного доминирования в политической и экономической сферах и управлении международными отношениями и институтами.

Многие страны и страны с развивающейся экономикой за пределами БРИКС рассматривают группу как поборника защиты и продвижения реформ в пользу развивающихся стран и хотели бы быть связаны с группой для этой цели. Они оказываются бессильными перед лицом господства Запада в международных финансовых институтах. Например, управление МВФ в значительной степени определяется системой квот для распределения голосующих акций среди стран-членов. В нынешней системе США сохраняют 17,4 % от общего числа голосующих акций, что дает право эффективного вето. 27 стран ЕС владеют 30,9 % голосующих акций. Поэтому западные державы могут сопротивляться любым крупным реформам в международной системе, а МВФ и Всемирный банк по-прежнему доминируют в Брюсселе и США: главы МВФ и Всемирного банка, по-прежнему, соответственно, из ЕС и США, в то время как Китай (вторая по величине экономика в мире) обладает голосующими акциями в МВФ, сопоставимыми с европейскими странами⁷⁵.

БРИКС создала собственный банк и резерв на случай непредвиденных обстоятельств, что является попыткой изменения существующего порядка, заставляя Запад задуматься о более глубоких реформах в международной финансовой системе. Это направление, конечно, является привлекательным вариантом для многих развивающихся экономик⁷⁶. Россия выступает за все-

мерное укрепление сотрудничества в рамках БРИКС. Москва обозначила следующие приоритеты своей работы в рамках БРИКС:

- «Укрепление многосторонних начал в глобальной политике, продвижение общих интересов стран БРИКС на международных площадках;
- Развитие сотрудничества в торгово-экономической и финансовой сферах;
- Сотрудничество в гуманитарной и культурной сферах, укрепление контактов между людьми»⁷⁷.

В рамках первого пункта Российская Федерация рассматривает следующие вопросы:

- продвижение объединительной повестки дня, основанной на соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права и учитывающей интересы всех государств;
- укрепление центральной роли ООН в международных отношениях;
- наращивание коллективных усилий в целях реагирования на глобальные и региональные вызовы и угрозы;
- развитие сотрудничества стран БРИКС в противодействии терроризму и экстремизму, коррупции, транснациональной преступности, незаконному обороту наркотиков и оружия;
- дальнейшее выстраивание взаимодействия в области исследования и использования космического пространства в мирных целях;
- продолжение диалога по вопросам обеспечения международной информационной безопасности и противодействия информационной преступности;
- укрепление механизмов координации стран БРИКС на ключевых многосторонних площадках;
- развитие взаимодействия со странами-партнерами объединения в формате «БРИКС плюс» и «аутрич»;
- активизация диалога по вопросам сотрудничества в сфере международного развития⁷⁸.

Касаясь развития экономического сотрудничества, Москва предполагает решение следующих задач:

- актуализация Стратегии экономического партнерства БРИКС;
- развитие торговли между странами БРИКС;
- содействие наращиванию потенциала Нового банка развития;
- совершенствование механизма Пула условных валютных резервов БРИКС;

- развитие и интеграция платежных систем стран БРИКС;
- запуск практической деятельности Женского делового альянса;
- содействие экономическому развитию удаленных территорий стран БРИКС;
- укрепление сотрудничества налоговых, таможенных и антимонопольных органов стран БРИКС;
- углубление сотрудничества в энергетической сфере;
- развитие взаимодействия в области цифровой экономики и инноваций;
- укрепление связей в сфере здравоохранения, включая совместные меры по борьбе с инфекционными и неинфекционными заболеваниями;
- наращивание пятистороннего диалога по вопросам сельского хозяйства и продовольственной безопасности;
- интенсификация контактов в сфере предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий⁷⁹.

В культурно-гуманитарном аспекте предусматривается:

- развитие связей по парламентской линии;
- наращивания взаимодействия в сфере культуры;
- интенсификация взаимодействия образовательных организаций стран БРИКС;
- дальнейшее развитие Сетевого университета БРИКС;
- активизация молодежных контактов;
- расширение взаимодействия в области спорта, проведение спортивных игр БРИКС;
- углубление взаимодействия в рамках форматов общественной дипломатии;
- укрепление контактов между представителями журналистского сообщества стран БРИКС⁸⁰.

БРИКС выглядела лучше, чем другие институты глобального управления в условиях кризиса COVID-19. Хотя G7 используется ведущими западными державами для укрепления своих позиций в конкуренции с западными странами и для восстановления основанного на правилах международного порядка, БРИКС основывается на совершенно иных ценностях, придерживается целей и задач Устава ООН и идеи равенства.

Основная программа реформ БРИКС на сегодняшний день была структурирована на глобальном экономическом управлении, и, в частности, чрезмерной представленности Запада в международных финансовых

институтах. Такая повестка дня играет на нежелании западных стран сделать институциональные выводы об их относительном снижении в мире и позволяет получать поддержку со стороны других развивающихся и развивающихся стран по всему миру.

БРИКС как структура, созданная на воне стремления растущих незападных стран создать многосторонние институты, соответствующие их собственным конкретным целям и идентичности, во многом зависит от того, как будет формироваться баланс сил в трансформирующейся системе международных отношений и сохранится ли или насколько изменится прозападный глобальный гегемонистский порядок.

В условиях трансформации структур мирового порядка растущим державам сложно отстаивать свои интересы самостоятельно, и в этих условиях им легче полагаться на многосторонние институты для достижения своих целей. Аналогичным образом страны БРИКС стремились улучшить координацию вопросов, представляющих взаимный интерес. Это продолжающееся сотрудничество БРИКС было основано на конкретных расчетах, сделанных государствами-членами с точки зрения их определенных национальных интересов и достижения внешнеполитических целей. Страны-члены руководствовались общими целями реформирования мировой финансовой системы, усиления региональной власти растущих держав, сотрудничество в достижении общих внешнеполитических целей, в том числе в рамках формирующихся новых формальных международных институциональных структур⁸¹.

Коллективное требование реформы мировых финансовых институтов и согласование позиций является важнейшим для понимания принципов эффективности БРИКС, ее перспективных целей. Осознание, что страны БРИКС сами по себе еще не в состоянии активизировать глобальные усилия для решения тех или иных проблем, подталкивает их к продолжению сотрудничества для реализации преимуществ, полученных благодаря коллективному подходу в международных организациях.

Однако эскалация противостояния между США и их союзниками, с одной стороны, Россией и в определенной мере Китаем, с другой, оказывает влияние и на позицию стран БРИКС, которые вынуждены учитывать разнообразные факторы, такие как сложная динамика взаимодействия между Индией и Китаем, присоединение к антироссийским санкциям Бразилии в 2022 году, взаимодействие Индии с США, интен-

сивно растущие связи между Россией и Китаем, ход конфликта между Россией и Западом.

Сложное сочетание глобальных, региональных и национальных факторов может оказать разностороннее влияние на расширенную повестку дня БРИКС уже в краткосрочной или среднесрочной перспективе.

Тем не менее, БРИКС формируют достаточно развернутую повестку дня, о чем свидетельствует онлайн-саммит 2021 года. Она охватывает как сотрудничество внутри БРИКС по целому ряду общих проблем, так и вопросы глобального управления. В частности, можно выделить многостороннее сотрудничество и продолжение реформирования существующих многосторонних институтов, призванных разрешать вопросы глобального управления. Цель реформирования – создание условий для более справедливого и равноправного урегулирования, и, в конечном счете, более эффективного и представительного сотрудничества.

Еще одним приоритетом была обозначена международная безопасность, которая исследует сотрудничество как в сфере традиционных, так и нетрадиционных угроз миру и безопасности. Особое место здесь занимает проблема терроризма, которая вызывает основную часть дебатов. Другими угрозами являются незаконный поток капитала, отмывание денег и экстремизм.

Приоритетным направлением сотрудничества стала цифровизация с упором на глобальную основу для цифровых общественных благ, цифрового управления и цифровизации для устойчивого развития. Другим аспектом обсуждений стала проблема использования цифровизации для поощрения инклюзивности в процессе роста и развития.

Наконец, важным направлением на саммите БРИКС 2021 года стала проблема изменения климата и достижения целей устойчивого развития для решения вопроса о том, как проблема изменения климата влияет на реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Обсуждаемые конкретные вопросы включали потребность в большем финансировании борьбы с изменением климата, наращивание потенциала и благоприятные экосистемы для инноваций⁸².

Председательство КНР в БРИКС в 2022 году может быть символическим, поскольку именно от Пекина в 2017 году исходила идея сотрудничества БРИКС плюс. За 5 лет, прошедшие со времени прошлого председательства КНР, потребность стран БРИКС в налаживании контактов с эко-

номиками глобального Юга и в продвижении своего видения более сбалансированного глобального управления. Различные модальности структуры БРИКС плюс все больше указывают на актуальность регионального подхода, который отдает приоритет более тесному сотрудничеству между региональными интеграционными соглашениями, членами которых являются страны БРИКС, а также их соответствующими региональными институтами развития.

В структурной сфере ключевой тенденцией последних нескольких лет является появление «экономики платформ», когда корпоративные платформы становятся ведущими двигателями роста и инноваций. Аналогичные тенденции наблюдаются и на региональном уровне, где мегарегиональные интеграционные механизмы служат платформами для объединения множества двусторонних и региональных зон свободной торговли.

Все это указывает на целесообразность дальнейшего развития платформы БРИКС плюс на основе сотрудничества региональных интеграционных объединений и их институтов развития, участниками которых являются страны БРИКС.

БРИКС пока еще не может выступать в качестве альтернативной системы миропорядка, в том числе в области экономики или финансов, и темпы роста экономик стран БРИКС являются здесь важными показателями, определяющими ее тенденции и перспективы⁸³.

Начавшийся процесс институционализации БРИКС и активизации сотрудничества находится под непосредственным влиянием внутренней и внешней динамики происходящих процессов. Однако, при всех имеющихся сложностях или противоречиях, в том числе касательно взглядов на текущие события или сотрудничество, БРИКС остается важной площадкой ареной обсуждения, которая востребована в современных условиях и альтернативы которой пока не сформировано.

Станет ли БРИКС независимым фактором, или независимой переменной в современных международных отношениях, будет ли оказывать соразмерное амбициям геополитическое влияние, зависит от экономического положения ее стран-членов, и тенденций развития международной ситуации⁸⁴.

Перспективы БРИКС непосредственно зависят от динамики противостояния Запада с Россией и Китаем. Попытки Пекина подтолкнуть группу в предпочтительном для нее направлении отражают более широ-

кую закономерность. БРИКС представляет собой один из множества новых региональных и международных форумов, основанных и продвигаемых региональными и великими державами, стремящимися расширить свое глобальное влияние и подорвать власть западных институтов в глобальном управлении.

Есть мнения, что в современных условиях можно видеть перспективы более глубокого сотрудничества стран незападных объединений. Так, российский исследователь Я. Лисоволик отмечает: «С точки зрения практической реализации одним из наиболее доступных форматов для БРИКС+ представляется объединение трех общеконтинентальных региональных объединений, включающее в себя Африканский Союз, СЕЛАК (объединение латиноамериканских стран), а также ШОС/ШОС+ в Евразии. Такого рода альянс дает максимальный охват стран глобального Юга, который не требует глубокой и сложной экономической интеграции или гармонизации форматов экономического взаимодействия на всех трех континентах. Расширенный формат дает возможность координации взаимодействия для развивающихся стран на международной арене в сфере продвижения приоритетов повестки глобального Юга в области устойчивого развития»⁸⁵.

Другим перспективным направлением может стать «платформа взаимодействия региональных интеграционных блоков, в которых участвуют страны БРИКС. Такого рода платформа может включать в себя приоритетные региональные интеграционные проекты стран БРИКС – МЕРКОСУР, Южноафриканский таможенный союз, БИМСТЕК, ЕАЭС, а также ВРЭП или Зона свободной торговли Китая и АСЕАН. Все эти региональные блоки могут скоординированно вести сотрудничество в направлении гармонизации стандартов и более открытого экономического пространства для торговли и инвестиций стран БРИКС и их региональных партнеров»⁸⁶.

Региональная интеграция занимает важное место для всех стран БРИКС. В этой связи можно рассматривать возможности проецирования формата «региональных интеграционных блоков (РФ-ЕАЭС, Бразилия-МЕРКОСУР, Южная Африка – ЮАТС), в связи с чем фактически единственно возможным форматом экономической интеграции и открытия рынков между странами БРИКС может стать региональный формат БРИКС+ на основе «интеграции интеграций»⁸⁷.

Как считается, глобальная экономика в последующие десятилетия будет определяться ростом развивающихся рынков, таких как БРИКС, и глобальные форумы по выработке политики, такие как «G7», должны быть реорганизованы, чтобы учесть меняющиеся обстоятельства. Тем более, что прогнозы указывают на возможность для Китая обогнать экономику США, а для Индии обогнать экономику Японии⁸⁸.

В сфере многостороннего сотрудничества России и Китая следует отметить Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Спецификой этой организации является ее изначальная проамериканская направленность. Созданная в 1989 году, эта организация отражала особенности постбиполярного мира в экономической сфере. В частности, среди целей заявлялось создание зоны либеральной, свободной и открытой торговли и инвестиций.

Экономическую ориентированность организации подчеркивает то, что формально в ее состав входят «экономики», а не государства, что позволяет, например, Тайваню участвовать в работе форума с одобрения КНР.

Россия вступила в АТЭС в 1998 году. Однако вплоть до «поворота в Азию», который был озвучен в 2014 году, АТЭС оставалась на периферии внимания Москвы, даже при том, что саммит АТЭС 2012 года состоялся во Владивостоке.

К этому времени активизировалось китайско-американское стратегическое соперничество в Азиатско-тихоокеанском регионе. На саммите АТЭС 2011 года, состоявшемся в Гонолулу, США, американская сторона открыто обвинила КНР в нарушении прав интеллектуальной собственности и искусственном курсе юаня, направленном на поощрение экспорта из Китая. Более того, в то время президент США Б. Обама заявил, что сложившуюся ситуацию изменить одними политическими решениями невозможно, подчеркивая конфронтационный характер противоречий. Американская инициатива «зеленых коридоров», направленная на борьбу с загрязнением окружающей среды, в то время трактовалась как мера, направленная против экономики Китая.

Продвижение Б. Обамой своего проекта Транс-тихоокеанского партнерства, нацеленного на создание зоны свободной торговли, рассматривалось как альтернатива или подрыв образованной зоне свободной торговли КНР-АСЕАН, открывшейся с 2011 года.

В то же время, на повестке дня КНР стояли вопросы развития инновационной экономики и усиление своего регионального влияния посред-

ством наращивания возможностей на море, финансового лидерства Шанхая, урегулирования территориальных споров с Японией и странами Юго-Восточной Азии, наконец, объединение с Тайванем⁸⁹.

Россия же в это время постепенно реализовывала стратегию наращивания экспорта энергоресурсов в АТР, стремясь к созданию единой системы добычи, переработки и транспортировки в страны Восточной Азии.

Существенные сдвиги к сближению произошли, начиная с 2014 года. К этому времени КНР стремилась реализовать проект зоны свободной торговли в рамках АТЭС, в том числе сближения и расширения уже существующих и планируемых странами-участницами. Важнейшим элементом продвигаемых инициатив стало лидерство Китая.

Россия же столкнулась с давлением и санкциями Запада, что вынудило ее быстро переводить экспортные возможности на Восток. Центральное место в этих проектах занял Китай.

Россия оказывала полную политическую поддержку лидерству Китая в предлагаемых им проектах зоны свободной торговли АТЭС. Пекин же полностью поддержал готовность России в будущем присоединиться к зоне свободной торговле АТЭС⁹⁰.

Важную роль в росте взаимной поддержке в рамках АТЭС сыграли подписанные в 2014 году проекты строительства газопроводов «Сила Сибири» и «Алтай», которые, с одной стороны, стали свидетельством разворота России на Восток, с другой – предоставили КНР важную альтернативу поставок нефти и газа. Эксперты в основном положительно оценивали роль данных маршрутов как для экономик двух стран, так и в геополитическом и геоэкономическом плане⁹¹.

Важной особенностью сотрудничества в рамках АТЭС является та, что «многостороннее экономическое сотрудничество в АТЭС складывается из взаимодействия стран между собой на двусторонней основе по принятым сообща критериям экономического развития»⁹².

Россия имеет ряд целей в АТЭС. Среди них:

- Отход от излишней ориентации на Европу и США в нашем политическом и экономическом мышлении и общественном сознании; выделить азиатско-тихоокеанское направление в качестве одного из приоритетных в российской внешней политике.

- Укрепление политического и дипломатического присутствия в регионе АТЭС:

- поддержание стабильных и дружеских отношений, прежде всего с соседними и с ведущими странами региона;
- заключение многосторонних экономических и политических соглашений с субрегиональными интеграционными группировками;
- координация позиций России и стран АТЭС в международных организациях.
- Активизация российского участие на ключевых направлениях деятельности Форума.

В последние годы в развитии внешнеэкономических связей России со странами АТЭС наметились некоторые разнополюсные тенденции: с одной стороны, увеличился товарооборот, активизировались деловые контакты на федеральном и региональном уровнях, получили развитие отдельные направления научно-технического и инвестиционного сотрудничества.

Доля АТЭС во внешнеторговом обороте РФ стала ощутимой. Расширение торговли со странами АТР тесно связано с освоением прежде нетрадиционных для России рынков – Таиланда, Сингапура, Гонконга, Тайваня, которые начинают конкурировать с традиционными российскими партнерами. Основными торговыми партнерами России в регионе остаются Китай, Япония и Республика Корея.

Тем не менее, масштабы российско-китайских связей заметно уступают по объемам экономическим связям Китая с другими экономиками АТЭС. Доля России во внешней торговле Китая составляет менее 2 % (8-е место), в то время как Японии – более 20 %, США – порядка 15 %⁹³.

Рассматривая торгово-экономическое сотрудничество России с указанными странами, необходимо отметить неудовлетворительную с точки зрения интересов России структуру товарооборота.

Традиционно сильная сырьевая направленность экспорта и его узкая номенклатура остается слабым местом России: минеральные продукты, металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, древесина и целлюлозно-бумажные изделия, машины, оборудование и транспортные средства, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – это то, что экспортирует Россия в страны региона.

В структуре российского импорта преобладала доля готовой и высокотехнологичной продукции: машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности, продовольственные

товары и сельскохозяйственное сырье, текстиль, текстильные изделия и обувь, металлы и изделия из них.

Отметим также недостаточную степень вовлечения России в процессы заключения двусторонних и многосторонних региональных торговых соглашений/соглашений о свободной торговле на пространстве АТЭС.

Таким образом, при сохранении сложившейся экспортной специализации РФ задача получения дополнительных льгот и преференций теряет свою важность и актуальность.

Однако если в перспективе Россия повысит в национальном экспорте долю продукции высокой степени обработки, ее пассивность по заключению двусторонних договоров с ведущими партнерами по АТЭС недопустима, так как может возникнуть проблема доступа на рынки экономик Форума.

Что касается объемов привлекаемых иностранных инвестиций, то из стран АТЭС в число значимых инвесторов входит только Япония. Большая часть инвестиций направлялась в добычу полезных ископаемых, автомобилестроение, переработку древесины, пищевую и рыбную промышленность, сферу рыночных услуг.

Перспективным направлением взаимодействия РФ с экономиками АТЭС является сотрудничество в области развития транспортно-логистических коридоров, проходящих через территорию России.

Россия обладает огромным транзитным потенциалом, однако он стал использоваться ход в какой-то мере только после строительства Транссибирской магистрали чуть более столетия назад. Тем не менее, это остается в значительной степени нереализованным, хотя и имеющим огромный потенциал, направлением сотрудничества.

Российская Федерация заинтересована в реализации проекта транспортного коридора, который запланирован в рамках проекта «Один пояс, один путь», с использованием российских морских портов в Приморье и других российских регионах. Однако это может быть возможно только после снятия санкций.

Россия намерена также участвовать в строительстве железных и автомобильных дорог из Восточной и Юго-Восточной Азии в Европу. Это позволит сделать важный шаг в развитии региональной транспортной инфраструктуры.

АТЭС – важный форум для Китая, позволяющий продемонстрировать свою приверженность экономической открытости. Согласованная либе-

рализация торговли в регионе АТЭС снижает негативные последствия либерализации торговли Китая.

Поскольку мир и Азиатско-Тихоокеанский регион претерпевают глубокие изменения, Китай призвал к совместным усилиям по созданию Азиатско-Тихоокеанского сообщества с общим будущим, отличающимся открытостью, инклюзивностью, инновационным ростом, большей связью и взаимовыгодным сотрудничеством.

На форуме в ноябре 2020 года председатель КНР Си Цзиньпин отметил важную роль АТР в качестве лидера в защите мира и стабильности, поддержании многосторонности и содействии открытой мировой экономике⁹⁴.

Китай высоко ценит роль Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и будет продолжать поддерживать развитие этой организации, поскольку АТЭС стал важной платформой для содействия экономическому сотрудничеству между 21 экономикой Азиатско-Тихоокеанского региона⁹⁵.

Однако в настоящее время регион сталкивается с такими вызовами, как негативная реакция на экономическую глобализацию, рост односторонности и протекционизма, а также последствия пандемии COVID-19, и это тревожит Пекин⁹⁶.

Китай намерен стимулировать экономический рост за счет инноваций и открытости, способствуя совместному развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В условиях пандемии COVID-19 и преодоления ее последствий выявились определенные аспекты как проблемных, так и перспективных направлений развития региональной интеграции. Очевидно, что любая схема региональной интеграции, включая соглашения о свободной и/или региональной торговле, должна быть направлена на содействие преодолению проблем, выявленных пандемией COVID-19 и связанных с ней.

Среди этих проблем выделяют такие, которые в наибольшей степени влияют на торговлю и которые даже могут быть обозначены как наиболее критические. К ним относятся сбои в доступе к товарам первой необходимости, проблемы в осуществлении торговли услугами, логистические проблемы цепочки поставок, особенности цифровой трансформации, прозрачность происходящих процессов и «узкие места» в сфере регулирования, прежде всего, в сфере торговли товарами первой необходимости⁹⁷.

В частности, в период пандемии COVID-19 были выявлены проблемы с товарами первой необходимости, и введены некоторые экспортные ограничения на товары первой необходимости, которые в некоторой степени продолжают оказывать свое влияние. Медленно происходит процесс восстановления торговых отношений до допандемического уровня, и в целом остается заметным рост ограничений на трансграничную торговлю во всем регионе. Резко возросли задержки прибытия судов, что указывает на логистические проблемы. На этом фоне выросли фрахтовые ставки.

АТЭС, как инкубатор интеграционных идей, может принять во внимание эти проблемы и включить новые темы, связанные с упрощением торговли товарами, услугами, облегчением процедур торговли и совершенствованием вопросов цифровизации.

Страны-члены могут объединиться, чтобы взять на себя обязательства не вводить новых экспортных ограничений на товары первой необходимости и обеспечить их полную доступность для коммерческих закупок в регионе. Для развития цифровой экономики необходимы современные торговые правила в отношении конфиденциальности данных, локализации данных, трансграничных потоков данных и электронной коммерции, среди прочего, защита прав потребителей, электронные платежи и электронные подписи⁹⁸.

В целом, АТЭС призвана поощрять устойчивость экономики, принимая коллективные инициативы, включая деятельность по наращиванию потенциала, в областях, представляющих растущий интерес.

Пекин рассматривает в качестве своей приоритетной задачи в рамках АТЭС скорейшее создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ФТААР).

Предложение ФТААР было выдвинуто в 2004 году и записано в декларации встречи АТЭС в 2006 году. Во время встречи АТЭС в 2014 году в Пекине эта инициатива совершила прорыв: члены АТЭС единогласно приняли Пекинскую дорожную карту ФТААР для достижения цели.

Подписание Соглашения о свободной торговле в рамках Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) рассматривалось как значительный шаг на пути к созданию Соглашения о свободной торговле.

Пакт был подписан 15 странами-участницами, включая 10 стран-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а также Китай, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию.

Создание ВРЭП оставляет США за пределами двух основных азиатских пактов о свободной торговле. Пока администрация Обамы координировала кропотливые переговоры о торговле в рамках Транс-тихоокеанского партнерства, которые отверг Д. Трамп уже через несколько дней после вступления в должность в 2017 году, в Восточной Азии происходили важные изменения.

Со своей стороны, через неделю после подписания ВРЭП Си Цзиньпин попытался подчеркнуть приверженность Китая открытости, подчеркивая, что открытость позволяет стране двигаться вперед, а «уединение» сдерживает ее⁹⁹.

Китай приветствует подписание ВРЭП и «благосклонно» рассматривает возможность присоединения к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (СРТРР)¹⁰⁰.

Вступивший в силу 30 декабря 2018 года, СРТРР представляет собой торговый пакт между 11 странами, включая Японию, Канаду, Австралию, Сингапур, Чили и Мексику, совокупный валовой внутренний продукт которых составляет 13 % мировой экономики.

По словам Си Цзиньпина, необходимо приложить усилия, чтобы способствовать свободной и открытой торговле и инвестициям и сделать экономическую глобализацию более открытой, всеобъемлющей, сбалансированной и выгодной для всех¹⁰¹.

Китай должен стремиться к росту, основанному на инновациях за счет улучшения цифровой инфраструктуры и преодоления цифрового разрыва в регионе.

Цифровые технологии должны играть более важную роль в содействии обмену опытом по борьбе с эпидемиями, ускорению экономического восстановления и искоренению бедности в регионе.

Акцент на инновации соответствует собственным приоритетам Китая в области развития. Страна обещает поддерживать центральную роль инноваций в своем стремлении к модернизации и использовать самостоятельность в науке и технологиях в качестве стратегической основы национального развития в соответствии с недавно обнародованным планом своего развития на следующие 15 лет.

Китай выступает против протекционизма и закрытых блоков, занимая близкую России и противоположную США позицию, стремясь улучшить возможности «подключения», как жизненно важной основой

региональной экономической интеграции. Это означает активные усилия по созданию «зеленых полос» с другими сторонами, чтобы помочь повысить эффективность таможенного оформления во время пандемии и стабилизировать производственные цепочки и цепочки поставок в регионе и за его пределами.

Глава Китая также выразил надежду на сотрудничество с другими сторонами для построения высококачественной инфраструктуры проекта «Пояс и путь».

Пекин считает, что экономики региона в значительной степени дополняют друг друга, и экономическое сотрудничество никогда не было политической игрой с «нулевой суммой», в которой проигрыш одного означал бы выигрыш другого. Скорее, сотрудничество предоставляет платформу для развития, чтобы гарантировать, что то, что каждый делает, может быть взаимно подкрепляющим и полезным для всех.

В целом, российские и китайские ученые склонны по-разному представлять многостороннее сотрудничество в современной динамике международных отношений.

В частности, касательно «постзападных» региональных организаций и их значения, российские эксперты склонны видеть в таких группах, как БРИКС, в качестве антагонистов прозападной международной системы. В этом позиции схожи с преобладающими оценками западных исследователей. Для китайских экспертов характерен более сдержанный оценки, и в них эти структуры скорее рассматриваются как дополняющие существующие международные институты, играющие схожую роль в глобальном управлении¹⁰².

Новые региональные структуры призваны постепенно изменять прозападный мировой порядок. Прежде всего, эти организации и структуры способны создавать сетевое взаимодействие между собой. В дополнение к этому, их рост влечет за собой нарушение функциональной деятельности и юрисдикции контролируемых Западом международных институтов.

По мере увеличения числа новых региональных организаций они устанавливают взаимные контакты и признают друг друга. Их контакты, диалоги и совместные инициативы с другими незападными организациями способствуют созданию сетевой инфраструктуры, которая обходит или, по крайней мере, параллельна существующей «западной» инфраструктуре. Формирующийся «мир без Запада»¹⁰³ уже ведет к постепен-

ному замещению прежних институтов. Сетевое взаимодействие приобретает особое значение, поскольку оно начинает составлять большую долю общего глобального управления и экономического обмена. С этой точки зрения, они приводят к серьезному сдвигу в формирующемся международном порядке.

Международные и региональные организации под руководством России и Китая рассматривают взаимное признание как высокий институциональный приоритет и поэтому делают упор на различные формы координации между элементами новой инфраструктуры, включая проведение большого количества совместных саммитов и встреч. Например, саммит БРИКС 2015 года прошел в форме совместного саммита с ШОС и ЕАЭС, а ШОС стремится расширить свои меморандумы о взаимопонимании с различными органами ООН, ОДКБ, АСЕАН, СВМДА. Более того, все эти группы, похоже, привержены расширению своего членства и внешних партнерств.

Институты под руководством России и Китая также изменяют международный порядок, создавая новые межправительственные группировки и новые формы взаимодействия между государствами. Такие форумы представляют собой важные геополитические конструкции.

Поскольку БРИКС, возможно, является наиболее заметной из этих новых «постзападных» группировок, она повлекла за собой появление схожих структур.

Официальное расширение ШОС в 2017 году за счет включения Пакистана и Индии сигнализировало о ее переходе от организации, выступающей в качестве форума для сотрудничества в Центральной Азии, к гораздо более широкому взаимодействию с Евразией и Южной Азией.

Эти новые организации также могут подорвать традиционную деятельность западных акторов и их способность использовать членство в международных организациях в качестве инструмента влияния. Расширение этих организаций также дает государствам возможность требовать от западных организаций больших уступок или лучших условий взаимодействия, тем самым потенциально изменяя процедуры, стандарты и условия, обычно навязываемые ими в качестве организационной практики. Даже относительно слабые государства, те, у которых традиционно нет рычагов воздействия, могут все чаще использовать доступность и партнерство новых институтов, чтобы потребовать лучших условий сотрудничества¹⁰⁴.

Таким образом, подводя итоги главы 3, можно сделать следующие выводы.

1. Современные отношения между Россией и Китаем характеризуются общим стремлением к выстраиванию нового, более справедливого и демократического мирового порядка. Недовольство доминированием США и Запада в целом носит комплексный характер, и изменение баланса сил в мире происходит в условиях все более жесткой конфронтации.

Причины обострения противостояния лежат в общем пренебрежении США к России и недооценке мирного возвышения Китая. К тому же, убеждение в превосходстве Запада подкреплялось недооценкой возможностей стратегического партнерства РФ и КНР.

И Москва, и Пекин сталкиваются с давлением Запада и выражают свое недовольство прозападными международными институтами, односторонними действиями и оценками США, господством в мировой финансовой системе и информационном пространстве.

РФ и КНР находятся в условиях экономического противостояния с Западом. Россия сталкивается с растущими санкциями, в то время как американо-китайские отношения претерпели крайне жесткий период торговой войны в период президентства Д. Трампа и ее негативных последствий, которые угрожают перейти в новый виток конфронтации.

Для России и Китая формирующийся новый мировой порядок означает не только изменения в военном или экономическом балансе сил, но затрагивают и сферу цивилизации и культуры, а также информационное пространство, в рамках которого все более актуализируется вопрос суверенизации интернета.

2. Российско-китайское сотрудничество эффективно проявляет себя на многосторонней основе. В частности, обе державы постоянно поддерживают друг друга в рамках ООН, и даже при наличии разногласий никогда не обсуждают их публично. Обе державы разделяют мнение относительно главенствующей роли ООН в формирующемся мировом порядке и их сотрудничество является одним из наиболее устойчивых факторов.

Российско-китайское сотрудничество постепенно меняет баланс сил в организациях с участием стран Запада, таких как АТЭС, где в последние годы именно Пекин при поддержке Москвы стремится взять на себя ответственность за создание зоны свободной торговли, и в новых структурах, таких как БРИКС или ШОС, которые сформированы без участия За-

пада и могут быть признаками структурных изменений в мировой политике и экономике.

В целом, появление новых региональных организаций и структур с участием РФ и КНР постепенно изменяют или даже подрывают функциональные и региональные структуры, монополизированные Западом, уже становясь элементами формирующегося международного порядка. В перспективе эти структуры, даже те из них, которые спроектированы так, чтобы соответствовать современной международной архитектуре и инфраструктуре, могут коренным образом изменять всю систему международных отношений.

---

¹ Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.

² Фукуяма, Фрэнсис. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.

³ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155?ysclid=13sjz7ocmb> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022)

⁸ Henry Kissinger, "Moscow and Beijing: A Declaration of Independence," Washington Post May 14, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1996/05/14/moscow-and-beijing-a-declaration-of-independence/e9ab3123-89b5-4efe-874b-f20af679698c/> (дата обращения: 30.05.2022)

⁹ Pya Matveev. Russia and China are moving closer together. Is this a new world order? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-china-relationship-new-world-order/> (дата обращения: 30.05.2022)

¹⁰ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022)

¹¹ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 30.05.2022)

¹² Там же

¹³ Michael Beckley, "China's Century? Why America's Edge Will Endure," International Security 36, no. 3 (Winter 2011/2012): 41–78

¹⁴ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022)

---

¹⁵ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁸ Katarzyna W. Sidło. The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond Economic Interests? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iemed.org/publication/the-role-of-china-in-the-middle-east-and-north-africa-mena-beyond-economic-interests/> (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁹ Anna Borshchevskaya, Lester Grau, Michael McFaul. The Future of Putin's War in Syria [Электронный ресурс]. URL: – <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/future-putins-war-syria> (дата обращения: 30.05.2022)

²⁰ Shadi Hamid. Islamism, the Arab Spring, and the Failure of America's Do-Nothing Policy in the Middle East [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/middle-east-egypt-us-policy/409537/> (дата обращения: 30.05.2022)

²¹ U.S. Support for the New Silk Road [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm> (дата обращения: 30.05.2022)

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Marc Saxer. The coming world order [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/the-return-of-geo-economics-5874/> (дата обращения: 30.05.2022).

²⁵ Там же.

²⁶ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022).

²⁷ Katarzyna Wolczuk, Rilka Dragneva. Putin's Eurasian dream may soon become a nightmare [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/05/putins-eurasian-dream-may-soon-become-nightmare> (дата обращения: 30.05.2022).

²⁸ Речь Президента Трампа о Стратегии национальной безопасности администрации США [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-on-the-administrations-national-security-strategy-ru/> (дата обращения: 30.05.2022).

²⁹ Там же.

³⁰ Бубнова Н.И. Новая Стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-administratsii-d-trampa> (дата обращения: 30.05.2022).

³¹ Sara Hsu. The US-China Trade War Is Still Happening [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/the-us-china-trade-war-is-still-happening/> (дата обращения: 30.05.2022).

³² U.S. Sanctions on Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/the-us-china-trade-war-is-still-happening/> (дата обращения: 30.05.2022).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Ryan Hass and Abraham Denmark. More pain than gain: How the US-China trade war hurt America. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/08/07/more-pain-than-gain-how-the-us-china-trade-war-hurt-america/> (дата обращения: 30.05.2022).

---

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Sara Hsu. The US-China Trade War Is Still Happening. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/the-us-china-trade-war-is-still-happening/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴² Там же.

⁴³ David Bandurski. China and Russia are joining forces to spread disinformation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/techstream/china-and-russia-are-joining-forces-to-spread-disinformation/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴⁴ Пуга Matveev. Russia and China are moving closer together. Is this a new world order? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-china-relationship-new-world-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴⁵ David Lewis, Strategic Culture and Russia's 'Pivot to the East: Russia, China, and 'Greater Eurasia' // Marshall Center Security Insight/ 2019. No. 34, July [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴⁶ Yu Ning. Will Russia-Ukraine conflict prelude the end of US-led world order? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202205/1265651.shtml> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴⁷ Colin I. Bradford. Perspectives on the future of the global order [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2022/05/04/perspectives-on-the-future-of-the-global-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁴⁸ China-Russia relations: A quantum leap? [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729349/EPRS_BRI\(2022\)729349_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729349/EPRS_BRI(2022)729349_EN.pdf) (дата обращения: 30.05.2022).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ China, Russia Stand Firm In 'New, Fair, Multipolar World Order' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-russia-stand-firm-in-new-fair-multipolar-world-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵¹ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵² Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155?ysclid=13sjz7ocmb> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵⁸ Цзоу Лихуэй, Лейченко О.Ф., Печерица В.Ф. Международное российско-китайское взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций (Оон) и региональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)- [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-rossiysko-kitayskoe-vzaimodeystvie-v-ramkah-organizatsii-obedinennyh-atsiy-oon-i-regionalnoy-shanhayskoj-organizatsii> (дата обращения: 30.05.2022).

---

⁵⁹ Richard Weitz. The SCO and NATO Compared [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/the-sco-and-nato-compared> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁰ Алимов Р. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶¹ Там же.

⁶² Сотрудничество в области безопасности в рамках ШОС (Справочный материал) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939205 (дата обращения: 30.05.2022).

⁶³ Richard Weitz. The SCO and NATO Compared [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/the-sco-and-nato-compared> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁴ Stephen Aris. Russian–Chinese Relations through the Lens of the SCO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Ifri_RNV_Aris_SCO_Eng.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁵ Eleanor Albert. Xi Champions Multilateralism at SCO Amid COVID Concerns and Sino-Indian Tensions [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2020/11/xi-champions-multilateralism-at-sco-amid-covid-concerns-and-sino-indian-tensions/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁶ Marc Lanteigne. Security Challenges in the Shanghai Cooperation Organisation: Widening vs Deepening. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/security-challenges-shanghai-cooperation-organisation-widening-vs-deepening-21831> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁷ Yamei Xue, Benjamin Mwadi Makengo. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=112637> (дата обращения: 30.05.2022).

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² BRICS Evolution Vision: Institutionalization, Enlargement and Outreach Technologies [Электронный ресурс]. URL: http://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/5568/7b19/6272/693b/d15b/0000/original/Olive_Shisana_Session10.pdf?1432910617 (дата обращения: 30.05.2022)

⁷³ The Evolution of BRICS [Электронный ресурс]. URL: https://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/217615/8/08_chapter%203.pdf (дата обращения: 30.05.2022)

⁷⁴ Eva Gross. BRICS – what’s in a name? [Электронный ресурс]. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_44_BRICS.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Sandrine Amiel. What's BRICS for and does it still make sense? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2019/11/13/what-s-brics-for-and-does-it-still-make-sense-euronews-answers> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷⁷ Приоритеты Председательства России в БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <https://brics-russia2020.ru> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Nivedita Kapoor. BRICS and its future: The challenges of multilateralism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/brics-future-challenges-multilateralism-66053/> (дата обращения: 30.05.2022).

⁸² Akshay Mathur. The future of BRICS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/research/the-future-of-brics/> (дата обращения: 30.05.2022).

---

⁸³ Enda Curran, Ben Bartenstein and Lizzy Burden. How Goldman's BRICs Flew Then Faded in Two Decades [Электронный ресурс]. URL: [https://www.bloomberg.com/features/brics-emerging-markets-jim-o-neill-2021/ (дата обращения: 30.05.2022)].

⁸⁴ Nivedita Kapoor. BRICS and its future: The challenges of multilateralism [Электронный ресурс]. URL: [https://www.orfonline.org/expert-speak/brics-future-challenges-multilateralism-66053/ (дата обращения: 30.05.2022)].

⁸⁵ Лисоволик Я. БРИКС как основа нового миропорядка: каковы перспективы? [Электронный ресурс]. URL: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-kak-osnova-novogo-miroporjadka-kakovy-perspektivy/ (дата обращения: 30.05.2022)].

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Enda Curran, Ben Bartenstein and Lizzy Burden. How Goldman's BRICs Flew Then Faded in Two Decades [Электронный ресурс]. URL: [https://www.bloomberg.com/features/brics-emerging-markets-jim-o-neill-2021/ (дата обращения: 30.05.2022)].

⁸⁹ Лузянин С.Г. Измерения российско-китайских отношений в АТЭС. Региональные факторы влияния и взаимодействий [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmereniya-rossiysko-kitayskih-otnosheniy-v-ates-regionalnye-factory-vliyaniya-i-vzaimodeystviy (дата обращения: 30.05.2022)

⁹⁰ Михеев В.В., Луконин С.А. Саммит АТЭС в Пекине и риски российско-китайских отношений [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/sammit-ates-v-pekinge-i-riski-rossiysko-kitayskih-otnosheniy (дата обращения: 30.05.2022).

⁹¹ Титов Д. Россия в АТЭС: все коридоры ведут в Китай [Электронный ресурс]. URL: https://www.eg-online.ru/article/264108/ (дата обращения: 30.05.2022).

⁹² Восточный вектор развития российской экономики был задан задолго до экономических санкций Запада [Электронный ресурс]. URL: https://www.eg-online.ru/news/271529/ (дата обращения: 30.05.2022).

⁹³ President Xi at Apec: China pledges to open up its 'super-sized' economy [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/news/business-54997193 (дата обращения: 30.05.2022).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ APEC and the Rise of China [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldscientific.com/worldscibooks/10.1142/7991 (дата обращения: 30.05.2022).

⁹⁶ China takes spotlight at APEC [Электронный ресурс]. URL: https://www.globaltimes.cn/content/1207422.shtml (дата обращения: 30.05.2022).

⁹⁷ COVID-19 Trade Challenges a Chance to Refresh Asia-Pacific Integration: Report [Электронный ресурс]. URL: https://www.apec.org/press/news-releases/2022/covid-19-trade-challenges-a-chance-to-refresh-asia-pacific-integration-report (дата обращения: 30.05.2022).

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Xi touts China's huge economy as base of free trade in Apec speech [Электронный ресурс]. URL: https://www.bangkokpost.com/world/2022263/xi-touts-chinas-huge-economy-as-base-of-free-trade-in-apec-speech (дата обращения: 30.05.2022)

¹⁰⁰ China's Participation in APEC Significant: Minister [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/english/20580.htm (дата обращения: 30.05.2022)

¹⁰¹ APEC: Xi says China has no intention of 'decoupling' [Электронный ресурс]. URL: https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/APEC-Xi-says-China-has-no-intention-of-decoupling (дата обращения: 30.05.2022)

¹⁰² Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso9780190916473 (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

ГЛАВА 4

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

4.1. Основные проблемы российско-китайских отношений

Кризис на Украине и резкое обострение противостояния между Россией и Западом стали одновременно вызовом и возможностью для сложившихся прочных российско-китайских отношений. Символичной в этой связи выглядит совместное заявление лидеров РФ и КНР, опубликованное 4 февраля 2022 года, о начале новой эры в международных отношениях¹.

В заявлении, сделанном накануне полномасштабного кризиса на Украине, говорилось о развитии таких явлений, как «многополярность, экономическая глобализация, информатизация общества, культурное многообразие, трансформация системы глобального управления и миропорядка, усиливается взаимосвязанность и взаимозависимость государств, формируется тенденция перераспределения баланса мировых сил, растет запрос мирового сообщества на лидерство в интересах мирного и поступательного развития»².

При этом, подчеркивалось, что «осложняется ситуация в сфере международной и региональной безопасности, множатся глобальные вызовы и угрозы. Некоторые силы, представляющие меньшинство на мировой арене, продолжают отстаивать односторонние подходы к решению международных проблем и прибегать к силовой политике, практикуют вмешательство во внутренние дела других государств, нанося ущерб их законным правам и интересам, провоцируют противоречия, разногласия и конфронтацию, препятствуют развитию и прогрессу человечества, что вызывает неприятие со стороны международного сообщества»³.

Накануне кризиса, в начале февраля 2022 года, был обозначен принципиально важный момент для двустороннего стратегического сотрудничества РФ и КНР на международной арене: «Китайская Сторона относится с пониманием и поддерживает выдвинутые Российской Федерацией предложения по формированию долгосрочных юридически обязательных гарантий безопасности в Европе»⁴.

Понимание, выраженное в Пекине, необходимости обеспечить безопасность в Европе, нашло отражение в последующем кризисе на Украине. Китай сохраняет осторожность с самого начала кризиса при констатации того, что «российско-китайские межгосударственные отношения нового типа превосходят военно-политические союзы времен холодной войны»⁵. Более того, отмеченная в заявлении безграничность отношений и особенно отсутствие запретных тем для сотрудничества – «дружба между двумя государствами не имеет границ, в сотрудничестве нет запретных зон»⁶ – могут трактоваться как готовность в будущем сформировать в том числе военный альянс⁷.

Президент РФ В.В. Путин в своей статье для агентства «Синьхуа», опубликованной 3 февраля 2022 года, отметил исключительный характер российско-китайских отношений, ставших «образцом эффективности, ответственности, устремлённости в будущее»⁸.

Кризис на Украине и беспрецедентные по размаху санкции со стороны Запада рядом наблюдателей трактуются как возможная проблема или испытание для двустороннего сотрудничества, через которое проходят обе державы⁹.

Критики, подчеркивавшие кризис на Украине как проблему в российско-китайских отношениях, относятся преимущественно к экспертам стран Запада. В частности, отмечалось, что официальные представители КНР «уклоняются» от ответов на вопрос относительно российско-китайских отношений в контексте событий на Украине. Подчеркивается отказ от военного союза или конфронтации, что Пекин не считает, что безопасность одной страны может быть достигнута за счет безопасности других. Вместе с тем, КНР критикует политику США и НАТО за «раздувание пламени конфликта». Также отмечается озабоченность КНР жертвами среди гражданского населения¹⁰.

В своей статье для американского издания «Washington Post», опубликованной 15 марта 2022 года, посол КНР в США Цинь Ган отверг предположения и обвинения в том, что Китай заранее знал о действиях России на Украине и потребовал от нее отложить операцию до завершения зимних Олимпийских игр, а также, что Россия якобы ищет военной помощи у Китая. Он указал, что подобные обвинения являются дезинформацией, преследующей целью переложить ответственность на Китай¹¹.

Для КНР конфликт на Украине не представляется выгодным. Прежде всего, на Украине находилось около шести тысяч граждан КНР, и Ки-

тай является крупнейшим торговым партнером как России, так и Украины. В этой связи сам конфликт не несет дополнительных дивидендов, но лишь приносит потери¹².

К тому же, конфликт между РФ и Западом, спецоперация России на Украине, безусловно, негативно скажутся на проекте «Пояс и путь», поскольку инфраструктурная составляющая крупнейшей геоэкономической инициативы, в которой участвуют около 140 стран, повлияет на его конфигурацию. Для Китая территория России и постсоветского пространства была самым надежным наземным путем к рынку ЕС¹³.

В настоящее время Россия, Беларусь, Украина, Польша стали разделяющими линиями, а не частью евразийского сухопутного моста. Также, программа КНР по развитию сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы, на которую и до кризиса на Украине негативное влияние оказывали опасения со стороны Брюсселя и Вашингтона, в силу эскалации напряженности и разрушения инфраструктуры на Украине ставят под вопрос дальнейшие краткосрочные и среднесрочные перспективы проектов.

Очевидно, что в сложившейся ситуации вновь повышается роль морских путей, связывающих Китай и ЕС. В условиях конфликта они оказались не просто более дешевыми, что было их традиционным преимуществом, но и более безопасными, чем автомобильные или железнодорожные транспортные сети.

Резкое снижение роли транспортных путей, проходящих через российско-белорусскую и украинскую территории, ведет к повышению значения других транспортных коридоров «Пояса и пути». В этой связи можно отметить возможный рост значимости транспортного маршрута Центральная Азия-Западная Азия (САВА), который проходит через страны Центральной Азии, Каспийский регион, Иран и Турцию в обход России. Большое значение здесь может иметь ситуацию вокруг ядерной программы Ирана¹⁴.

Безусловно, возрастет и без того большая роль Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), который через Каракорумское шоссе выходит к пакистанским портам Карачи и Гвадар. Порт Гвадар расположен в непосредственной близости к Персидскому заливу, что еще больше повышает его роль. Помимо этого, имеются сухопутные возможности через Иран и Турцию в Европу, например, железная дорога Исламабад-Тегеран-Стамбул, открывающая возможность дальнейшей ин-

теграции КПЭК и САВА. Еще одной альтернативой могут быть транспортные пути через Центральную Азию, Каспийский регион, Южный Кавказ и Турцию¹⁵.

Учитывая, что для Китая конфликт на Украине потенциально несет значительные потери и изменения в его геэкономических проектах, с первых дней кризиса Китай стремится добиться мирных переговоров и предотвращения гуманитарного кризиса. В частности, уже на второй день кризиса в телефонном разговоре с президентом РФ В.В. Путиным председатель КНР Си Цзиньпин выразил желание Китая, чтобы Россия и Украина провели как можно скорее мирные переговоры, а в ходе виртуальной встречи с лидерами Франции и Германии он подчеркнул необходимость совместной поддержки мирных переговоров между Россией и Украиной¹⁶.

Для Китая как великой державы приверженность независимой внешней политике означает справедливую, объективную и беспристрастную позицию по проблеме конфликта на Украине. Для КНР неприемлемы угрозы в адрес китайских организаций или предприятий со стороны США и их союзников касательно «вторичных санкций» или относительно позиции Пекина по вопросам глобального или регионального порядка.

Как отметил посол КНР в США, «ни война, ни санкции не могут обеспечить мира. Размахивать дубинкой санкций против китайских компаний, одновременно ища поддержки и сотрудничества со стороны Китая, просто не получится»¹⁷.

Для КНР является неприемлемой связь, которую проводят отдельные западные наблюдатели, между ситуацией на Украине и политикой в отношении Китайского Тайбэя.

В частности, газета «Washington post» 3 июля 2022 года опубликовала статью, в которой говорится о добровольцах с острова Тайвань на Украине и местных жителях, многие из которых «живут под постоянной угрозой» со стороны Китая, и видят параллели в ситуации на Украине. В статье приводятся данные, что около 10 жителей Тайваня прибыли на Украину для участия в военных действиях¹⁸.

В то же время, даже официальные лица Тайваня предупреждают, что война в Тайваньском проливе не неизбежна, отмечая различия между ситуацией на Тайване и в Украине, в том числе геостратегическое значение острова. В то же время, так называемое правительство Тайваня расширило свою программу подготовки резервистов, направленное на повышение

уровня боевой готовности, и заявило, что основные военные учения посвящены конфликту на Украине и сосредоточены на перспективах асимметричной войне¹⁹.

Между тем, Тайвань и Украина имеют между собой мало общего. Украина является суверенным государством, а Тайвань остается неотъемлемой частью территории Китая. Тайваньский вопрос является внутренним делом Китая. Пекин подчеркивает, что принцип суверенитета Украины при проведении параллелей с Тайванем наносит ущерб суверенитету и территориальной целостности Китая, а будущее Тайваня заключается в мирном развитии отношений по обе стороны Тайваньского пролива и воссоединении Китая. Пекин привержен принципу мирного воссоединения, но также сохраняет все возможности при необходимости решить вопрос «независимости Тайваня», надеясь, что США будут следовать принципу одного Китая и не будут поддерживать сепаратизм ни в какой форме, содействуя обеспечению долгосрочного мира и стабильности через Тайваньский пролив²⁰.

Также, касаясь кризиса на Украине, Китай предложил шесть пунктов, позволяющих улучшить ситуацию:

- обеспечить соблюдение принципов нейтралитета и беспристрастности;
- уделять все внимание перемещенным лицам в Украине и из Украины;
- обеспечить защиту гражданских лиц;
- обеспечить безопасную и бесперебойную деятельность по оказанию гуманитарной помощи;
- обеспечить безопасность иностранных граждан в Украине;
- обеспечить координирующую роль ООН в направлении гуманитарной помощи и работу кризисного координатора ООН для Украины.

Помимо этого, из КНР поступает экстренная гуманитарная помощь через Общество Красного Креста Китая на Украину²¹.

В то же время, Китай считает, что долгосрочный мир и стабильность в Европе должны опираться на принцип неделимой безопасности. Должна существовать сбалансированная, эффективная и устойчивая архитектура европейской безопасности. Роль КНР как постоянного члена Совета Безопасности ООН и ответственной великой державы будет заключаться в том числе в координации усилий по достижению прочного мира, региональной и глобальной стабильности²².

В контексте напряженности между Россией и Западом КНР беспокоит роль НАТО. Ряд экспертов отмечают, что кризис внутри НАТО, во многом спровоцированный требованиями бывшего президента США Д. Трампа по более равномерному распределению обязательств между союзниками, во многом был нивелирован украинским кризисом.

Саммит НАТО в 2022 году был призван снять напряженность между коллективной ответственностью и сохранением национальной ответственности государств-членов за реализацию мер по обеспечению безопасности путем сдерживания и обороны. Это согласуется с концепцией сдерживания Военной стратегии НАТО 2019 года и Концепцией сдерживания НАТО до 2020 года. Контекст сдерживания призван установить логику участия НАТО в проблемах обеспечения безопасности и стабильности²³.

Важнейшими событиями саммита НАТО в Мадриде, состоявшегося в июне 2022 года, стали закрепление России как наиболее серьезной и прямой угрозы безопасности стран НАТО, а также признание Китая как угрозы, наряду с такими, как терроризм, кибертерроризм и гибридные угрозы²⁴.

На саммите НАТО были приняты решения по таким мерам, как:

- помощь «для Украины, включая поддержку в таких областях, как защищенная связь, системы борьбы с беспилотными летательными аппаратами и топливо»;

- «долгосрочная помощь Украине для перехода от военной техники советской эпохи к современной технике НАТО»;

- «новые пакеты поддержки для других партнеров, подвергающихся риску, включая Боснию и Герцеговину, Грузию и Республику Молдова»;

- «обязательство продолжать повышать национальную и коллективную устойчивость, чтобы общества в странах НАТО были готовы к любой угрозе или вызову»;

- «Австралия, Япония, Новая Зеландия и Республика Корея впервые присоединились к встрече НАТО в верхах в целях углубления сотрудничества и противодействия глобальным вызовам»²⁵.

К числу угроз альянс относит продовольственный кризис, который, с точки зрения стран НАТО, вызван действиями России на Украине и «растущим влиянием России и Китая в соседнем с НАТО южном регионе»²⁶.

В итоговом заявлении, помимо указания на Россию как непосредственную угрозу, говорится о том, что страны НАТО имеют дело «с системной

конкуренцией со стороны субъектов, включая Китайскую Народную Республику, которые бросают вызов интересам, безопасности и ценностям и стремятся подорвать основанный на правилах международный порядок»²⁷.

Особое значение для КНР имеет фактическое расширение сотрудничества НАТО со странами АТР, что может представлять долгосрочную угрозу.

В принятой по итогам саммита НАТО в Мадриде «Стратегической концепции» указывается, что «Китайская Народная Республика (КНР) заявила об амбициях и политике принуждения бросать вызов нашим интересам, безопасности и ценностям. КНР использует широкий спектр политических, экономических и военных инструментов для увеличения своего глобального присутствия и проекта власти, оставаясь при этом непрозрачным в отношении своей стратегии, намерений и военного наращивания»²⁸.

Подобные заявления в документе стратегического характера должны послужить основой для пересмотра сложившихся отношений и дальнейшего сближения между Россией и Китаем.

Между тем, в стратегической концепции НАТО указывается, что КНР осуществляет «злонамеренные гибридные и кибероперации» на фоне «конфронтационной риторики и дезинформации», которая нацелена на союзников и наносит ущерб безопасности Североатлантического союза²⁹.

В документе НАТО КНР обвиняется в стремлении «контролировать ключевые технологические и промышленный секторы, критическую инфраструктуру, стратегические материалы и цепочки поставок», использовании «своих экономических рычагов для создания стратегических зависимостей и усиления своего влияния». Помимо этого, Пекин/, как Москва обвиняется в стремлении «подорвать основанный на правилах международный порядок, в том числе в космической, кибернетической и морской областях». На этом фоне «углубление стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией и их взаимно усиливающиеся попытки подорвать основанный на правилах международный порядок противоречат ценностям и интересам» НАТО³⁰.

НАТО выражает намерение «работать вместе ответственно, как союзники, для решения системных проблем, создаваемых КНР евроатлантической безопасности и обеспечить постоянную способность НАТО гарантировать оборону и безопасность союзников», а также повысить информированность, устойчивость и готовность к защите «от силовой тактики КНР и попыток разделить Альянс»³¹.

Помимо этого, КНР обвиняется в том, что она «стремительно расширяет свой ядерный арсенал и развивает все более сложные системы доставки без увеличения прозрачности или добросовестного участия в контроле над вооружениями или снижении риска»³².

В целом, состоявшийся в июне 2022 года саммит НАТО показал изменение в восприятии Китая со стороны альянса. Если ранее только Россия выступала в качестве угрозы безопасности, то в настоящее время КНР уже указывается как страна, создающая альянсу «системные» вызовы³³.

Между тем, в условиях продолжающегося кризиса на Украине можно отметить, что стратегическое партнерство Китая с Россией выдерживает испытание. При этом Пекин по-прежнему привержен давним внешнеполитическим принципам территориальной целостности и невмешательства, наряду с этим стремясь избежать или минимизировать побочный ущерб от санкций ЕС и США.

Следует отметить высокую дипломатическую активность КНР. В период с 24 февраля по 19 мая 2022 года Пекин провел 64 дипломатические встречи с иностранными коллегами, на которых обсуждалась продолжающийся конфликт на Украине³⁴. Китай считает, что НАТО несет свою ответственность за войну, осуждает санкции против России и призывает к переговорам с целью прекращения конфликта. Пекин призывает Запад понимать законные опасения России в области безопасности и создавать устойчивую систему европейской безопасности путем переговоров³⁵.

КНР подчеркивает, что безопасность одной страны не должна достигаться за счет нанесения ущерба другой стране, региональная безопасность не должна достигаться за счет расширения военного блока³⁶.

Помимо этого, Пекин рассматривает санкции как бесполезное средство, усугубляющее мировой экономический кризис во время пандемии. Более того, они влекут за собой обострение конфликта и нарушают международное право.

Переговоры должны положить конец кризису на Украине, однако, с точки зрения КНР, западная военная помощь Украине только «подливает масла в огонь» и обостряет конфликт.

Можно отметить, что в условиях кризиса на Украине Россия и Китай продвигают собственные интересы. Китай не планирует собственное вовлечение в конфликт, осуждая любое оказание военной помощи одной из сторон. Если Россия добивается гарантий безопасности и формирования

более справедливого мирового порядка, то Китай стремится решить свои собственные стратегические и геополитические проблемы и реализовать открывающиеся возможности.

В частности, Китай стремится не допустить того, чтобы в Азии военная конфронтация трансформировалась в инструмент конкуренции великих держав. Пекин выступает против военных союзов в Азии, отмечая, что региональная безопасность не может быть достигнута посредством военного союза, тем самым осуждая политику США и НАТО по расширению структур безопасности в Азии³⁷.

В новых условиях Китай предупреждает о недопустимости повторения в Азии украинского сценария и указывает, что деятельность США способствует возникновению и эскалации региональных конфликтов и подрывает центральную роль АСЕАН, насильно продвигая альтернативную Индо-Тихоокеанскую стратегию³⁸.

Беспрецедентные по масштабу санкции Запада против России вызывают принципиальное осуждение Китая, поскольку провоцируют экономический кризис и могут, безусловно, сказаться на развитии китайской экономики. Помимо этого, экономические последствия санкций могут затронуть сам Китай, который некоторые западные наблюдатели обвиняют в содействии пророссийской политике обхода санкций.

Кроме того, что еще важнее, санкции против России могут создать прецедент среди западных стран. В условиях постепенного нарастания напряженности в отношениях с НАТО Пекин опасается, что однажды может столкнуться с таким же единым фронтом санкций. Это вызовет колоссальный экономический кризис и подорвет традиционную политику открытости, проводимую Китаем со времен Дэн Сяопина. Важное значение имеет и выраженная политика Запада по преследованию частных лиц – граждан России, что создает уникальную ситуацию. Тем самым, осуждая санкции как незаконные и создавая международную антисанкционную коалицию, КНР стремится отстоять свои собственные интересы.

В то же время, несмотря на то, что российская экономика стала целью экономических санкций 38 стран, она продемонстрировала свою жизнеспособность, а объем импорта остается высоким, несмотря на некоторый спад. К тому же у России есть опыт обхода санкций³⁹.

Между тем, как отмечается в докладе «Российского совета по международным делам», «2022 год может стать ключевым в формировании кар-

динально новой системы международных отношений. Он окажется судьбоносным и для России в контексте ее ставшего неизбежным «разворота на Восток» и формирования иных взаимоотношений со странами Европы и США, и для КНР... Российско-китайские отношения имеют все шансы еще более укрепиться во всех сферах, что соответствует и воле обоих народов, и геополитической необходимости, и ситуации в мире»⁴⁰. Текущий кризис в международных отношениях формирует беспрецедентные вызовы, однако открывает и новые возможности долгосрочного партнерства.

Взаимодействие в треугольнике Россия-Китай-Запад может сыграть решающую роль в определении ключевых параметров будущей системы международных отношений. По мнению российских и китайских экспертов, «на Западе полагают, что между Москвой и Пекином – непреодолимая пропасть: между странами накопились исторические обиды, конфликты интересов и даже цивилизационные различия, что делает сотрудничество между ними ограниченным, хрупким и недолговечным. Исходя из этих соображений, внешнеполитическая элита США стремится подорвать российско-китайские отношения. Краткосрочная цель Запада состоит в минимизации своих потерь, а долгосрочная – в нанесении поражения обеим странам, в частности в предотвращении их стратегического сближения»⁴¹.

В то же время, как считают аналитики центра «RAND Corporation», США мало что могут сделать, чтобы повлиять на траекторию китайско-российских отношений. США могут подготовиться только к результатам более тесного китайско-российского сотрудничества, в том числе ожидая дальнейшего распространения китайского и российского влияния, потенциального совместного базирования и, в конечном итоге, возможности совместных военных операций.

Агрессивные намерения США в отношении РФ и КНР будут и дальше способствовать укреплению российско-китайского сотрудничества, несмотря на некоторые сложности. В то же время, стремление к независимости и различные политические интересы заставят Китай и Россию избегать рисков, которые могут возникнуть в результате более тесного сотрудничества, что помешает им плавно объединить свои силы и более эффективно бросить вызов Соединенным Штатам.

Соединенные Штаты мало что могут или должны сделать, чтобы изменить общую траекторию китайско-российских отношений, учитывая нынешние общие приоритеты политики США, особенно политики в

отношении России. Возможность китайско-российского совместного военного планирования усложняет военные расчеты США и должна привести к переоценке планов на случай непредвиденных обстоятельств. Потенциал усиления глобального присутствия китайских и российских сил, обеспечиваемый за счет использования ограниченных в настоящее время внерегиональных ресурсов и присутствия друг друга, увеличивает вероятность контакта и, возможно, конфронтации с этими силами в глобальном масштабе⁴².

Очевидно, что и в Москве, и в Пекине понимают, что любой исход кризиса на Украине создаст совершенно новую геостратегическую среду. Сам кризис нанес тяжелый удар по архитектуре безопасности после окончания холодной войны, в которой доминировали западные союзники, и создал возможности для ее перестройки. Это представляет особый интерес для Китая и России, поскольку обе державы сосредоточили свои внешнеполитические усилия на продвижении более справедливого и представительного многополярного мирового порядка, в котором Соединенные Штаты потеряли бы свое глобальное господство или лидерство⁴³.

Кризис на Украине оставляет неясными вопросы будущего, послевоенного российско-китайского сотрудничества. Один из возможных сценариев заключается в том, что у Китая может возникнуть соблазн извлечь выгоду из затяжного кризиса на Украине в отношениях с Россией, поскольку ограниченная в доступе к капиталу и технологиям Российская Федерация может стать более открытой для китайских партнеров, чем раньше. Это, со своей стороны, позволит Пекину укрепить свое влияние в российском энергетическом секторе. В политическом плане КНР может стать ведущей державой в глобальном соперничестве с США, оставляя, таким образом, меньше пространства для маневра России, особенно в сферах, затрагивающих ключевые интересы Китая. В конечном итоге это привело бы к укреплению китайско-российского союза, но роль КНР бы несколько возросла.

Другой вероятный сценарий заключается в том, что китайское руководство будет уклоняться от прямой помощи, стремясь не рисковать дальнейшим ухудшением отношений с США и по-прежнему сможет эффективно развивать сотрудничество с Европейским союзом, поддерживая его стремление к «стратегической автономии», то есть большей независимости от США на международной арене. Это может несколько ослабить уровень российско-китайского сотрудничества.

Третий сценарий предполагает такие изменения в международных отношениях, которые бы открыли пространство для нового соглашения между Россией и Китаем на фоне резкого ослабления Запада и восприятия в Москве Пекина как потенциальной угрозы для российского Дальнего Востока и Сибири, отчасти пересматривая свою нынешнюю политику разворота в Азию⁴⁴.

Однако предпосылок для ослабления российско-китайского сотрудничества на сегодняшний день пока нет. Более того, наиболее вероятным представляется сценарий, при котором после окончания кризиса на Украине будет сформирован такой мировой порядок, при котором Россия и Китай будут последовательно укреплять сотрудничество, направленное на развитие новых международных институтов.

Следует отметить, что немаловажным фактором того, каким будет мир после окончания кризиса на Украине, является его продолжительность. В частности, это будет определять влияние на трансатлантические отношения даже в большей степени, чем ее результат, поскольку в значительной мере текущий кризис предопределяет сплоченность альянса. Чем дольше будут продолжаться боевые действия, особенно если в конечном итоге они будут менее интенсивными или ограничатся восточной Украиной, тем более вероятным станет появление разногласий внутри ЕС по поводу войны и политики в отношении России, что окажет влияние на отношения с Соединенными Штатами⁴⁵.

Длительный экономический шок с устойчивой инфляцией или даже стагфляцией, вызванной войной, вызовет общественное недовольство в Европе и в Соединенных Штатах, что может снова усилить расхождение внутри ЕС и в США. Особенно с учетом того, что обе стороны только что оправались от двух лет дорогостоящей пандемии COVID-19, ужесточение денежно-кредитной политики Европейского Центрального банка и Федеральной резервной системы США может ухудшить ситуацию в этом отношении. Это может постепенно подтолкнуть Соединенные Штаты, в частности, к более глубокому сосредоточению внимания на своем развитии. Кроме того, любое влияние кризиса на Украине на трансатлантические отношения может быть изменено или утрачено в результате президентских выборов в США в 2024 году, или, может быть, даже до некоторой степени на промежуточных выборах 2022 года из-за нестабильности и раскола внутри американского общества⁴⁶.

Для ЕС это означает, что подтверждение решающей роли США в обеспечении безопасности на континенте не может быть полностью гарантировано. Это также означает, что, как бы ни улучшились трансатлантические отношения в результате кризиса в отношениях с Россией, эти изменения будут непрочными. Между тем, возникающие разногласия по поводу политики Украины и России в Европе вызовут новое разочарование США в связи с оставшейся самоуспокоенностью в отношении европейской безопасности или возобновлением стремления к стратегической автономии. Возрождение такого круга взаимного беспокойства и разочарования может стоить трансатлантическим отношениям их текущей стадии сплоченности⁴⁷.

На этом фоне очевидно, что оценки российско-китайского сотрудничества как «временных асимметричных отношений», в которых Китай преимущественно задает тон, но остается во многом зависимым от России⁴⁸, ошибочны.

В то время как Китай обладает торговым, экономическим и финансовым доминированием, Россия продолжает полагаться на оборону и, в некоторых отношениях, на дипломатический потенциал благодаря своей региональной мощи и успешным военным операциям. Некоторая асимметрия скрепляется общей геополитической заинтересованностью в создании надежного противовеса влиянию США в международных делах на основе системной координации широкого спектра политики и действий.

В целом, можно отметить, что партнерство между Китаем и Россией стало одной из важнейших черт современных стратегических отношений. Кризис на Украине поставил Китай перед экономическими и дипломатическими дилеммами, но не изменил фундаментального соотношения интересов и ценностей, лежащих в основе этих отношений. Скорее всего, Китай и Россия будут углублять свои связи независимо от исхода кризиса на Украине, что приведет к более четкому объединению двух сторон в их партнерстве⁴⁹.

Помимо непосредственного влияния кризиса на Украине на российско-китайские отношения и некоторой неопределенности, возникающей в этой связи, можно отметить региональные проблемы, имеющиеся или потенциальные, в отношениях между двумя великими державами.

В частности, энергетические проекты России в Арктике столкнулись с неопределенным будущим после введения санкций. В условиях эконо-

мических санкций и массового ухода иностранных фирм именно Китай остается ключевым партнером для данных проектов.

Китай, как сообщается, рассматривает возможность покупки или увеличения своей доли в российских энергетических и сырьевых компаниях. Энергетический сектор уже претерпел существенные изменения. Россия объявила, что будет экспортировать до 100 млн тонн угля своему восточному соседу. «Роснефть» подписала 10-летний контракт на поставку в Китай 100 млн тонн нефти. Две страны также договорились о долгосрочных поставках газа, при этом Россия будет поставлять природный газ в Китай по запланированному газопроводу «Сила Сибири-2». «Газпром» рассчитывает, что проект может увеличить экспортные мощности России в Китай на 50 миллиардов кубометров⁵⁰.

Россия стала третьим по величине поставщиком природного газа в Китай, на ее долю приходится примерно десятая часть всего импорта газа Китаем в 2021 году. Импорт газа из России вырос более чем на 50 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 года и достиг 16,5 млрд кубометров. Большая часть первоначального трубопровода «Сила Сибири», который начал работать в 2019 году. Трубопровод, по которому транспортируется газ с месторождений Якутии в российской Арктике, сможет поставлять Китаю 38 миллиардов кубометров природного газа в год к 2025 году. Контракт, подписанный в 2022 году в Пекине, должен увеличить ежегодный экспорт природного газа из России в Китай к середине десятилетия на 10 миллиардов кубометров через запланированную линию «Сила Сибири-2», что сделает «Газпром» крупнейшим поставщиком природного газа в Китай⁵¹.

Помимо налаживания более тесных связей посредством энергетического сотрудничества, «Сила Сибири-2» также имеет геополитические последствия. Предлагаемый трубопровод будет проходить через Монголию, соединяя Китай с газовыми месторождениями на полуострове Ямал, месторождениями, которые до сих пор обеспечивали большую часть российского экспорта природного газа в Европу. Запланированное расширение позволит России перенаправить производство с этих месторождений на китайский рынок, снизив свою зависимость от европейских клиентов. Однако это чревато рисками, выраженными в чрезмерной зависимости от Китая, а в перспективе – КНР от российского газа⁵².

«Газпром» также выдвинул идею увеличения первоначальной мощности «Силы Сибири». Если это продолжение трубопровода когда-либо

будет построено, оно соединит Китай с нефтяными и газовыми месторождениями на острове Сахалин на Дальнем Востоке России. «Сахалин-1» и «Сахалин-2», два крупных энергетических проекта на острове, в основном обслуживают рынки Восточной Азии.

«Новатэк», второй по величине производитель природного газа в России, играет роль лидера по производству сжиженного природного газа за счет строительства заводов по сжижению газа на полуострове Ямал в российской Арктике. Его первый проект, «Ямал СПГ», начал производство в 2018 году, а недавнее расширение позволило увеличить его проектную мощность до 20 миллионов тонн в год. Второй проект, «Арктик СПГ 2», первый завод по сжижению которого планируется запустить в 2025 году, также будет иметь мощность 20 млн тонн газа в год. До февраля 2022 года «Новатэк» также вел переговоры с немецкими инжиниринговыми компаниями по третьему арктическому энергетическому проекту «Обский газохимический завод», который должен был производить метанол, аммиак и водород⁵³.

Финансовые и технологические санкции Запада могут означать проблемы в реализации этих проектов. В частности, Италия полностью «заморозила» свою долю финансирования проекта, а французская компания TotalEnergies, которой принадлежит 20 % в проекте «Ямал СПГ» и 10 % в планируемом проекте «Арктик СПГ-2», объявила, что не будет участвовать ни в каких новых газовых проектах в России.

Правительство Японии также заняло жесткую позицию. Однако консорциум японских компаний, владеющих 10-процентной долей в проекте «Арктик СПГ-2», и компании Mitsui & Co. и Mitsubishi Corporation, имеющие доли в проекте «Сахалин-2», сохраняют свои доли, опасаясь, что их выход спровоцирует передачу этих долей китайским компаниям. На этом фоне ExxonMobil объявила, что отказывается от своих российских активов, включая совместное предприятие, управляющее сахалинскими проектами. Точно так же Shell выходит из всех своих нефтегазовых проектов в России, включая свою долю в проекте «Сахалин-2»⁵⁴.

Отток денег, технологий и покупателей из российских энергетических проектов предоставляет Китаю уникальную возможность усилить свое присутствие в Арктике. Китайские государственные энергетические компании уже приобрели доли в нескольких российских СПГ-проектах. Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC) принадлежит 20 %

акций «Ямал СПГ». В 2016 году Фонд Шелкового пути, китайский государственный инвестиционный фонд, созданный для продвижения проектов инициативы «Пояс и путь», приобрел 10-процентную долю в том же проекте в рамках соглашения о долгосрочном финансировании. В 2019 году Китайская национальная морская нефтяная корпорация и дочерняя компания CNPC приобрели по 10 % в «Арктик СПГ 2». В ноябре 2021 года «Новатэк» подписал кредитные соглашения с Банком развития Китая и Экспортно-импортным банком Китая для «Арктик СПГ 2». Государственная компания Shenenergy, принадлежащая правительству Шанхая, подписала в 2021 году 15-летний контракт на поставку 3 млн тонн СПГ с проекта «Арктик СПГ 2». В январе 2022 года другой китайский газораспределитель заключил 15-летнюю сделку на ежегодную поставку одного миллиона тонн газа по тому же проекту⁵⁵.

Хотя Россия стремится к импортозамещению и начиная с 2014 года стремится отказаться от иностранных технологий в своем энергетическом секторе, сотрудничая с иностранными компаниями только для передачи технических ноу-хау своим судостроителям, инжиниринговым фирмам и операторам заводов, эта стратегия импортозамещения продвигается медленно, и соответствующие проекты в России по-прежнему зависят от иностранных поставщиков. Так, «Новатэк» столкнулся с рядом технических проблем после внедрения нового отечественного оборудования для недавнего расширения проекта «Ямал СПГ», что привело к серьезным задержкам в реализации планов.

При этом, Москва, стремясь расширить полярный судостроительный потенциал, возродила судостроительный комплекс «Звезда» на Дальнем Востоке. Открытая в 2018 году, верфь строит танкеры и суда снабжения с учетом использования во льдах, а также атомные ледоколы нового поколения для поддержки развития судоходства и добывающей промышленности в российской Арктике. Но Россия по-прежнему зависит от других стран в плане предоставления оборудования, особенно танкеров для перевозки сжиженного природного газа через ледовые покровы Арктики, что жизненно необходимо для эффективного экспорта СПГ с Ямала⁵⁶.

В новых условиях китайские государственные компании работают над тем, чтобы позиционировать себя в качестве поставщиков технологий для российских арктических проектов. Судостроители страны добились больших успехов в проектировании и строительстве крупнотоннажных га-

завозов. Китайским военно-морским исследовательским институтам также было предложено расширить свои возможности в области полярного судостроения. Плоды этих усилий теперь включают тяжелые ледоколы и отечественные конструкции газозавозов ледового класса, которые конкурируют с южнокорейскими верфями. В этих условиях безальтернативность технологий КНР может стать или рассматриваться в качестве проблемы для Российской Федерации⁵⁷.

Отношения России и Китая на фоне возникновения одной за другой серьезных проблем регионального и глобального характера должны будут неизбежно меняться. Можно отметить некоторые изменения, связанные со стабильностью региона Центральная Азия, включая ситуацию в Афганистане или дестабилизация в Казахстане в январе 2022 года и в Узбекистане в июле 2002 года.

Присутствие России и Китая, похоже, увеличивается по мере углубления двустороннего сотрудничества между двумя странами и на фоне кризисных явлений в системе международных отношений. При том, что Россия сталкивается с беспрецедентным давлением со стороны Запада, а также тем, что Китай остается экономически гораздо крупнее, Москва сохраняет независимую позицию и, как можно видеть на примере регионов, не становится в относительно зависимую позицию. В частности, на протяжении маршрутов «Пояс и путь» Россия выступает в качестве равноправного партнера, признавая, что китайский «Экономический пояс Шелкового пути» и российский «Евразийский экономический союз» связаны между собой. Россия выступала в роли посредника в китайско-индийском пограничном споре, который вспыхнул в 2020 году. В плане сотрудничества с Китаем в ядерной энергетике Россия занимает ту нишу, которая освобождается после действий США в отношении Китая⁵⁸.

Россия и Китай, по-видимому, будут постепенно увеличивать сотрудничество в сфере безопасности в Центральной Азии. Об этом говорит, в частности ситуация в Афганистане, а также угрозы дестабилизации даже в наиболее крупных республиках Центральной Азии, в Казахстане и Узбекистане.

Можно отметить, что Москва и Пекин первоначально разделяли опасения, что вывод войск США из Афганистана и восстановление власти Талибана вернут угрозу терроризма на региональную повестку дня. О том, что Россия и Китай, географически близкие к Афганистану, серьезно от-

неслись к этой угрозе, свидетельствует тот факт, что председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В.В. Путин подчеркивали намерения внимательно следить за ситуацией в Афганистане, прилагать усилия к совместному поддержанию мира, безопасности и стабильности в регионе. Две страны разделяют интересы и готовы к совместным действиям в области «контртерроризма»⁵⁹.

Россия и Китай не скрывали своей критической позиции по отношению к Соединенным Штатам, когда они уходили из Афганистана. После встречи министров иностранных дел Шанхайской организации сотрудничества в июле 2021 года министр иностранных дел Китая Ван И назвал Соединенные Штаты ответственными за нестабильность в регионе, обвинив их в том, что они создали афганскую проблему. Министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что, хотя американцы и заявляют о выполнении своей миссии, эта миссия закончилась неудачей⁶⁰.

РФ критически рассматривают попытки США навязывать Афганистану демократическую систему западного образца, указывая, что внешние силы, навязывающие свои политические модели, несут только разрушения и катастрофы, с которыми придется бороться в том числе Москве и Пекину. Россия и Китай должны укреплять свои позиции в качестве союзников по предотвращению региональной дестабилизации.

В январе 2022 года Россия и Китай договорились поддержать стабильность в Казахстане. В данном случае обе державы стремились не допустить насильственной смены власти, хотя в их действиях был и «контртеррористический» аспект. 6 января 2022 года, когда возглавляемый Россией контингент Организации Договора о коллективной безопасности был введен в Казахстан, Китай также продемонстрировал свою поддержку стабилизации ситуации в этой центральноазиатской республике. В частности, 7 января 2022 года председатель КНР Си Цзиньпин направил президенту Казахстана Касым-Жомарту Токаеву послание, в котором выразил свою поддержку его политике, направленной на стабилизацию ситуации и подавление беспорядков даже с помощью вооруженных сил, выразив свое твердое неприятие попыток внешних сил совершить насильственную смену власти. Впоследствии, 10 января 2022 года, министры иностранных дел России и Китая провели телефонную конференцию, на которой китайская сторона поддержала отправку войск ОДКБ с тем учетом, что они будут уважать суверенитет Казахстана. В ходе беседы ми-

нистр иностранных дел Ван И заявил, что Китай и Россия должны укреплять свое сотрудничество, противостоять вмешательству внешних сил в Центральную Азию и не допустить, чтобы «цветные революции» и «три зла» – терроризм, сепаратизм, экстремизм – вызвали хаос. Действия России в конечном итоге получили поддержку Китая, при условии уважения суверенитета Казахстана.

В данном контексте большое значение имеет то, что Китай, играющий наряду с Россией ведущую роль в Центральной Азии, согласился с вводом сил ОДКБ. Россия и Китай, похоже, установили более тесные отношения сотрудничества в Центральной Азии, хотя между двумя державами есть некоторые различия с точки зрения того, что они считают общей угрозой.

С точки зрения Китая в очередной раз стало ясно, что Россия незаменима в урегулировании ситуаций в Центральной Азии, которые напрямую связаны со стабильностью западной части КНР, Синьцзян-Уйгурского автономного района. Для Китая неизбежно возросло значение присутствия России в качестве партнера по безопасности⁶¹.

Беспорядки в западной части Узбекистана, автономной Республике Каракалпакстан, продемонстрировали схожую реакцию в Москве и Пекине. Узбекистан расположен в центре Центральной Азии, и его геополитическое значение обуславливает его положение, от которого во многом зависит безопасность и стабильность всего региона. Россия и Китай являются двумя основными торговыми партнерами Узбекистана. В 2021 году «на первую вышла Россия – ее доля внешнеторгового оборота в республике составляет 17,9 %, в Китае – 17,7 %, то есть в денежном выражении Поднебесная наторговала с Узбекистаном на 7,4 млрд долларов, слегка отстав от России»⁶². Объединяет РФ и КНР общее понимание необходимости сохранения стабильности «на заднем дворе», каковым во многом представляется Центральная Азия, поэтому ответ на беспорядки в Каракалпакстане у обеих держав был схожий.

В целом, в отношении вопросов региональной безопасности можно отметить региональную динамику, которая неизбежно сказывается на политике двух держав. Традиционные и новые угрозы региональной безопасности требует от РФ и КНР дальнейшего укрепления сотрудничества и понимания по вопросам регионального взаимодействия.

К числу проблем, которые встают перед РФ и КНР, относятся экономические последствия двусторонних отношений, вызванные западными

санкциями и проблемами глобальной экономики. Рост двусторонней торговли, по данным китайской стороны, составил 28,7 % в годовом исчислении в первом квартале 2022 года. При этом, в марте 2022 года рост российско-китайской торговли несколько замедлился, и это сказалось на квартальных показателях. Сокращение пришлось на импорт Китая из России, и в меньшей степени на экспорт КНР. Рост экспорта России в Китай снизился с 35,8 % в январе и феврале 2022 года до 28 % в марте 2022 года. Снижение произошло вследствие кризиса на Украине и антироссийских санкций, усложнивших экономическое взаимодействие двух держав. Глобальные экономические проблемы также сказываются на двусторонней торговле⁶³.

Тем не менее, рост торговли между Китаем и Россией по-прежнему выше, чем рост двусторонней торговли Китая с большинством других стран, подчеркивает растущую экономическую взаимосвязанность двух стран. В долларовом выражении рост торговли Китая с Россией на 28,7 % был значительно быстрее, чем рост торговли Китая с США на 12,2 % за тот же период первого квартала. Торговля между Китаем и Россией показывает относительно большой рост, несмотря на украинский кризис, потому что торговая взаимодополняемость и торговые отношения двух стран будут развиваться дальше, поскольку России необходимо укреплять сотрудничество с Китаем, чтобы возместить убытки капитала, будь то в рублях или юанях, в то время как Китаю нужны российские товары, такие как энергоресурсы, продукты горнодобывающей промышленности и продукты питания⁶⁴.

В целом, рост взаимной торговли показывает, что планы России и Китая, заявленные в феврале 2022 года в рамках «дорожной карты» по увеличению двусторонней торговли товарами и услугами, рассчитанные на увеличение до 2024 года торгового оборота до 200 млрд долларов США⁶⁵, более чем реалистичны.

Таким образом, подводя итоги параграфу, можно отметить следующее. Одной из главных проблем дальнейшего развития российско-китайских отношений является кризис на Украине, который уже привел к беспрецедентным по масштабу антироссийским санкциям и ускорению разворота России на восток. Основными вопросами являются степень поддержки Китаем России. Можно отметить нейтралитет Пекина и его понимание озабоченности Москвы вопросами обеспечения безопасности и ее неделимости. Важным аспектом является противодействие санкцион-

ной политике, которую КНР осуждает как бессмысленное действие, усугубляющее экономическое положение во всем мире.

Можно отметить, что в условиях кризиса на Украине Россия и Китай продвигают собственные интересы. Китай не планирует собственное вовлечение в конфликт, осуждая любое оказание военной помощи одной из сторон. Если Россия добивается гарантий безопасности и формирования более справедливого мирового порядка, то Китай стремится решить свои собственные стратегические и геополитические проблемы и реализовать открывающиеся возможности.

Определенная динамика наблюдается на уровне регионов, где на фоне противостояния России и Запада трансформируются вызовы и угрозы безопасности, которые неизбежно сказываются на политике двух держав. Традиционные и новые угрозы региональной безопасности требуют от РФ и КНР дальнейшего укрепления сотрудничества и понимания по вопросам регионального взаимодействия.

В целом, в условиях резкого обострения напряженности, включения Китая в разряд угроз для НАТО, противостояния России и Запада очевидным являются назревшие изменения в системе международных отношений. Важнейшим является вопрос, каковыми будут уровень сотрудничества, интересы и положение России и Китая при новом мировом порядке.

4.2. Перспективы развития взаимодействия РФ и КНР

На протяжении последних десятилетий отношения между Россией и Китаем переживают последовательный подъем. После окончания холодной войны тенденция сближения двух держав как на основе взаимодополняемости их экономик, так и на основе общего подхода к угрозам международной безопасности и понимания структурных проблем системы международных отношений, сложившейся после распада Советского Союза, становилась все более устойчивой и очевидной. Как представляется, данная тенденция останется устойчивой как в настоящее время, так и в перспективе.

В условиях продолжающегося кризиса в отношениях между Россией и Западом, с одной стороны, между КНР и Западом, с другой, дальнейшее сближение и поддержка двух великих держав на мировой арене, по вопросам международной и региональной безопасности – в тех или иных регионах мира, представляется естественным процессом, который могут изме-

нить только внезапные и кардинальные структурные изменения в глобальной политике или в балансе сил между Россией и КНР.

Схожий взгляд на международные проблемы во многом стимулирует быстрое и разностороннее развитие взаимодействия между Москвой и Пекином. В частности, это подтвердил прошедший в июне 2022 года саммит БРИКС, который принимал Китай.

Прежде всего, саммит сделал очевидным, что развернувшееся противостояние между Россией и Западом, а также, в меньшей степени, Китаем и Западом, имеет более широкое измерение, которое ведет к противостоянию между Западом и незападом. Если Запад олицетворяет группой G7, то БРИКС начинает восприниматься как антиG7.

В частности, в ходе саммита БРИКС получила развитие идея создания новой резервной валюты, основанной на корзине валют пяти стран-членов, Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики, в связи чем стала продвигаться идея использования членами группы альтернативных, незападных систем обмена финансовыми сообщениями, чтобы снизить глобальную зависимость от системы SWIFT, в которой доминирует Запад, доступ в которую России был закрыт странами Запада после начала украинского кризиса⁶⁶. Масштаб подобной идеи свидетельствует о процессе полноценного становления БРИКС в качестве альтернативы Западу.

Об этом же говорит идея, предложенная заместителем министра торговли Китая Ван Шоувэнем о создании зоны свободной торговли между пятью странами блока, который отметил, что, хотя они в совокупности представляют около пятой части мировой торговли, только 6 % их торговли товарами и услугами приходится друг на друга. В настоящее время ни у одной страны нет даже двустороннего торгового соглашения с другой⁶⁷.

Организации, безусловно, мешает тот факт, что пять экономик имеют очень мало общего друг с другом, и у них мало общих целей. В то время как Китай и Россия хотели бы, чтобы БРИКС стал анти-«Большой семеркой», которая спланирует развивающийся мир в оппозиции к «гегемонистскому» Западу, Индия и ЮАР занимают, скорее, промежуточные позиции, о чем свидетельствует их участие в саммитах G7 в качестве наблюдателей, на который они были приглашены вместе с лидерами Индонезии и Сенегала (председательствующей в Африканском союзе)⁶⁸. Тем не менее, усиление БРИКС становится устойчивой тенденцией.

В этой связи можно отметить, что председатель КНР Си Цзиньпин отметил расширение членства в группе, более широкое представительство за счет приглашенных участников, а также официальные заявления о вступлении в группу со стороны некоторых стран. По мнению лидера Китая, важно продвигать этот процесс, чтобы позволить партнерам-единомышленникам как можно скорее стать частью семьи БРИКС⁶⁹.

За два десятилетия своего существования группа БРИКС превратилась в глобальную организацию, стремящуюся стать для развивающихся стран тем, чем является «Большая семерка» для развитых стран. Как группа, члены БРИКС выступают за более широкое представительство развивающихся стран в многосторонних организациях, включая Международный валютный фонд, Всемирный банк и учреждения ООН. Однако они никогда не занимали скоординированной позиции по более широким вопросам экономической политики в G20 или где-либо еще. Тем не менее, символично, что антиЗапад представлен обширной группой стран, которые осознают меняющийся международный порядок.

«Большая семерка», как и БРИКС, также представляет собой несколько произвольную группу, не претендующую на действия в чьих-либо интересах. Отношения между его членами также временами были непростыми, особенно во время администрации президента США Д. Трампа.

Все же, в новых условиях развернувшегося международного кризиса БРИКС может стать локомотивом новой конфигурации мировой экономики. С позиции Москвы, «в нынешних условиях БРИКС может стать оплотом стабильности и локомотивом новой конфигурации мировой экономики», поскольку «суммарный объем ВВП стран объединения составляет почти треть мирового, это больше, чем совокупный ВВП государств «Большой семерки», а население составляет 40 % мирового». Развитие группы должно основываться на таких принципах, как «равенство стран, уважение взаимных интересов, стратегическое партнерство и недискриминационный доступ к технологиям». О поступательных тенденциях развития лучше всего скажут «увеличение доли расчетов в национальных валютах, снижение таможенно-тарифных барьеров, взаимное признание стандартов и технических регламентов»⁷⁰.

По мнению эксперта ВШЭ В. Панова, «несмотря на глобальную турбулентность, БРИКС зарекомендовал себя как эффективный формат для обсуждения и решения ключевых мировых проблем», а саммит 2022 года

стал первым «в условиях глобальной турбулентности», и он доказал, что «даже в условиях новой реальности взаимодействие между странами-членами БРИКС сохраняется»⁷¹.

Председатель КНР выдвинул идею развития как приоритета БРИКС и всего мира. Он отметил, что «некоторые страны политизируют и маргинализируют повестку развития, прибегают к блоковым подходам и санкциям «максимального давления», искусственно провоцируют раскол и конфронтацию. С другой стороны, наблюдается усиление стремления людей к миру, развитию и сотрудничеству. Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны проявляют твердую волю к объединению и стремлению вперед. А новый виток научно-технологических и промышленных преобразований открывает новые широкие возможности»⁷².

Между тем, «протекционизм и блоковое противостояние только приведут к самоизоляции. Экстремальные санкции навредят не только другим, но и самим инициаторам ограничений. Попытка разъединения кооперации и подрыва поставок ведет в никуда. По пути к развитию важно быть искренними партнерами и объединять усилия в формировании открытой мировой экономики, создании более справедливой и рациональной системы глобального управления и миропорядка»⁷³.

Со своей стороны, президент России В.В. Путин, выступая на саммите БРИКС, отметил углубление взаимодействия «по всему спектру вопросов глобальной и региональной повестки дня, и с каждым годом авторитет БРИКС и его влияние на мировой арене неуклонно повышаются. Это объективный процесс, поскольку государства «пятерки» – и это хорошо известно – обладают поистине огромным политическим, экономическим, научно-технологическим и людским потенциалом, и у нас действительно имеются все возможности для совместной эффективной работы, направленной на обеспечение международной стабильности и безопасности, устойчивого роста и процветания, на улучшение благосостояния населения»⁷⁴.

Президент Российской Федерации также отметил востребованность «лидерства стран БРИКС в выработке объединяющего, позитивного курса на формирование по-настоящему многополярной системы межгосударственных отношений, основанной на общепризнанных нормах международного права и ключевых принципах Устава ООН. При этом можно рассчитывать и на поддержку многих государств Азии, Африки, Латинской Америки, стремящихся проводить независимую политику»⁷⁵.

Цели, практически идентичные с видением Москвы и Пекина, были озвучены в повестке дня БРИКС на 2022 год. В частности, провозглашалось намерение продвигать многосторонность, укреплять координацию макроэкономической политики, работать вместе, чтобы способствовать развитию открытой и инновационной мировой экономики, поддерживать стабильную и беспрепятственную промышленную и производственную деятельность. Целей и стимулировать восстановление мировой экономики с целью достижения более сильного глобального развития⁷⁶.

Стратегическое партнерство в рамках БРИКС следует укреплять посредством таких механизмов, как встречи министров иностранных дел, советников по национальной безопасности, постоянных представителей БРИКС при многосторонних организациях, улучшать координацию по основным глобальным и региональным вопросам и углублять сотрудничество по вопросам борьбы с терроризмом, борьбы с наркотиками, безопасности при использовании ИКТ, борьбы с коррупцией, борьбы с отмыванием денег, противодействия финансированию терроризма, противодействия транснациональной преступности, сотрудничеству в космическом пространстве и так далее.

Крайне важным провозглашалась необходимость лучше координировать свою позицию в ООН и других многосторонних структурах, защищать международную систему, в центре которой находится ООН, и поддерживать международный порядок, основанный на международном праве и основных нормах международных отношений, основанных на целях и принципах Устава ООН.

Страны БРИКС должны усилить координацию в рамках «Группы двадцати», ВТО, Всемирного банка и МВФ, предпринимать совместные усилия по совершенствованию системы и правил глобального экономического управления, отстаивать многостороннюю торговую систему, ядром которой является ВТО⁷⁷.

Механизм совещания советников по национальной безопасности БРИКС был инициирован Россией в 2009 году, он служит важной платформой для обмена мнениями и осуществления сотрудничества в области политической безопасности, а также в сфере укрепления стратегических связей, укрепления политического взаимного доверия и повышения влияния в международных делах. Основные темы заседаний включают международную ситуацию, глобальное управление, региональные проблемы,

стратегические вопросы и вопросы безопасности, вопросы борьбы с терроризмом, безопасность при использовании ИКТ, энергетическую безопасность и биозащиту и т. д.⁷⁸

Большое значение имеет развитие сотрудничества в рамках «БРИКС плюс». В частности, президент России В.В. Путин отметил, что «страны выступают за утверждение в мире подлинно демократического многополярного порядка, основанного на принципах равноправия, справедливости и уважения друг друга, за то, чтобы мировая торговля и финансы были свободны от барьеров и политически мотивированных ограничений», а актуальность такого взаимодействия «резко возросла в нынешних условиях разбалансировки международных отношений»⁷⁹. Он фактически противопоставляет БРИКС «линии сторонников так называемого либерального миропорядка на размывание международного права, подрыв многосторонних институтов», при котором «в интересах сохранения своего доминирования некоторые страны последовательно стремятся подменить действующую глобальную архитектуру, опирающуюся на центральную роль ООН»⁸⁰. В результате «расшатывается вся международная валютно-финансовая система, рвутся производственные, логистические и инвестиционные цепочки»⁸¹. Он указал, что негативные явления в мировой экономике и глобальный политический кризис стал результатом «безответственной, макроэкономической политики стран «Большой семёрки», бесконтрольной эмиссии и накопления необеспеченных долгов»⁸².

В контексте перспектив российско-китайского сотрудничества и в формирующемся новом мировом порядке можно обратить внимание на выступления приглашенных на саммит БРИКС лидеров государств. В частности, президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев согласился с тем, что «наблюдаемые в мировой экономике кризисные явления создают препятствия для всей системы глобальной торговли и инвестиций», а в создавшихся условиях «важно принимать скоординированные меры по устранению барьеров и созданию новых производственных и торгово-логистических цепочек, привлечению инвестиций в проекты промышленной кооперации и модернизации инфраструктуры, трансферу технологий и внедрению инноваций, углублению сотрудничества в области искусственного интеллекта, цифровизации, биотехнологий, включая разработку вакцин»⁸³. Президент Узбекистана также выдвинул инициативу по практическому взаимодействию БРИКС и ШОС⁸⁴, и развитие сотрудничества

между двумя ведущими незападными международными структурами с участием РФ и КНР может стать новым шагом на пути формирования нового мирового порядка.

В Пекинской декларации БРИКС страны-участницы подтвердили «приверженность многосторонности посредством соблюдения норм международного права, включая цели и принципы, закрепленные в Уставе Организации Объединенных Наций, который является его краеугольным камнем, и сохранению центральной роли ООН в международной системе, в рамках которой суверенные государства сотрудничают в интересах поддержания мира и безопасности, содействия устойчивому развитию, обеспечения поощрения и защиты демократии, прав человека и основных свобод для всех, развития сотрудничества на основе духа взаимного уважения, справедливости и равенства»⁸⁵.

Декларация БРИКС отражает основные взгляды РФ и КНР на более справедливый мировой порядок. В частности, последовательно выражается мнение о более инклюзивных и представительных институтах глобального управления за счет расширения круга участников, в том числе посредством участия развивающихся и наименее развитых стран. Международные институты должны быть «более гибкими, эффективными, прозрачными, демократичными, объективными, ориентированными на действия и поиск решений, а также внушающими доверие, с тем чтобы способствовать сотрудничеству в выстраивании международных отношений на основе норм и принципов международного права, а также духа взаимного уважения, справедливости, равенства, взаимовыгодного сотрудничества и реалий современного мира». Кроме того, страны подтверждают приверженность «открытой, прозрачной, инклюзивной, недискриминационной и основанной на правилах многосторонней торговой системы»⁸⁶.

В целом, проведение саммита БРИКС в 2022 году показывает, что российско-китайское сотрудничество и их видение мира отражает широкое международное недовольство сложившейся системой международных двустороннем сотрудничестве и тенденциях его развития, Россия и Китай в новых условиях имеют возможности занять лидирующие позиции в новом мировом порядке.

Помимо таких показательных событий, как саммит БРИКС в 2022 году, следует безусловно обратить внимание на взаимодействие России и Китая в Совете Безопасности ООН, а также ряде других организаций, та-

ких как Всемирная организация здравоохранения, Всемирная торговая организация, женевских структурах по разработке стандартов (SDO), таких как Международный союз электросвязи.

Россия и Китай являются одними из ключевых держав тяжеловесами в многосторонних организациях. Многосторонние организации считаются полезными форумами для повышения своего статуса на международном уровне, в том числе для получения (позитивных) «социальных маркеров» для повышения внутренней легитимности или статуса⁸⁷.

Для России важными форумами остаются организации, имеющие отношение к политике безопасности. Большую роль играют организации, базирующиеся в Женеве, которая сохраняет за собой статус важного центра международного посредничества, где проводится ряд предварительных переговоров по конфликтным ситуациям. Эта призма безопасности применима и к другим многосторонним форумам: Россия является важным игроком в Международном союзе электросвязи (МСЭ), поскольку считает, что тема кибербезопасности находится в рамках мандата МСЭ.

Приоритеты Китая во многом определяются его геополитическими и экономическими интересами. Это объясняет сильное внимание Китая к SDO в Женеве, независимо от того, включают ли они МСЭ, Международную организацию по стандартизации (ISO) или другие форумы. Оказание влияния на формирование технических и цифровых стандартов и норм считается важнейшим элементом для создания основы для будущего мирового экономического лидерства. Это в равной степени относится и к организациям, отвечающим за инфраструктуру, и к другим экономическим форумам, таким как Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН)⁸⁸.

Потенциал дальнейшего сотрудничества России и Китая наблюдается в ВТО. В настоящее время их соответствующий вес в ВТО различается. Китай является ключевым игроком в организации и активным пользователем системы разрешения споров, а также присоединился (в отличие от России) к временному арбитражному соглашению 18 членов ВТО, в том числе ЕС, Австралии и Бразилии. В отличие от Китая, Россия присутствует только в двух переговорных группах ВТО. Инструменты глобального влияния Китая носят в большей степени экономический характер, что может объяснять его более активное участие в многосторонних экономических форумах. В то же время укрепление экономического взаимодействия

двух держав, а также схожесть их политико-экономических систем делает их естественными союзниками.

Например, можно отметить потенциал сотрудничества по таким важным аспектам, как регулирование государственных субсидий. Хотя многие разногласия в ВТО не связаны с экономической конкуренцией между США и Китаем, Китай во многих отношениях воспринимается как экономический антиполлюс США и Запада⁸⁹.

Помимо участия в организациях, имеющих отношение к экономическому развитию и торговле, Китай в последние годы расширил свое участие в глобальном здравоохранении, особенно в ВОЗ, где Китай считается ключевым игроком и где он существенно увеличивает свое влияние.

В то же время, Россия и Китай относительно меньше внимания уделяют миграционным и гуманитарным вопросам. Например, ни Агентство ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), ни Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН) не являются приоритетом для Китая или России, что отражается в их очень ограниченном финансовом участии в обеих организациях: финансирование УВКБ ООН из США было примерно в 900 раз выше, чем из Китая. Ни одна из стран не вошла в первую десятку доноров УКГВ ООН (2021 г.). То же самое можно сказать и о Международном комитете Красного Креста (МККК), где ни Россия, ни Китай не фигурируют в числе 23 крупнейших доноров⁹⁰.

Данные примеры демонстрируют схожесть понимания и приоритетов международной повестки для Москвы и Пекина, создавая перспективы дальнейшего эффективного взаимодействия.

Россия и Китай стремятся создать и укрепить контрнарратив по вопросам либеральной демократии, прав человека и международного права. Цель данного перспективного направления состоит в том, чтобы изменить гегемонию западной интерпретации прав человека и демократии, а также роль международных организаций. В этой связи Россия и Китай подчеркивают возрастающее значение совместной деятельности двух стран и широкого круга других государств для сохранения действующей системы международного права в условиях нарастающих попыток Запада продвигать свою концепцию нормо-основе международного порядка.

Россия и Китай значительно активизировали попытки изменить представление в некоторых организациях о том, что понятие права человека должно быть сосредоточено не столько на индивидуальных, сколько

на коллективных правах. Особенностью этого нового дискурса является акцент на государственно-ориентированном диалоге по правам человека и уважении государственного суверенитета. Наконец, в дискурсе подчеркивается право на развитие и борьба с бедностью как ключевые столпы прав человека. Все три элемента считаются попытками ослабить традиционный прозападный дискурс ООН по правам человека⁹¹.

В условиях поляризующихся взглядов на данную и некоторые другие проблемы сотрудничество России и Китая представляется долгосрочным и нацеленным на длительную перспективу. Россия и Китай гораздо активнее формируют и продвигают принципиально иной дискурс в международных организациях, чем недовольство сложившимся положением, некоторыми процедурами или нормами.

Для России важнейшим является получение в рамках МСЭ глобального одобрения идей суверенизации интернета и обеспечения информационной безопасности. Правила в сфере информационной безопасности интерпретируются как попытка нацеливания на все меры, которые могут оказать дестабилизирующее воздействие на государства посредством информационного неравенства⁹².

Россия и Китай используют кадровую политику как ключевой инструмент своего участия в многосторонних организациях. Общая кадровая политика может проводиться на трех уровнях: содействие трудоустройству персонала в организациях ООН, сохранение ключевых должностей в организациях и, наконец, обеспечение ротации дипломатического персонала между основными офисами ООН. За последние несколько лет Китай все чаще использовал программу ООН для младших специалистов (JPO) для поощрения молодых специалистов к работе в организациях ООН. Обе страны – как и другие крупные игроки – продемонстрировали стремление поставить своих граждан на ключевые посты в ООН. Китай и Россия, как правило, нанимают сотрудников на посты в ООН в своих представительствах, которые специализируются на делах ООН и которые перемещаются исключительно между подразделениями ООН. Наличие опытного персонала, хорошо знающего процедурные правила, может быть очень важным преимуществом⁹³.

Россия и Китай регулярно сотрудничают, когда отвергают критику своей политики на форумах ООН. Китай часто выступает движущей силой в попытках сформировать иной нарратив в организациях ООН, Россия поддерживает эти предложения и выдвигает собственные.

Россия и Китай обычно поддерживают друг друга во время совместных заявлений. Например, в 2020 г. и в 2021 г. в рамках обсуждений в ООН Россия резко отвергала западную критику политики Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Критику действий России в кризисе на Украине не поддерживает Китай, который либо воздерживается, либо поддерживает российскую позицию. Сотрудничество применяется не только как защитный механизм для отклонения международной критики, но в некоторых случаях также приводит к продвижению совместной повестки дня и нарративов.

И Россия, и Китай также кажутся единомышленниками в дискуссиях о формировании стандартов для цифровых технологий. В результате все чаще возникает сотрудничество в международных организациях по стандартизации. Это относится к таким вопросам, как необходимость установления глобальных стандартов для распознавания лиц. При поддержке России Китай продвигает мировые стандарты в этой области, против чего возражают страны ЕС и США, которые указывают на право на неприкосновенность частной жизни, и угрозу распространения дискриминационных практик. Россия настаивает на обсуждении вопросов кибербезопасности в рамках мандата МСЭ, который Запад отвергает, ссылаясь на угрозу ограничения свободы слова на цифровых форумах. В целом Китай поддерживает позицию России в МСЭ, хотя в данном контексте трудно говорить о полноценном стратегическом союзе. В то время как российские дипломаты уделяют большое внимание кибербезопасности, китайские эксперты на этих форумах предпочитают сосредотачиваться на искусственном интеллекте и новых правах интеллектуальной собственности.

Россия и Китай отстаивают схожие позиции в отношении реформы организаций ООН, выбирая подход, делающий упор на государственный суверенитет и опасаясь введения механизмов мониторинга, не говоря уже о санкционных механизмах. Это можно наблюдать в продолжающихся дискуссиях о реформе ВОЗ, в рамках которых обе державы совместно сопротивлялись требованиям стран Запада повысить политическую независимость ВОЗ или реформировать Международные медико-санитарные правила, и ни одна из них не поддерживает более строгий внешний контроль государственной политики в случае вспышек заболеваний, как предлагается в некоторых западных предложениях по реформе, не говоря

уже об обязательном и немедленном доступе внешних наблюдателей или механизмах санкций в случае несоблюдения⁹⁴.

В настоящее время и, видимо, в перспективе, Россия и Китай продолжают выступать в качестве центров притяжения несогласных с прозападной системой и ее ограничениями. Китай предпочитает активнее собирать сторонников, что заметно на различных форумах, будь то Совет по правам человека, ВОЗ или базирующиеся в Женеве SDO. Одним из его ключевых союзников на нескольких форумах был Пакистан – страна, с которой у Китая очень тесные экономические (Китайско-пакистанский экономический коридор), политические (совместное сдерживание Индии) и оборонные отношения.

Россия и Китай демонстрируют близость позиций или их единство по таким моментам, как, например, дебаты по Беларуси, во время которых регулярно вносили многочисленные поправки в резолюции, чтобы смягчить жесткие формулировки. В ответ заинтересованные страны инициируют совместные заявления, в которых отвергают критику в адрес Китая или России.

Изменение нарративов представляется сложным и продолжительным процессом, нацеленным на долгосрочную перспективу и, вероятно, процесс будет продолжаться в условиях уже нового мирового порядка, по-прежнему актуализируя российско-китайское сотрудничество в данном направлении. Россия и Китай регулярно подчеркивают важность многосторонних решений, и обе державы демонстрируют свое предпочтение двусторонней поддержке, которая позволяет им нацеливаться на своих союзников и надежных партнеров, добиваясь реализации своих планов.

В целом, сотрудничество между Россией и Китаем не является достаточным условием для достижения успеха на международных форумах ни одной из сторон. Но ряд причин благоприятствует эффекту китайско-российского сотрудничества.

В частности, наблюдатели отмечают «усталость от Запада», которая прослеживается среди многих, особенно развивающихся, стран на фоне растущего восприятия непропорциональной роли западных стран в многосторонних форумах не только в финансовом плане, но и в формировании нарративов. Китай – с определенным успехом, особенно в ВТО, а также в ВОЗ и в Совете ООН по правам человека – действует как защитник развивающихся стран и временами, совместно с Россией, успешно сплачивает группы африканских стран или Организацию Исламское сотрудничество (ОИС) в поддержку продвигаемых инициатив.

Относительное ослабление Запада становится очевидным для все более широкого круга стран. Во многих случаях страны Запада либо не объединялись, либо сумели объединиться слишком поздно, либо не сумели достаточно быстро построить союзы за пределами своего альянса.

На этом фоне все более заметным становится нежелание многих государств бросить вызов Китаю или России, опасаясь последствий. Даже страны ЕС предпочитают не слишком однозначно позиционировать себя во многих случаях⁹⁵.

Влияние сотрудничества России и Китая в перспективе будет возрастать. В настоящее время очевидно, что хорошее знание процедур и инструментов, способность создавать союзы и использовать экономическое и политическое влияние важны, но все еще относительно небольшой финансовый след на многосторонних форумах несколько ограничивает влияние и доверие к приверженности Москвы и Пекина многосторонним организациям. По-прежнему существует некоторое резкое несоответствие между твердо сформулированными обязательствами в отношении многосторонних решений и отсутствием финансовой поддержки действительно глобальных инициатив.

В большинстве случаев сотрудничество носило в первую очередь оборонительный характер. Однако в ряде случаев Китаю и/или России удавалось выдвинуть и добиться реализации конструктивных предложений или инициатив по решению глобальных проблем. В то же время, в перспективе баланс должен будет сместиться в сторону большей инициативности, как это проявляется, например, в совместных попытках пересмотреть прозападные нарративы.

В целом, как представляется, сотрудничество между Россией и Китаем будет развиваться в направлении дальнейшего развития полноценного, скоординированного стратегического союза с консолидированным видением, применяемым на уровне регионов и в рамках глобального сотрудничества, что проявляется в многосторонних организациях, и едва ли трансформируется в обычный тактический союз.

Тем не менее, скорость и масштабы сотрудничества между Россией и Китаем в определенной степени зависят от внешней среды. Очевидно, что это сотрудничество воспринимается на Западе как вызов⁹⁶. При этом обе державы необходимы как важные партнеры для решения глобальных проблем, начиная с изменения климата до разоружения, несмотря на про-

тиворечия с Западным пониманием. Нарушая нормативную гегемонию Запада в отношении ценностей и установленных Западом правил, Китай и Россия естественным образом уменьшают влияние Запада в целом и в странах, которые они считают зонами влияния, в частности.

Это становится ключевой проблемой для Запада, который оценивает ситуацию в рамках игры с нулевой суммой. Если Китай и Россия будут определять ценности и стандарты, это повлияет на политическое и экономическое развития и влияние Запада. Например, если ИТ-стандарты будут формировать не Запад, а Китай, это будет иметь пагубные последствия для западного бизнеса, так как будут приняты правила, которые ближе к потребностям китайского бизнеса, а не к Западу. Кроме того, возможность сослаться на стандарт МСЭ уже является важным аспектом для выхода на рынок в третьих странах. Антагонистическое восприятие содействует эскалации конфликта и большей непредсказуемости конфигурации сил по его окончании⁹⁷.

В то же время, возможности Запада по формированию альтернативных органов управления, например, в рамках G7, крайне ограничены, а такие попытки выглядят неудачными⁹⁸. В этом контексте можно отметить выход США из Совета по правам человека ООН в 2018 году, который не делегитимировал организацию для подавляющего большинства государств – но привел к усилению влияния России и Китая⁹⁹.

Если западные страны решат сократить свои взносы в международные организации, это не только еще больше подорвет способность этих организаций выполнять свой мандат, но и откроет перед Россией и Китаем новые возможности. Такие инициативы, как «Альянс за многосторонность» (инициированный Францией и Германией) или будущий «Альянс демократий» (предложенный президентом США Джо Байденом) могут служить сигналами для России и Китая, выглядеть попытками сплотить прозападные страны-единомышленники и дополнить их состав.

Учитывая, что большинство организаций основаны на логике «одна страна – один голос», для российско-китайского партнерства и для Запада очень важно создавать альянсы даже за пределами собственной группы единомышленников. В современных условиях Россия и Китай, с одной стороны, и Запад, с другой, сами по себе не имеют большинства в многосторонних организациях. Это особенно верно в отношении Африки, позиция государств которой по многим вопросам скоординирована, иногда

имеет решающее значение для создания большинства или, по крайней мере, усиления давления. Борьба за влияние в Африке, Азии или Латинской Америки может сыграть решающую роль в разворачивании противоборства. Это, однако, также будет означать компромисс по некоторым позициям. Эти компромиссы могут быть болезненными, однако Китай и Россия успешнее, чем Запад, позиционируют себя как защитников интересов развивающихся стран.

В перспективе, как представляется, этот фактор будет способствовать дальнейшему нарастанию влияния китайско-российского сотрудничества на многосторонних форумах и может в долгосрочной перспективе изменить парадигмы многосторонности. Помимо нормативного сдвига, это серьезно затронет основные интересы Запада и глобального баланса сил¹⁰⁰.

Рост экономического взаимодействия становится еще одной отличительной чертой российско-китайского сотрудничества. Можно отметить, что, хотя сотрудничество эффективно осуществляется на различных региональных форумах, посвященных вопросам безопасности, но также получает все большее экономическое наполнение, что также находит отражение на глобальном уровне.

Ключевой тенденцией сотрудничества становится российская политика разворота на восток. В целом Россия переориентирует свой экспорт энергоносителей на рынки Китая, Индии и Азиатско-Тихоокеанского региона, и этот процесс ускорился из-за санкций. Но он быстро достигает логистических пределов того, что может поддерживать существующая инфраструктура. «Российско-китайская транспортная логистика на Дальнем Востоке в нынешних санкционных условиях является, одновременно, и вызовом, и возможностью для двух государств. Вызов связан с растущим валом перевозок, идущих из Китая, с которым уже не справляется транспортно-портовая инфраструктура российского Дальнего Востока. Возможности заложены в открывающихся дополнительных прибылях для перевозчиков на российско-азиатских маршрутах, которые будут увеличиваться пропорционально сокращающимся поставкам по западным коридорам. Остро встает вопрос о создании на Дальнем Востоке российского контейнерного флота, который потенциально мог бы замкнуть на себя часть новых морских перевозок»¹⁰¹.

России удалось компенсировать первоначальное санкционное давление притоком доходов от энергоносителей, поддерживаемым спросом в

Азии. Эти новые торговые потоки в конечном счете зависят от устойчивости спроса. Восточная Азия во главе с Китаем представляет собой наиболее надежную альтернативу.

«Ключевым элементом в новых условиях является транспортно-логистическая перестройка и «открытие» российского Дальнего Востока, создание дополнительных коридоров и площадок на преференциальной и не преференциальной основе»¹⁰².

Россия и Китай предпринимают усилия по развитию логистических возможностей. Так, 27 апреля 2022 года состоялся пуск «нового железнодорожного моста через Амур «Нижнеленинское Тунцзян» стал четвертым полноценным железнодорожным «окном» в Китай, сократив расстояние из провинции Хэйлуунцзян (КНР) до Москвы на 700 км и время в пути на 10 часов»¹⁰³. В июне 2022 года состоялось открытие нового транспортного моста через реку Амур¹⁰⁴.

Подобные меры призваны отразить тенденцию дальнейшего роста двусторонней торговли между Китаем и Россией. Открытие новых транспортных путей происходит в условиях продолжения политики КНР «нулевой терпимости к COVID-19», следствием которой является жесткий сухопутный пограничный контроль, что свидетельствует о заинтересованности Пекина и долгосрочной двусторонней стратегии.

В целом, укрепление отношений между Китаем и Россией не является тактическим союзом, но движимы сложным набором общих интересов и приоритетов. Экономические силы, высвобождаемые глобализацией, также работают на укрепление этих отношений сотрудничества. Обе державы стремятся смягчить негативные последствия глобализации, способствуя увеличению трансграничной торговли. Китай получает выгоду от расширения доступа к российским поставкам энергетических ресурсов, а Россия выигрывает от большей интеграции российского Дальнего Востока в экономику АТР. Сфера вооружений также является важнейшей областью сотрудничества, чье значение растет в свете обострения международной обстановки. Для России эти продажи представляют собой очень важный источник экспортных поступлений. Китай, в свою очередь, полагается на современное вооружение и военные технологии России в условиях ограничений со стороны Запада.

Военное измерение существенно дополняет стратегическое сотрудничество. Китай, являющийся крупнейшим покупателем российского

оружия, постепенно наращивает свою долю на мировом рынке вооружений и стремится заместить российский импорт собственными разработками. Однако Россию может меньше беспокоить увеличение доли Китая на рынке экспорта вооружений. Китайские продажи оружия в основном нацелены на «нижний» сегмент рынка. Сохраняющаяся зависимость Пекина от российских авиадвигателей и передовых технологий ограничивает тотальную конкуренцию с Москвой в этой области. Но Кремль питает опасения по поводу интеллектуальной собственности.

Россия постарается и впредь поставлять экспортные версии своих наиболее важных систем вооружений, оставляя при этом самые передовые версии для своих вооруженных сил. Но очевидно, что сотрудничество в данной области является обоюдовыгодным. Чем меньшим количеством технологий Москва готова рисковать в оружейных сделках с Китаем, тем меньше Пекин может нуждаться в оборонном сотрудничестве с Россией. Передача технологий и совместные проекты развития будут приобретать все большее значение, и по мере развития этого процесса оборонное сотрудничество двух держав должно углубляться. Важно иметь в виду, что приобретение российских военных технологий – это только часть более комплексной и обширной стратегии приобретения технологий, направленной на превращение Китая в военную сверхдержаву¹⁰⁵.

И Китай, и Россия осознают потенциальную военную ценность технологий, заложенных в четвертой промышленной революции. Также очевидно, что обе страны хотят внедрять инновации с помощью новейших технологий и применять эти инновации в своих вооруженных силах. Таким образом, обе страны продвигают инициативы и усилия по развитию таких технологий. Тем не менее, путь к реализации этих амбиций сталкивается со многими препятствиями. России мешает нехватка финансирования, что приводит к снижению уровня инноваций в стране в целом. По сравнению с Россией, Китай, по-видимому, имеет более сильную национальную инновационную систему, а также, похоже, продвинулся дальше в содействии военно-коммерческому технологическому сотрудничеству. В то же время у него гораздо более амбициозная повестка дня, когда речь идет об использовании в военных целях таких областей, как искусственный интеллект, квантовые вычисления, большие данные, сети 5G, робототехника, человеко-машинное взаимодействие, автоматизированное принятие решений, в дополнение к таким областям, как гиперзвук и биотехнологии.

У Китая есть развитая местная технологическая база вне военно-промышленного комплекса, наличие нескольких глобально связанных и высококонкурентных высокотехнологичных компаний, обширные и интенсивные связи с западными высокотехнологичными компаниями технологических секторов и, возможно, самое главное, высокий уровень финансовой поддержки, как государственной, так и частной. Все эти факторы делают использование местных коммерческих высоких технологий для поддержки военно-технических инноваций, более выполнимыми и более вероятными в плане получения ожидаемых результатов.

Маловероятно, что Россия или Китай откажутся от своих усилий в технологическом направлении в военных целях. В частности, обе державы считают искусственный интеллект настоящим прорывом, который может повлиять на многие другие области военно-технических инноваций¹⁰⁶.

Россия и Китай едины в своей стратегической цели превратить нынешний международный порядок, в котором, по их мнению, доминирует Запад и который возглавляют США, в многополярный мир с зонами интересов, связанными с великими державами.

Пекин и Москва явно поддерживают друг друга, объединяясь против Запада, и все больше координируют свою работу, в том числе посредством военных учений (которые имеют ключевое значение для укрепления доверия, повышения военной оперативной совместимости и отправки стратегических сообщений).

При этом, хотя они единомышленники во многих смыслах и похожи во многих отношениях, они также дополняют друг друга в замыслах своих военно-стратегических позиций. В частности, Китай уделяет большое внимание морскому измерению с долгосрочной и стратегической точки зрения. Россия представляет собой с точки зрения геополитики континентальную сухопутную державу, а также одну из двух ядерных сверхдержав. Именно это сочетание единства и взаимодополняемости превращает российско-китайский альянс в ведущее звено формирования нового мирового порядка.

И Москва, и Пекин с тревогой относятся к экономическому, политическому и военному доминированию США в мировых делах. Они защищают международный порядок, основанный на Организации Объединенных Наций, где каждый имеет право вето в Совете Безопасности, от Соединенных Штатов, стремящихся изменить этот порядок в свою пользу¹⁰⁷.

Перспективы российско-китайского сотрудничества варьируются в широком спектре возможных проявлений, от высокоинтегрированного совместного стратегического планирования в мирное время до скоординированных военных действий на разных театрах военных действий. Однако подобное сотрудничество может происходить уже при формальном объявлении временного военного союза, и в настоящее время не происходит никаких действий, указывающих на подобный сценарий.

В перспективе сотрудничество может варьироваться в некоторых областях, может трансформироваться в союзе де-факто с геополитически региональным разделением труда, но без глубокой координации или организованных совместных действий, и даже, в случае совпадения целого ряда обстоятельств, трансформироваться в военный союз, основанный на стратегической концепции с высокоинтегрированным планированием и общими координируемыми действиями в глобальном масштабе.

Даже самый ограниченный вариант дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества может иметь далеко идущие последствия для всего формирующего мирового порядка. Союз, в котором и Россия, и Китай едины в своем геополитическом намерении изменить международный порядок, основанный на правилах, в соответствии со своими интересами; совместно действовать против доминирования западных институтов и альянсов, возглавляемых США; и следовать принципу «разделения труда», применяя отдельные подходы в своих соответствующих регионах без строгой координации своих планов и действий. Структура такого неформализованного альянса не будет основываться на скоординированном геостратегическом подходе и не будет опираться на комплексное оперативное планирование, а значит, не будет включать и заранее спланированную взаимную поддержку в случае конфликта. Однако даже такой вариант союза России и Китая имеет разрушительную перспективу для Запада, в том числе для НАТО как на геополитическом, так и на оперативном уровнях.

Технологическое сотрудничество между военно-гражданскими комплексами обеих держав может помочь как России, так и Китаю в дальнейшей модернизации и повышении качества их активов для современной цифровой войны, включая совместные операции. В результате Запад может оказаться в крайнем затруднении в попытках эффективно компенсировать потерю своих позиций. Растущее лидерство Китая в новых технологиях

«двойного назначения», предназначенных как для гражданского, так и для военного применения, трудно поддается оценке и может иметь далеко идущие последствия в сферах безопасности и обороны. Технологии играют важную роль в развитии и перспективах сотрудничества, особенно с учетом обостряющегося соперничества между глобальными центрами силы. Более того, технологическое развитие способно изменить соотношение между экономической и военной мощью, в силу чего последние два фактора находятся в постоянном движении. Технологии искусственного интеллекта, робототехника и квантовые вычисления имеют множество применений как в частном, так и в военном секторах, что облегчает Китаю получение выгоды от инноваций в этих областях. Если ключевые военные технологии будущего относятся к семейству технологий двойного назначения, Китаю легче догнать США. Этот более широкий контекст также определяет будущее китаяско-российского сотрудничества¹⁰⁸.

Собственные технологические программы и база знаний России направлены на разработку заслуживающих доверия национальных решений, в то время как Китай ориентирован на экспорт в стремлении приобрести ноу-хау, завоевывать рынок и устанавливать стандарты. В ситуации, когда России по-прежнему не хватает заслуживающих доверия национальных технологических решений, а технологическое разделение между Китаем и США углубляется, раскол между Россией и Западом подталкивает Россию к внедрению китайских технологий.

Между тем, интересы безопасности в технологическом секторе могут быть достигнуты за счет переговоров о технических стандартах на глобальном уровне и обеспечения актуальности политики передачи технологий. Конфронтация в данном вопросе предоставляет Китаю больше возможностей.

Еще одна область, в которой Россия и Китай могут извлечь выгоду из своей взаимодополняемости в свою пользу – это их подход к наземным и морским владениям. Россия как доминирующая сухопутная держава Европы с вытекающими отсюда оперативными последствиями уже представляет огромную проблему для НАТО. Китай, со своей стороны, систематически расширяет свою роль доминирующей морской державы Азии, но при этом обладает потенциалом для создания беспрецедентно большой армии для ведения наземных боевых действий, а также для проецирования высокотехнологичной цифровой воздушной и космической мощи¹⁰⁹.

В этих условиях именно ЕС как наиболее уязвимый регион может быть оставлен в качестве проблемы сдерживания и защиты от угрозы со стороны России. Соответственно, ЕС может принять на себя основной удар противостояния в политическом и экономическом смыслах, и в плане безопасности¹¹⁰.

В перспективе, как представляется, китайско-российские отношения имеют немного шансов на полноценный военный союз и будут скорее всего основываться на независимых оценках их совпадающих взаимных интересов. Прочные отношения между этими государствами являются положительной тенденцией, так как способствуют стабильности в регионе и экономическому развитию.

Кризис на Украине и антагонизм с Западом уже создал новую реальность как минимум для России. Следствием становится безальтернативность дальнейшего наращивания сотрудничества между Россией и Китаем, даже несмотря на возможные опасения Москвы по поводу растущей экономической асимметрии между двумя странами. Для Пекина наращивание сотрудничества с Россией выглядит важнейшим условием сохранения более благоприятного для себя баланса сил, который препятствует возможному стремлению Соединенных Штатов сосредоточить все свое внимание на противодействии подъему Китая.

В контексте кризиса на Украине важно отметить, что Россия в принципе не использует многие из военных возможностей, о которых Соединенные Штаты беспокоятся больше всего, например, российские подводные лодки, стратегический и тактический ядерный арсенал, средства кибер- и радиоэлектронной борьбы. Они фактически не затронуты в событиях на Украине. При любом исходе Россия сохранит намерение бросать вызов Западу, оставаясь силой, с которой необходимо считаться.

Кроме того, Россия продемонстрировала стратегическое видение, свою сильную волю и способность использовать, комбинировать и интегрировать военную мощь, дипломатические маневры и гибридную войну для продвижения такого видения. Россия сочетает различные инструменты для создания благоприятных для себя условий, помогая ей достигать геополитических целей. Способность сочетать дипломатические навыки, стратегические манипуляции и гибридную войну для достижения геополитических целей подкрепляют амбиции и потенциал Москвы¹¹¹.

Для России и Китая в контексте перспектив развития их отношений очевидна их взаимная ценность независимо от того, как будет разворачиваться противостояние с Западом. Если единство западных союзников окажется подорванным, или если ЕС в конечном итоге откажется от жесткого противостояния, сохраняя экономические связи с Пекином, это вряд ли непосредственно повлияет на перспективы российско-китайского взаимодействия. Более того, подобный сценарий ясно показывает полезность российско-китайского стратегического партнерства для отражения возможных кампаний давления под руководством США, в том числе их поддержки «цветных революций» и экономических санкций. В этом случае Китай получит полную свободу действий для углубления связей с Россией, включая непосредственную помощь ей в отвлечении внимания и противодействии Соединенным Штатам, не нанося ущерба своим связям с ЕС. Россия сможет противостоять давлению со стороны НАТО и США, будучи уверенной в ослаблении скоординированного давления Запада или даже его отсутствии¹¹².

Если же Запад сохранит единый фронт США и ЕС, Россия и Китай также продолжили бы развитие сотрудничества в контексте переосмысления Пекином целесообразности еще более полномасштабного объединения с Россией против Запада, убеждая во взгляде на предстоящую сложную борьбу против Соединенных Штатов. В частности, при подобном сценарии следовало бы ожидать приоритетного видения Пекином рассмотрения России как партнер в снижении зависимости Китая от ориентированной на Запад глобальной финансовой системы, особенно в контексте беспрецедентных финансовых мер, предпринятых против Москвы¹¹³.

Внешние структурные факторы, такие как расширение НАТО и поддержка Вашингтоном Тайваня, сами по себе достаточны для объяснения тенденции к укреплению российско-китайского партнерства, однако внутренняя динамика в России и Китае и совпадающие интересы двустороннего сотрудничества могут быть гораздо более важной движущей силой их сближения.

В целом, как представляется, долгосрочное сближение России и Китая является практически неизбежным. При этом Россия более терпима к риску, чем Пекин. КНР предпочитает стабильность, которая необходима для защиты и облегчения экономического капитала. Но даже в обозримом будущем будет сложно представить сценарий, при котором можно будет наблюдать рост расхождений между Россией и Китаем как устойчивую

тенденцию. Скорее, можно будет рассматривать уровень и глубину их партнерства в контексте способностей преодолевать препятствия, с которыми они сталкиваются, решать проблемы, связанные с симметрией российско-китайских отношений.

Таким образом, подводя итоги главы 4, можно сделать следующие выводы.

1. Одной из главных проблем дальнейшего развития российско-китайских отношений является кризис на Украине, который уже привел к беспрецедентным по масштабу антироссийским санкциям и ускорению разворота России на восток. Основными вопросами являются степень поддержки Китаем России. Можно отметить нейтралитет Пекина и его понимание озабоченности Москвы вопросами обеспечения безопасности и ее неделимости. Важным аспектом является противодействие санкционной политике, которую КНР осуждает как бессмысленное действие, усугубляющее экономическое положение во всем мире.

Можно отметить, что в условиях кризиса на Украине Россия и Китай продвигают собственные интересы. Китай не планирует собственное вовлечение в конфликт, осуждая любое оказание военной помощи одной из сторон. Если Россия добивается гарантий безопасности и формирования более справедливого мирового порядка, то Китай стремится решить свои собственные стратегические и геополитические проблемы и реализовать открывающиеся возможности.

Определенная динамика наблюдается на уровне регионов, где на фоне противостояния России и Запада трансформируются вызовы и угрозы безопасности, которые неизбежно сказываются на политике двух держав. Традиционные и новые угрозы региональной безопасности требуют от РФ и КНР дальнейшего укрепления сотрудничества и понимания по вопросам регионального взаимодействия.

В целом, в условиях резкого обострения напряженности, включения Китая в разряд угроз для НАТО, противостояния России и Запада очевидным являются назревшие изменения в системе международных отношений. Важнейшим является вопрос, каковыми будут уровень сотрудничества, интересы и положение России и Китая при новом мировом порядке.

2. Сотрудничество России и Китая переживает последовательный рост, и эта тенденция остается достаточно устойчивой, невзирая на достигаемые масштабы сотрудничества или внешнюю среду. В основе развития

сотрудничества лежат взаимодополняемость их экономик и общие подходы к угрозам региональной и международной безопасности на фоне понимания структурных проблем системы международных отношений, сложившейся после распада Советского Союза.

Продолжающийся кризис в отношениях между Россией и Западом, обозначение Западом Китая как своего стратегического противника, в частности, в официальных документах НАТО, стимулирует дальнейшее сближение двух великих держав. Российско-китайское сотрудничество и их видение мира отражает широкое международное недовольство сложившейся системой международных отношений с господством Запада. О растущей поддержке позиции РФ и КНР со стороны незападных стран свидетельствует постепенное формирование и укрепление международных структур без участия стран Запада, таких как БРИКС или ШОС, что, в свою очередь, указывает на возможности глобального лидерства стратегического альянса России и Китая в формируемом новом мировом порядке.

Как представляется, развитие стратегического сотрудничества Москвы и Пекина носит объективный характер, быстрое и разностороннее развитие взаимодействия между ними представляется в сложившихся условиях естественным процессом, на который могут повлиять только внезапные и кардинальные структурные изменения в глобальной политике или в балансе сил между Россией и КНР.

---

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 30.05.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ The War in Ukraine Is Testing China's New Partnership With Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/30366/the-ukraine-russia-war-is-testing-china-russia-relations> (дата обращения: 06.07.2022)

⁸ Россия и Китай: стратегическое партнёрство, ориентированное в будущее. Опубликована статья Владимира Путина для китайского информационного агентства «Синьхуа». 3 февраля 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67694> (дата обращения: 06.07.2022).

⁹ Jonny Hall & Hugh Sandeman. NATO's Resilience: The first and last line of defence. May, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/2022-SU-NATO-HallSandeman.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

---

¹⁰ The War in Ukraine Is Testing China's New Partnership With Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/30366/the-ukraine-russia-war-is-testing-china-russia-relations> (дата обращения: 06.07.2022).

¹¹ Qin Gang. Where we stand on Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/15/china-ambassador-us-where-we-stand-in-ukraine/> (дата обращения: 06.07.2022).

¹² Там же.

¹³ Mohammadbagher Forough. What Will Russia's Invasion of Ukraine Mean for China's Belt and Road? [Электронный ресурс]. URL: <https://thedi diplomat.com/2022/03/what-will-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Qin Gang. Where we stand on Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/15/china-ambassador-us-where-we-stand-in-ukraine/> (дата обращения: 06.07.2022)

¹⁷ Там же.

¹⁸ Lily Kuo and Vic Chiang. Wary of China threat, Taiwanese join Ukraine's fight against Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/07/03/taiwan-fighters-ukraine-war-russia-china-threat/> (дата обращения: 06.07.2022)

¹⁹ Там же.

²⁰ Qin Gang. Where we stand on Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/15/china-ambassador-us-where-we-stand-in-ukraine/> (дата обращения: 06.07.2022).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Jonny Hall & Hugh Sandeman. NATO's Resilience: The first and last line of defence. May, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/2022-SU-NATO-HallSandeman.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

²⁴ Встреча НАТО в верхах 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_196144.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 06.07.2022).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Заявление по итогам встречи в верхах в Мадриде [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 06.07.2022).

²⁸ NATO 2022 Strategic Concept. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 06.07.2022).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Zhuoran Li. China's Diplomatic Campaign Following Russia's Ukraine Invasion [Электронный ресурс]. URL: <https://thedi diplomat.com/2022/06/chinas-diplomatic-campaign-following-russias-ukraine-invasion/> (дата обращения: 06.07.2022).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Export controls against Russia are working—with the help of China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pii.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china> (дата обращения: 06.07.2022)

---

⁴⁰ Российско-китайский диалог: модель 2022: доклад № 78 / 2022 / [А. В. Картунов, К. В. Бабаев, Чжао Хуашэн, Лю Хуацинь и др.; под ред. И. Н. Тимофеева, П. В. Бакулиной, Е. О. Карпинской и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2022. 82 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2022-Report78.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

⁴¹ Там же.

⁴² Andrew Radin, Andrew Scobell, Elina Treyger, J.D. Williams, Logan Ma, Howard J. Shatz, Sean M. Zeigler, Eugeniu Han, Clint Reach. China-Russia Cooperation. Determining Factors, Future Trajectories, Implications for the United States [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3067.html (дата обращения: 06.07.2022).

⁴³ Piya Kusa. China's Strategic Calculations in the Russia-Ukraine War [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/chinas-strategic-calculations-russia-ukraine-war> (дата обращения: 06.07.2022).

⁴⁴ Marcin Kaczmarski. Which Russia-China Relationship Will Emerge After the War? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/which-russia-china-relationship-will-emerge-after-war-34895> (дата обращения: 06.07.2022).

⁴⁵ Nicolas Bouchet. The Impact of the War in Ukraine on the Transatlantic Relationship [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gmfus.org/news/impact-war-ukraine-transatlantic-relationship> (дата обращения: 06.07.2022).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Velina Tchakarova. Enter the 'DragonBear': The Russia-China Partnership and What it Means for Geopolitics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/research/enter-the-dragonbear/> (дата обращения: 06.07.2022).

⁴⁹ David O. Shullman. Best and Bosom Friends: Why China-Russia Ties Will Deepen after Russia's War on Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/analysis/best-and-bosom-friends-why-china-russia-ties-will-deepen-after-russias-war-ukraine> (дата обращения: 06.07.2022).

⁵⁰ Trym Eiterjord. What Does Russia's Invasion of Ukraine Mean for China in the Arctic? [Электронный ресурс]. URL: <https://thediomat.com/2022/03/what-does-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-china-in-the-arctic/> (дата обращения: 06.07.2022)

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Jun Kumakura. Deepening Russia-China Relations – Russia's Growing Presence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jiia.or.jp/en/column/2022/02/russia-fy2021-06.html> (дата обращения: 06.07.2022).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Джорбенадзе И. «Подерутся» ли Россия и Китай из-за Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2022/06/14/1962235.html> (дата обращения: 06.07.2022).

⁶³ Russia's China Trade Up 28.7% In Q1 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-s-china-trade-up-28-7-in-q1-2022.html/> (дата обращения: 06.07.2022).

⁶⁴ Там же.

---

⁶⁵ Как Россия и Китай собираются нарастить взаимную торговлю до \$200 млрд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2022/61fd2b419a7947752427d700> (дата обращения: 06.07.2022).

⁶⁶ David Uren. Can BRICS become the anti-G7 that Russia and China want it to be? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/can-brics-become-the-anti-g7-russia-and-china-want-it-to-be/> (дата обращения: 06.07.2022).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Эксклюзив: БРИКС может стать локомотивом мировой экономики -- замглавы Минпромторга РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20220624/6fa2d0d13a504b96a8728982dc15072a/c.html> (дата обращения: 06.07.2022).

⁷¹ Там же.

⁷² Полный текст выступления Си Цзиньпина на Диалоге высокого уровня по глобальному развитию [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20220625/edbebe540fb0406c89ed78119fef51d2/c.html> (дата обращения: 06.07.2022).

⁷³ Там же.

⁷⁴ Выступление Президента Российской Федерации на саммите БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68696> (дата обращения: 06.07.2022).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Concept Paper on Thematic Issues [Электронный ресурс]. URL: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/zg2022/CPTI/> (дата обращения: 06.07.2022).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Meeting of BRICS High Representatives for Security Issues [Электронный ресурс]. URL: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/zdhzlyhjz/MBHRSI/> (дата обращения: 06.07.2022).

⁷⁹ Выступление Президента Российской Федерации на встрече «БРИКС плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68700> (дата обращения: 06.07.2022).

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Президент Узбекистана в ходе Диалога высокого уровня в формате "БРИКС плюс" выступил за широкое международное сотрудничество в достижении Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20220625/abde22bd435e4d01a2b3a446db73aef7/c.html> (дата обращения: 06.07.2022).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 06.07.2022).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Olaf Wientzek. Cooperation Between Russia and China in Multilateral Organizations: A Tactical or a Strategic Alliance? [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_12#auth-Olaf-Wientzek (дата обращения: 06.07.2022).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Robin Shepherd. Dangerous liaison: U.S. and allies target China-Russia ties [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/newsletters/politico-china-watcher/2022/07/07/dangerous-liaison-u-s-and-allies-target-china-russia-ties-00044380> (дата обращения: 08.07.2022).

⁹⁰ Olaf Wientzek. Cooperation Between Russia and China in Multilateral Organizations: A Tactical or a Strategic Alliance? [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_12#auth-Olaf-Wientzek (дата обращения: 06.07.2022).

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

---

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Yun Sun. China's Strategic Assessment Of Russia: More Complicated Than You Think [Электронный ресурс]. URL: <https://warontherocks.com/2022/03/chinas-strategic-assessment-of-russia-more-complicated-than-you-think/> (дата обращения: 06.07.2022).

⁹⁷ Olaf Wientzek. Cooperation Between Russia and China in Multilateral Organizations: A Tactical or a Strategic Alliance? [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_12#auth-Olaf-Wientzek (дата обращения: 06.07.2022).

⁹⁸ Politico: саммит G7 провалился и стал самым неудачным за последние годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/06/29/929086-cammit-g7-provalilsya> (дата обращения: 06.07.2022).

⁹⁹ Olaf Wientzek. Cooperation Between Russia and China in Multilateral Organizations: A Tactical or a Strategic Alliance? [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_12#auth-Olaf-Wientzek (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Лузянин С. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/dalnevostochnoe-izmerenie-rossiyskogo-povorota-na-vostok-zakroet-li-kitay-sanktsionnye-breshi-rossii/> (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ China and Russia are building bridges. The symbolism is intentional [Электронный ресурс]. URL: <https://www.9news.com.au/world/russia-ukraine-updates-china-and-russia-are-building-bridges-the-symbolism-is-intentional/256b131b-2a56-417e-a80d-df1de13e64be> (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁰⁵ What a Military Alliance Between Russia and China Would Mean for NATO [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_13 (дата обращения: 06.07.2022)

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Joseph Dresen. The Prospects for a Sino-Russian Strategic Partnership [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-prospects-for-sino-russian-strategic-partnership> (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁰⁸ What a Military Alliance Between Russia and China Would Mean for NATO [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_13 (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Yun Sun. China's Strategic Assessment Of Russia: More Complicated Than You Think [Электронный ресурс]. URL: <https://warontherocks.com/2022/03/chinas-strategic-assessment-of-russia-more-complicated-than-you-think/> (дата обращения: 06.07.2022).

¹¹² David O. Shullman. Best and Bosom Friends: Why China-Russia Ties Will Deepen after Russia's War on Ukraine [Электронный ресурс]. URL <https://www.csis.org/analysis/best-and-bosom-friends-why-china-russia-ties-will-deepen-after-russias-war-ukraine> (дата обращения: 06.07.2022).

¹¹³ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная система международных отношений переживает стадию трансформации и становления. Вероятно, в настоящее время происходит наиболее активная фаза процессов передела мира, характеризующаяся общим ростом конфликтов, резким усилением влияния фактора силы и анархии в международных процессах.

На теоретическом уровне это отражается в концепции наступательного реализма, которая призвана объяснить поведение великих держав в современных условиях, попытках продолжения распространения идей либеральной демократии как фундаментальной идее обоснования превосходства Запада.

Возрождение России как мировой державы, продолжающийся рост КНР, становление таких стран, как Индия вызывает все более широкие обсуждения относительно будущего мирового порядка, который, вероятно, впервые будет не-западноцентристским, а будет включать в себя несколько центров силы, среди которых США и Запад будут всего лишь одними из них.

В современных международных отношениях происходят фундаментальные сдвиги, связанные не в последнюю очередь с «возрождением» России как великой державы.

Восстановление России как глобального центра силы происходит на фоне постоянно обостряющихся отношений с США и их союзниками, которые стремятся отстоять сформировавшийся после окончания холодной войны западноцентристский мировой порядок.

Конфликты, в которые оказывается втянута Российская Федерация, происходят, по существу, по линии противостояния с Западом, рассматривающим процессы в качестве «ревизионистского» нарушения международного права.

Между тем, Москва видит будущий мировой порядок как альтернативную существующему глобальную цивилизацию, в которой Россия будет одним из центров силы наряду с другими незападными державами, такими как Китай или Индия.

В современных международных отношениях Россия вновь стала великой державой с военной мощью и возможностями проецирования силы, которые гарантируют, что ее интересы нельзя игнорировать.

Китай исторически позиционирует себя как глобальную державу, претендующую на роль ведущего государства мира, олицетворяющего собой целую цивилизацию. КНР уже стала одним из полюсов формирующего нового мирового порядка. И по мере политического и экономического роста Пекин сталкивается со все более жестким сопротивлением США и их союзников.

К числу основных тенденций динамики международного положения КНР можно отнести следующие. Во-первых, дальнейшее укрепление позиций КНР как нового глобального центра силы, который в состоянии бросить вызов доминированию Запада. Во-вторых, на фоне укрепления позиций КНР происходит ухудшение отношений США, которое остается последовательным вне зависимости от администрации Белого дома или смены власти в Пекине. В-третьих, устойчивой тенденцией стало укрепление отношений с Россией, которое стало выходить на уровень стратегического сотрудничества и, возможно, де-факто союза без формального заключения союзного договора.

Отражением положения КНР как глобального центра силы стала инициатива «Пояс и Путь», выдвинутая в 2013 году. Западные эксперты предполагали наличие ключевой геополитической составляющей китайского проекта, отмечая, в том числе, намерение Пекина реализовать геополитическую концепцию Х. Маккиндера относительно владения Хартлендом и склонить ситуацию в мире в свою пользу. В то же время страны-участницы восприняли инициативу КНР с энтузиазмом. Сам проект получил развитие в качестве двух своих главных компонентов – «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

На региональном уровне основной внешнеполитической проблемой КНР является «Китайский Тайбэй». Позиция Пекина заключается в том, что он является неотъемлемой частью страны. Китай настаивает на том, что это его внутреннее дело, и не намерен предоставлять Тайваню возможности для любой формы суверенитета. Тайвань, основным союзником которого являются де-факто США, является еще одной точкой противостояния двух великих держав.

Отношения между РФ и КНР переживают подъем, которые стал логичным следствием возрождения двух великих держав. В 1990-х годах произошла активизация двустороннего сотрудничества, основанная еще на изменениях 1980-х годов. К началу 2000 годов российско-китайские

отношения вышли на уровень стратегического партнерства и доверия. Начиная с 2014 года отношения между РФ и КНР переживают беспрецедентный подъем, вызванные ростом напряженности в отношениях с Западом и вызванной этим переориентацией России в восточном направлении.

Китай и Россия рассчитывают на взаимную поддержку своих взглядов на существующие и формирующиеся международные институты, разделяют общее видение нового мирового порядка, в котором наряду с постепенным смещением власти в Азию будет наблюдаться снижение влияния Запада и его роли как одного из центров силы.

Взаимовыгодное углубление отношений РФ и КНР отвечает интересам обеих держав и к более влиятельной роли как Пекина, так и Москвы на международной арене. Современные российско-китайские отношения достигают беспрецедентного ранее уровня всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в условиях комплексной трансформации геополитических процессов, меняющей расстановку сил в мире.

Российско-китайское экономическое сотрудничество является одной из важнейших основ развития двусторонних отношений. Во многом оно отражает сложившиеся направления всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества.

Торгово-экономические отношения вышли на поступательную траекторию развития сразу же после распада Советского Союза. В 1990-е годы наблюдался устойчивый рост торгово-экономического сотрудничества, создавший основы для выхода в XXI веке на качественно новый уровень.

После введения Западом санкций против России экономическое сближение двух великих держав резко ускорилось. Оно стало проявляться не только на двусторонней основе, но и плане сотрудничества в рамках сопряжения проектов «Пояс и путь» и ЕАЭС, а также в виде инвестиций КНР в российскую Арктику.

Устойчивой тенденцией является сохранение роста товарооборота двух стран с положительным сальдо в пользу России, которое формируется в основном за счет экспорта энергоресурсов и другого сырья. Важным направлением остается военно-техническое сотрудничество.

Россия и Китай являются великими державами с достаточно развитым инструментарием мягкой силы, что положительно сказывается на их возможностях в культурно-гуманитарной сфере. Можно отметить, что это сотрудничество развивается в духе заявленного всеобъемлющего стратегического партнерства.

Между двумя странами налажены связи в области образования, культурных обменов, поддержки в области спортивных мероприятий, кинопроизводства, молодежной политики.

В условиях пандемии COVID-19 основная часть сотрудничества была или «заморожена», или переведена в цифровой формат. Тем не менее, в 2021 году началось постепенное «оживление» работы в данной сфере.

Возобновилось проведение мероприятий, Россия в одностороннем порядке открыла свои границы, в частности, дав возможность китайским студентам, вернувшимся на Родину из-за введенных ограничений, продолжить учебу в российских вузах.

Можно ожидать, что после полного снятия ограничений, прежде всего, с китайской стороны, тенденции роста сотрудничества сохранятся или даже возрастут, прежде всего, в сфере туризма.

Современные отношения между Россией и Китаем характеризуются общим стремлением к выстраиванию нового, более справедливого и демократического мирового порядка. Недовольство доминированием США и Запада в целом носит комплексный характер, и изменение баланса сил в мире происходит в условиях все более жесткой конфронтации.

Причины обострения противостояния лежат в общем пренебрежении США к России и недооценке мирного возвышения Китая. К тому же убеждение в превосходстве Запада подкреплялось недооценкой возможностей стратегического партнерства РФ и КНР.

И Москва, и Пекин сталкиваются с давлением Запада и выражают свое недовольство прозападными международными институтами, односторонними действиями и оценками США, господством в мировой финансовой системе и информационном пространстве.

РФ и КНР находятся в условиях экономического противостояния с Западом. Россия сталкивается с растущими санкциями, в то время как американо-китайские отношения претерпели крайне жесткий период торговой войны в период президентства Д. Трампа и ее негативных последствий, которые угрожают перейти в новый виток конфронтации.

Для России и Китая формирующийся новый мировой порядок означает не только изменения в военном или экономическом балансе сил, он затрагивает и сферу цивилизации и культуры, а также информационное пространство, в рамках которого все более актуализируется вопрос суверенизации интернета.

Российско-китайское сотрудничество эффективно проявляет себя на многосторонней основе. В частности, обе державы постоянно поддерживают друг друга в рамках ООН, и даже при наличии разногласий никогда не обсуждают их публично. Обе державы разделяют мнение относительно главенствующей роли ООН в формирующемся мировом порядке и их сотрудничество является одним из наиболее устойчивых факторов.

Российско-китайское сотрудничество постепенно меняет баланс сил в организациях с участием стран Запада, таких как АТЭС, где в последние годы именно Пекин при поддержке Москвы стремится взять на себя ответственность за создание зоны свободной торговли, и в новых структурах, таких как БРИКС или ШОС, которые сформированы без участия Запада и могут быть признаками структурных изменений в мировой политике и экономике.

В целом, появление новых региональных организаций и структур с участием РФ и КНР постепенно изменяют или даже подрывают функциональные и региональные структуры, монополизированные Западом, уже становясь элементами формирующегося международного порядка. В перспективе эти структуры, даже те из них, которые спроектированы так, чтобы соответствовать современной международной архитектуре и инфраструктуре, могут коренным образом изменять всю систему международных отношений.

Одной из главных проблем дальнейшего развития российско-китайских отношений является кризис на Украине, который уже привел к беспрецедентным по масштабу антироссийским санкциям и ускорению разворота России на восток. Основными вопросами являются степень поддержки Китаем России. Можно отметить нейтралитет Пекина и его понимание озабоченности Москвы вопросами обеспечения безопасности и ее неделимости. Важным аспектом является противодействие санкционной политике, которую КНР осуждает как бессмысленное действие, усугубляющее экономическое положение во всем мире.

Можно отметить, что в условиях кризиса на Украине Россия и Китай продвигают собственные интересы. Китай не планирует собственное вовлечение в конфликт, осуждая любое оказание военной помощи одной из сторон. Если Россия добивается гарантий безопасности и формирования более справедливого мирового порядка, то Китай стремится решить свои собственные стратегические и геополитические проблемы и реализовать открывающиеся возможности.

Определенная динамика наблюдается на уровне регионов, где на фоне противостояния России и Запада трансформируются вызовы и угрозы безопасности, которые неизбежно сказываются на политике двух держав. Традиционные и новые угрозы региональной безопасности требуют от РФ и КНР дальнейшего укрепления сотрудничества и понимания по вопросам регионального взаимодействия.

В целом, в условиях резкого обострения напряженности, включения Китая в разряд угроз для НАТО, противостояния России и Запада очевидным являются назревшие изменения в системе международных отношений. Важнейшим является вопрос, каковыми будут уровень сотрудничества, интересы и положение России и Китая при новом мировом порядке.

Сотрудничество России и Китая переживает последовательный рост, и эта тенденция остается достаточно устойчивой, невзирая на достигаемые масштабы сотрудничества или внешнюю среду. В основе развития сотрудничества лежат взаимодополняемость их экономик и общие подходы к угрозам региональной и международной безопасности на фоне понимания структурных проблем системы международных отношений, сложившейся после распада Советского Союза.

Продолжающийся кризис в отношениях между Россией и Западом, обозначение Западом Китая как своего стратегического противника, в частности, в официальных документах НАТО, стимулирует дальнейшее сближение двух великих держав. Российско-китайское сотрудничество и их видение мира отражает широкое международное недовольство сложившейся системой международных отношений с господством Запада. О растущей поддержке позиции РФ и КНР со стороны незападных стран свидетельствует постепенное формирование и укрепление международных структур без участия стран Запада, таких как БРИКС или ШОС, что, в свою очередь, указывает на возможности глобального лидерства стратегического альянса России и Китая в формируемом новом мировом порядке.

Как представляется, развитие стратегического сотрудничества Москвы и Пекина носит объективный характер, быстрое и разностороннее развитие взаимодействия между ними представляется в сложившихся условиях естественным процессом, на который могут повлиять только внезапные и кардинальные структурные изменения в глобальной политике или в балансе сил между Россией и КНР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая в 2019 г. – URL: [www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/Торговля %20Россия-Китай %202019.pdf](http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/Торговля%20Россия-Китай%202019.pdf) (дата обращения: 14.12.2021).
2. Висковатов В. Амурская железная дорога ; Частная инициатива в переселенческом деле ; Между молотом и наковальней : [статьи]. – СПб. : Тип. Альтшулера, 1908. – 37 с. – (2-я и 3-я статьи перепеч. из: «С.-Петербур. ведом.», 1908. № 168 и 268).
3. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 11.03.2022).
4. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). – URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/ztbdt/XJPFWHSKST/t1077192.htm> (дата обращения: 11.03.2022).
5. Выступление Президента Российской Федерации на встрече «БРИКС плюс». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68700> (дата обращения: 06.07.2022).
6. Выступление Президента Российской Федерации на саммите БРИКС. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68696> (дата обращения: 06.07.2022).
7. Данные статистики ФТС РФ. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 05.05.2022).
8. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 05.05.2022)
9. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР. 14 февраля 1950 года/ URL: <http://doc20vek.ru/node/4212> (дата обращения: 14.12.2021).
10. Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 31 мая 2005 года № 52-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901945334> (дата обращения: 05.05.2022).

11. Записка об Алтайской железной дороге. Г. Барнаул. Февр. 1909 г. – [Барнаул, 1909]. – 14 с. (Без тит.л. и обл.). – 35 см.

12. Заявление по итогам встречи в верхах в Мадриде. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 06.07.2022).

13. Интервью Посла России в Японии М.Ю.Галузина международному информационному агентству «РИА Новости». 13 февраля 2020 года // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/4037024 (дата обращения: 11.03.2022).

14. Канцелярия президента Сирии: Асад попросил у РФ военную помощь для борьбы с террористами. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2304214> (дата обращения: 11.03.2022).

15. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 11.03.2022).

16. Мао Цзэдун. Мао Цзэдун чжуцзо сюаньду [Избранные фрагменты из произведений Мао Цзэдуна]. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1993. – Т. 2.

17. Международные отношения. – URL: <https://www.levada.ru/2022/04/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-6/> (дата обращения: 18.06.2022)

18. Оппенгейм К.А. Систематический указатель узаконений и общих распоряжений по Министерству путей сообщения, относящихся до службы пути и зданий, эксплуатируемых и до постройки новых железных дорог и последовавших с 1860 г. по 1 января 1914 г. – 9-е изд. – М.: Ж.-д. изд-во, 1914. – [4] + XLVII + 231 с. – 27 см.

19. Опубликованы итоги соцопроса «Общественное мнение о Китае и России – 2021». – URL: <https://rg.ru/2022/01/29/opublikovany-itogi-socoprosa-obshchestvennoe-mnenie-o-kitae-i-rossii-2021.html> (дата обращения: 18.06.2022).

20. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. – URL: <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175I40U0K46x4SsKRHGfUO.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

21. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены Распоряжением Правитель-

ства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

22. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 06.07.2022).

23. По вопросу об изыскании способов к безотлагательному сооружению участка Сибирской железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью: В Комитет министров / М-во фин. Особен. канц. по кредит. части. Отд-ние 6. – [СПб., 1880]. – 20 с. (Без тит.л. и обл.). – 34 см.

24. Полный текст выступления Си Цзиньпина на Диалоге высокого уровня по глобальному развитию. – URL: <https://russian.news.cn/20220625/edbebe540fb0406c89ed78119fef51d2/c.html> (дата обращения: 06.07.2022).

25. Россия и Китай: стратегическое партнёрство, ориентированное в будущее. Опубликована статья Владимира Путина для китайского информационного агентства «Синьхуа». 3 февраля 2022 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67694> (дата обращения: 06.07.2022)

26. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155?ysclid=l3sjz7ocmb> (дата обращения: 30.05.2022)

27. Российско-китайские отношения. – URL: <https://www.levada.ru/2021/03/30/rossijsko-kitajskie-otnosheniya/> (дата обращения: 18.06.2022).

28. Речь Президента Трампа о Стратегии национальной безопасности администрации США. – URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-on-the-administrations-national-security-strategy-ru/> (дата обращения: 30.05.2022).

29. Российско-китайская торговля. – URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/trade.ru_cn (дата обращения: 08.04.2022).

30. Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900032> (дата обращения: 04.05.2022).

31. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 05.05.2022).

32. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении

отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Сайт Президента РФ. 22.03.2013. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/1423> (дата обращения: 05.05.2022).

33. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, 2015. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 05.05.2022).

34. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901763237> (дата обращения: 04.05.2022).

35. Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 года (ратифицировано Федеральным законом от 14.10.2016 № 376-ФЗ, вступило в силу 12 ноября 2016 года, письмо МИД России от 22.11.2016 г. № 20737/дп). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201601140019> (дата обращения: 11.03.2022).

36. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 30.05.2022).

37. Совместная статья послов России и Китая в США для Defense One: «Чтите историю во имя лучшего будущего». – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1441001/> (дата обращения: 08.04.2022).

38. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 11.03.2022).

39. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. – URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 05.05.2022).

40. Хроника встреч глав государств Китайской Народной Республики и Российской Федерации. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/52942.htm> (дата обращения: 04.05.2022).

41. Экономическая записка к Проекту Алтайской железной дороги Барнаул-Обь, по изысканиям 1907 года в связи с проектом Туркестан-

Сибирской железной дороги / Ново-Николаевское гор. обществ. упр. – Ново-Николаевск : Тип. Н.П. Литвинова, 1908. – [2] + 45 с.: 1 л. карт. – 35 см.

42. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – СПб., 1882. – С. 261-262.

43. China's Foreign Policy in a Fast Changing World: Mission and Responsibility. Speech by Vice Foreign Minister Le Yucheng At the Lunch Meeting of the Eighth World Peace Forum, 2019. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1679454.shtml (дата обращения: 11.03.2022).

44. Concept Paper on Thematic Issues. – URL: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/zg2022/CPTI/> (дата обращения: 06.07.2022).

45. NATO 2022 Strategic Concept. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 06.07.2022).

46. Qin Gang. Where we stand on Ukraine. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/15/china-ambassador-us-where-we-stand-in-ukraine/> (дата обращения: 06.07.2022).

Литература

47. Абишева А.К. Иммануил Кант: о вечном мире. – URL: <https://articlekz.com/article/7982> (дата обращения: 11.03.2022).

48. Антюхова Е.А. Результативность стратегического курса нато в разрешении региональных конфликтов, вызванных событиями «Арабской весны». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultativnost-strategicheskogo-kursa-nato-v-razreshenii-regionalnyh-konfliktov-vyzvannyh-sobytyami-arabskoj-vesny> (дата обращения: 11.03.2022).

49. Азиатско-тихоокеанское сотрудничество и место России в региональном развитии : сб. докл. / под ред. К.А. Кокарева, Е.В. Супониной, Б.М. Волхонского ; Рос. ин-т стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2014. – 140 с.

50. Алимов Р. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности. – URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 30.05.2022).

51. Амосова А.А., Еремеева А.Д. Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-muzeynaya-deyatelnost-i-turizm> (дата обращения: 05.05.2022).

52. Балакин В.И. Тайвань в системе восточноазиатской интеграции КНР // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. – Вып. XVIII. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 223-231.

53. Балакин В.С., Сяоин Л. КНР И СССР в 1960-е – 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 11-16.

54. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2010. – 256 с.

55. Бордачев Т.В. Новое евразийство: Как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 5.

56. Бобыло А.М., Севастьянов С.В. «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-rossii-aziatsko-tihookeanskiy-vektor> (дата обращения: 08.04.2022).

57. Бубнова Н.И. Новая Стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-administratsii-d-trampa> (дата обращения: 30.05.2022).

58. Будаев А.В., Воронин С.А. Актуальная российская повестка. : материалы научного семинара – круглого стола «В треугольнике: США (Запад) – Китай – Россия. Что за поворотом страны с Запада на Восток». – Вып. № 4. – М. : Наука и политика, 2015. – С. 6-23.

59. Встреча НАТО в верхах 2022 года. – URL: https://www.nato.int/cpr/en/natohq/news_196144.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 06.07.2022).

60. Виноградов А. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949–1976 гг. // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – URL: http://www.perspektivy.info/history/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949_1976_gg_2016-08-15.htm (дата обращения: 14.12.2021).

61. Восточный вектор развития российской экономики был задан задолго до экономических санкций Запада. – URL: <https://www.eg-online.ru/news/271529/> (дата обращения: 30.05.2022).

62. Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии // Сравнительная политика. – 2015. – № 1 (18). – С. 35.

63. Война России с Грузией: хронология 2008 года. – URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/voyna-rossii-s-gruziey-khronologiya-2008-goda> (дата обращения: 11.03.2022).

64. Волошина А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 5 (6). – С. 80-93.

65. Джорбенадзе И. «Подерутся» ли Россия и Китай из-за Узбекистана. – URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2022/06/14/1962235.html> (дата обращения: 06.07.2022).

66. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 2001 года». – URL: <http://rg.ru/2009/03/20/russia-kitaidok.html> (дата обращения: 05.05.2022).

67. Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rossiysko-kitayskom-sotrudnichestve-v-oblasti-obrazovaniya> (дата обращения: 05.05.2022).

68. Жирнов О.А. «Гуманитарная интервенция» НАТО в Косово и ее последствия для мирового сообщества: взгляд из России (обзор). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-interventsiya-nato-v-kosovo-i-ee-posledstviya-dlya-mirovogo-soobshchestva-vzglyad-iz-rossii-obzor> (дата обращения: 11.03.2022).

69. Захарова Ю.О. Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе после холодной войны // V Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». – 2013.

70. Как Россия и Китай собираются нарастить взаимную торговлю до \$200 млрд. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2022/61fd2b419a7947752427d700> (дата обращения: 06.07.2022).

71. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

72. Кант И. К вечному миру // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

73. Кант И. Метафизика нравов. Учения о праве // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_2.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

74. Кикоть-Глуходедова Т.В. Анализ понятий «система национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности» // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 2.

75. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. – М. : ИДВ РАН, 2013.

76. Ковальчук М.А. Государственно-правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта России (1836–1917) / Дальневост. гос. ун-т путей сообщения. – Хабаровск, 2007. – 99 с.

77. Комлева Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и время (Россия). – 2013. – № 1. – С. 18-23.

78. Кортунув А.В. Семь споров о четырнадцати пунктах. / «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок. М. : Центр стратегических разработок, 2018. – С. 6-23.

79. Краткие сведения о Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт МИД КНР. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/shhzzzmsccl/t58354.shtml> (дата обращения: 05.05.2022).

80. Ланда Р. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 1. – С. 154-168.

81. Лагутин М., Богачев А. Российско-китайские отношения в XXI веке // Русская народная линия. – 2014. – 22 января 2014. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/01/22/rossijskokitajskie_otnosheniya_v_xxi_veke/ (дата обращения: 05.05.2022)/

82. Ли Гуаньцзюнь. Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР // Международные отношения. – 2013. – № 8 (4). – С. 469-509.

83. Лисоволик Я. БРИКС как основа нового миропорядка: каковы перспективы? – URL: [<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-kak-osnova-novogo-miroporyadka-kakovy-perspektivy/>] (дата обращения: 30.05.2022).

84. Лузянин С.Г. Измерения российско-китайских отношений в АТ-ЭС. Региональные факторы влияния и взаимодействий. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmereniya-rossiysko-kitayskih-otnosheniy-v-ates-regionalnye-factory-vliyaniya-i-vzaimodeystviy> (дата обращения: 30.05.2022).

85. Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. – М. : ИДВ РАН. – 2011. – Вып. 16.

86. Лузянин С. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «брешы» России? – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/dalnevostochnoe-izmerenie-rossiyskogo-povorota-na-vostok-zakroet-li-kitay-sanktsionnye-bresh-i-rossii/> (дата обращения: 06.07.2022).

87. Лухтерхандт О. Международно-правовые аспекты «грузинской войны». – 2008. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/05940.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

88. Ляруэль М. Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния // *Russie.Nei. Visions.* – 2021. – Апрель. – № 122. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf (дата обращения: 08.04.2022).

89. Манойло А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке // *ПОЛИТЭКС (Россия)*. – 2012. Том 8, № 1. – С. 131-154.

90. Мануков С. Второе дыхание «Одного пояса, одного пути». – URL: <https://expert.ru/2019/08/16/poyas/> (дата обращения: 11.03.2022).

91. Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России. – URL: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-40> (дата обращения: 05.05.2022).

92. Мирошниченко Р.В., Чепцова Н.А. Российско-китайские отношения в XXI веке (проблемы и перспективы экономики и политики) // Материалы II студенческой международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI века». – Новосибирск, 2012. – URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2018-21> (дата обращения: 05.05.2022).

93. Миллер А., Сокольский Р. Как США следует вести себя с Сирией / Московский центр Карнеги. – 2017. – 24 ноября. – URL: <http://carnegie.ru/2017/11/24/ru-pub-74814> (дата обращения: 11.03.2022).

94. Михеев В.В., Луконин С.А. Саммит АТЭС в Пекине и риски российско-китайских отношений. – URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sammit-ates-v-pekine-i-riski-rossiysko-kitayskih-otnosheniy> (дата обращения: 30.05.2022).

95. Михайличенко К. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «один пояс и один путь» как реализация интересов России и

Китая в Арктическом регионе. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-ledovyyu-shelkovyyu-put-v-ramkah-initsiativy-odin-poyas-i-odin-put-kak-realizatsiya-interesov-rossii-i-kitaya-v-arkticheskom-regione> (дата обращения: 25.03.2022).

96. Михайленко Б., Михайленко В. И. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм / М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 330 с.

97. Михеев В.В., Швыдко В.Г. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / авт. кол. ИМЭМО РАН. – М. : Магистр, 2014.

98. Международные отношения. Трансграничное сотрудничество, региональная безопасность в АТР [Текст] : учебное пособие / под общ. ред. д-ра ист. наук Л.Н. Гарусовой ; отв. за вып. канд. ист. наук Н.В. Котляр. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014.

99. Накамура Х. Путь Канта к вечному миру в 21 веке. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/put-kanta-k-vechnomu-miru-v-xxi-veke> (дата обращения: 11.03.2022).

100. Наумкин В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? : сборник статей / отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН ; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М. : ИВ РАН, 2012. – С. 3-20.

101. Наумкин В. Снизу вверх и обратно // Россия в глобальной политике. – 2011. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno/> (дата обращения: 11.03.2022).

102. Орехов А. «Вечный мир» или «вечная война»? (И. Кант versus К. Клаузевиц). – URL: <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Belas1/subor/Orechov.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

103. Песцов С.К. Стратегическое партнёрство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnyorstvo-rossii-i-kitaya-mesto-i-rol-gumanitarnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 08.04.2022).

104. Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений // Российский совет по международным делам. – 2015. – № 20.

105. Петровский В. США, Китай и Россия: о трещинах и швах // Международная жизнь. – 2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27075> (дата обращения: 11.03.2022).

106. Познякова О.Л. Концепция «вечного мира» И. Канта в контексте современных стратегий выживания человечества. URL: <https://uchebnikfree.com/filosofiya-narodov-kniga/kontsepsiya-vechnogo-mira-kanta-kontekste-27643.html> (дата обращения: 11.03.2022)

107. Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-s-kitayskoy-narodnoy-respublikoy-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 05.05.2022).

108. Портяков В.Я. Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2013. – № 18.

109. Президент Узбекистана в ходе Диалога высокого уровня в формате «БРИКС плюс» выступил за широкое международное сотрудничество в достижении Целей устойчивого развития. – URL: <https://russian.news.cn/20220625/abde22bd435e4d01a2b3a446db73aef7/c.html> (дата обращения: 06.07.2022).

110. Примаков Е. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? сборник статей / отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН ; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М. : ИВРАН, 2012. – С. 21-31.

111. Приоритеты Председательства России в БРИКС. – URL: <https://brics-russia2020.ru> (дата обращения: 30.05.2022).

112. Проект «Арктик СПГ 2». – URL: <https://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/> (дата обращения: 25.03.2022).

113. Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. – М. : Известия, 2013.

114. Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов : доклад. – М., 2015. – URL: http://www.politinfo.ru/images/data/gallery/0_8803__muhin_na_pechat_.pdf. (дата обращения: 05.05.2022).

115. Российский арктический регион и глобальные интересы. – URL: <https://lib.ranepa.ru/ru/virtualnye-vystavki/33-rossijskij-arkticheskij-region-i-globalnye-interesy> (дата обращения: 25.03.2022).

116. Российско-китайский диалог: модель 2022 : доклад № 78 / 2022 / [А.В. КОРТУНОВ, К.В. БАБАЕВ, ЧЖАО ХУАШЭН, ЛЮ ХУАЦИНЬ и др. ; под ред. И.Н. Тимофеева, П.В. Бакулиной, Е.О. Карпинской и др.] ; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2022. – 82 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2022-Report78.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

117. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 10-12 июня 2011 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011.

118. Россия и КНР – стратегия взаимодействия – Геополитическая стратегия Российской Федерации (Ч. III.4). – URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=141&Itemid=55 (дата обращения: 04.05.2022).

119. Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов : доклад. – М., 2015. – URL: http://www.politinfo.ru/images/data/gallery/0_8803_muhin_na_rechat_.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

120. Санникова С.С. Развитие системы обеспечения национальной безопасности в России // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 66.

121. Саликов А.Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/interpretatsiya-idey-traktata-k-vechnomu-i-miru-i-kanta-v-sovremennoy-liberalnoy-teorii-demokraticheskogo-mira> (дата обращения: 11.03.2022).

122. Саликов А.Н. Кантовский проект вечного мира и проект Европейского Союза. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kantovskiy-proekt-vechnogo-mira-i-proekt-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 11.03.2022).

123. Се Тао. Внешняя политика Китая «по Си Цзиньпину». // Московский центр Карнеги, 2018. – URL: <https://carnegie.ru/2018/01/23/ru-pub-75325> (дата обращения: 11.03.2022).

124. Селезнева Н. Актуальное состояние российско-китайского гуманитарного сотрудничества. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/culture/aktualnoe-sostoyanie-rossiysko-kitayskogo-gumantarnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.05.2022).

125. Сморгунова В. Ю. Англо-американский либерализм как основание западной модели гражданского общества: теоретико-правовой анализ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglo-amerikanskiy-liberaliz>

m-kak-osnovanie-zapadnoy-modeli-grazhdanskogo-obschestva-teoretiko-pravo-voyu-analiz (дата обращения: 11.03.2022).

126. Сотрудничество в области безопасности в рамках ШОС (Справочный материал). – URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939205 (дата обращения: 30.05.2022).

127. Сыроежкин К. К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан. Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/16/ru-pub-52988> (дата обращения: 11.03.2022).»

128. "Сообщество общей судьбы» Китай-АСЕАН («Женьминь Жибао», Китай). – URL: <http://rodon.org/polit-131009112938> (дата обращения: 11.03.2022).

129. Тардые Ж.-Ф. Россия и страны «Восточного партнерства» после войны в Грузии. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_tardieu_eastern_partnershp_after_georgia_war_rus_july2009.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

130. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения на современном этапе их развития. – 2015. – № 12. – URL: <http://www.amursu.ru/attachments/article/11560/10.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

131. Тимофеев И. Железная рука в бархатной перчатке: принципы, определившие американский век. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zheleznaya-ruka-v-barkhatnoy-perchatke-printsipy-opredelivshie-amerikanskiy-vek/> (дата обращения: 11.03.2022).

132. Тимофеев А. Роль Транссиба в государственной миграционной политике России (1891–1914 гг.) // Исторические науки. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 57-63. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-transsiba-v-gosudarsvennoy-migratsionnoy-politike-rossii-1891-1914-gg/viewer> (дата обращения 03.04.2020).

133. Титов Д. Россия в АТЭС: все коридоры ведут в Китай. – URL: <https://www.eg-online.ru/article/264108/> (дата обращения: 30.05.2022).

134. Токарев А.А. Влияние государственности на эволюцию политических режимов Грузии и Украины в 1921–2014 годах : монография / А.А. Токарев ; МГИМО (У) МИД России, Ин-т междунар. исследований, Центр глобальных проблем. – Москва : МГИМО-Университет, 2015. – 310 с.

135. Турицын И.В., Рау И. Особенности современных отношений КНР и Японии в контексте краткой ретроспективы китайско-японского взаимодействия. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennyh-otnosheniy-knr-i-yaponii-v-kontekste-kratkoj-retrospektivy-kitaysko-yaponskogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 11.03.2022).

136. Угрозы безопасности в АТР: пути и перспективы решения : материалы междунар. научно-практич. конф., 11–12 декабря 2014 г. / [ред. кол.: Е. Федичкина Трейси, Т.А. Шаклеина, Л.Н. Гарусова, В.А. Номоконов, Т.Г. Троякова, И.С. Майоров, А.В. Губин, И.Н. Золотухин, М.П. Першина, А.А. Кулинич, И.Ю. Зуенко]. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2014. – URL: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-naucno-issledovatel'skoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs> (дата обращения: 10.02.2022).

137. «Уничтожение России»: Соловьев рассказал о планах США. – URL: <https://news.rambler.ru/world/44883033-unichtozhenie-rossii-solovev-rasskazal-o-planah-ssha/> (дата обращения: 11.03.2022).

138. Уилсон Дж. Л. Российско-китайские отношения в постсоветское время. – Лондон, 2012.

139. Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 5 (38).

140. Федоров А. Ледовый шелковый путь: сотрудничество России и Китая. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78396/1/978-5-6041789-8-0_2019_012.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

141. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2005. – 592 с.

142. Чэнь Сяочэнь, Чжан Гинтин. «Ледовый шелковый путь». – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (дата обращения: 25.03.2022).

143. Цзоу Лихуэй, Лейченко О.Ф., Печерица В.Ф. Международное российско-китайское взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и региональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-rossijsko-kitayskoe-vzaimodeystvie-v-ramkah-organizatsii-obedinennyh-natsiy-oon-i-regionalnoy-shanhayskoj-organizatsii> (дата обращения: 30.05.2022).

144. Цыганков П.А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866972/Tsygankov.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

145. Цыганков П.А. Либерализм в российской теории международных отношений. – URL: <http://www.politnauka.org/library/mpimo/tsygankov.php> (дата обращения: 11.03.2022).

146. Шлындов А. О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – № 2.

147. Эксклюзив: БРИКС может стать локомотивом мировой экономики -- замглавы Минпромторга РФ. – URL: <https://russian.news.cn/20220624/6fa2d0d13a504b96a8728982dc15072a/c.html> (дата обращения: 06.07.2022).

148. Эксклюзив: БРИКС зарекомендовал себя как состоявшийся формат для обсуждения ключевых мировых проблем -- российский эксперт. – URL: <https://russian.news.cn/20220625/9a60342f442d4198a0e1f75d44b38615/c.html> (дата обращения: 06.07.2022).

149. Ямал СПГ. – URL: <http://yamalng.ru/> (дата обращения: 25.03.2022)

150. Abdullah Alghadawi. Russia's failed efforts to restructure the Syrian army. – URL: <https://www.mei.edu/publications/russias-failed-efforts-restructure-syrian-army> (дата обращения: 11.03.2022).

151. Andrew Beddow. Immanuel Kant and the Myth of Perpetual Peace. – National Interest (USA), August 28, 2017. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/immanuel-kant-the-myth-perpetual-peace-22087> (дата обращения: 11.03.2022).

152. Andrey Panevin. The Sino-Russian relationship is being misunderstood, 2019. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/sino-russian-relationship-being-misunderstood> (дата обращения: 08.04.2022).

153. Andrew Radin, Andrew Scobell, Elina Treyger, J.D. Williams, Logan Ma, Howard J. Shatz, Sean M. Zeigler, Eugeniu Han, Clint Reach. China-Russia Cooperation. Determining Factors, Future Trajectories, Implications for the United States. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3067.html (дата обращения: 06.07.2022).

154. Anna Borshchevskaya, Lester Grau, Michael McFaul. The Future of Putin's War in Syria. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/future-putins-war-syria> (дата обращения: 30.05.2022).

155. Alexander Cooley and Daniel Nexon. Exit from Hegemony: The Unravelling of American Global Order. Oxford Scholarship Online, 2020. – URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190916473.001.0001/oso-9780190916473> (дата обращения: 30.05.2022).

156. Akshay Mathur. The future of BRICS. – URL: <https://www.orfonline.org/research/the-future-of-brics/> (дата обращения: 30.05.2022).
157. APEC and the Rise of China. – URL: <https://www.worldscientific.com/worldscibooks/10.1142/7991> (дата обращения: 30.05.2022).
158. APEC: Xi says China has no intention of 'decoupling'. – URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/APEC-Xi-says-China-has-no-intention-of-decoupling> (дата обращения: 30.05.2022).
159. Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC). – URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-organizations/asia-pacific-economic-cooperation-apec> (дата обращения: 11.03.2022).
160. Alexey Volynets. Why Russia built the Trans-Siberian Railway. – URL: https://www.rbth.com/multimedia/culture/2017/01/12/why-russia-built-the-trans-siberian-railway_679608 (дата обращения 03.04.2020).
161. Angela Stent. The impact of September 11 on US-Russian relations. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-fromchaos/2021/09/08/the-impact-of-september-11-on-us-russian-relations/> (дата обращения: 11.03.2022).
162. Arab Spring. Pro-Democracy Protests // Encyclopedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/event/Arab-Spring> (дата обращения: 11.03.2022).
163. Arab Spring // Collins Dictionary, 17.06.2020. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/arab-spring> (дата обращения: 11.03.2022).
164. Arab Spring // Macmillan Dictionary. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/the-arab-spring> (дата обращения: 11.03.2022).
165. Beckley M. Enemies of me Enemy // Foreign Affairs. – 2022. – March – April. – Volume 101, № 2. – P. 68-85.
166. BRICS Evolution Vision: Institutionalization, Enlargement and Outreach Technologies. – URL: http://www.nkibrics.ru/system/assetdocs/data/5568/7b19/6272/693b/d15b/0000/original/Olive_Shisana_Session10.pdf?1432910617 (дата обращения: 30.05.2022).
167. Clover, C., and L. Horny. China's Great Game: Road to a new empire. Financial Times 12 October, 2015. – URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/6e098274-587a-11e5-a28b-50226830d644.html#axzz4E2lfcрOT> (дата обращения: 11.03.2022).

168. Colin I. Bradford. Perspectives on the future of the global order. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2022/05/04/perspectives-on-the-future-of-the-global-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

169. China-Russia relations: A quantum leap? – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729349/EPRS_BRI\(2022\)729349_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729349/EPRS_BRI(2022)729349_EN.pdf) (дата обращения: 30.05.2022).

170. China, Russia Stand Firm In ‘New, Fair, Multipolar World Order’. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-russia-stand-firm-in-new-fair-multipolar-world-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

171. China takes spotlight at АПЕС. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1207422.shtml> (дата обращения: 30.05.2022).

172. China's Participation in АПЕС Significant: Minister. – URL: <http://www.china.org.cn/english/20580.htm> (дата обращения: 30.05.2022).

173. China and Russia are building bridges. The symbolism is intentional. – URL: <https://www.9news.com.au/world/russia-ukraine-updates-china-and-russia-are-building-bridges-the-symbolism-is-intentional/256b131b-2a56-417e-a80d-df1de13e64be> (дата обращения: 06.07.2022).

174. COVID-19 Trade Challenges a Chance to Refresh Asia-Pacific Integration: Report. – URL: <https://www.apesc.org/press/news-releases/2022/covid-19-trade-challenges-a-chance-to-refresh-asia-pacific-integration-report> (дата обращения: 30.05.2022).

175. Clifton A. NSR programme presents: Strategic communications and China’s Belt and Road Initiative. – URL: <https://www.lai.lv/viedokli/nsr-programme-presents-strategic-communications-and-chinas-belt-and-road-initiative-705> (дата обращения: 11.03.2022).

176. Christine Huang, Laura Silver and Laura Clancy. China’s Partnership With Russia Seen as Serious Problem for the U.S. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/04/28/chinas-partnership-with-russia-seen-as-serious-problem-for-the-us/> (дата обращения: 18.06.2022).

177. Chung, C.P. What are the strategic and economic implications for South Asia of China’s maritime silk road initiative? // Pac. Rev. – 2017. – № 31. – P. 315-332.

178. Danielly Silva Ramos Becard. Chinese Cultural Diplomacy: instruments in China’s strategy for international insertion in the 21st Century. – URL: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0034-73292019000100205 (дата обращения: 08.04.2022).

179. David O. Shullman. Best and Bosom Friends: Why China-Russia Ties Will Deepen after Russia's War on Ukraine. – URL <https://www.csis.org/analysis/best-and-bosom-friends-why-china-russia-ties-will-deepen-after-russias-war-ukraine> (дата обращения: 06.07.2022).

180. David Uren. Can BRICS become the anti-G7 that Russia and China want it to be? – URL: <https://www.aspistrategist.org.au/can-brics-become-the-anti-g7-russia-and-china-want-it-to-be/> (дата обращения: 06.07.2022).

181. David Hutt. What the Chinese really think about Russia and America-. – URL: <https://asiatimes.com/2022/05/what-the-chinese-really-think-about-russia-and-america/> (дата обращения: 18.06.2022).

182. David Bandurski. China and Russia are joining forces to spread disinformation. – URL: <https://www.brookings.edu/techstream/china-and-russia-are-joining-forces-to-spread-disinformation/> (дата обращения: 30.05.2022).

183. David Lewis. Strategic Culture and Russia's 'Pivot to the East: 'Russia, China, and 'Greater Eurasia // Marshall Center Security Insight/ – 2019. – July. – No. 34 – URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0> (дата обращения: 30.05.2022).

184. Duncan Bell. Liberal internationalism. – URL: <https://www.britannica.com/topic/liberal-internationalism> (дата обращения: 11.03.2022).

185. Export controls against Russia are working – with the help of China. – URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-help-china> (дата обращения: 06.07.2022).

186. Enda Curran, Ben Bartenstein and Lizzy Burden. How Goldman's BRICs Flew Then Faded in Two Decades. – URL: <https://www.bloomberg.com/features/brics-emerging-markets-jim-o-neill-2021/> (дата обращения: 30.05.2022).

187. Eugene Rumer. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None. – URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233> (дата обращения: 11.03.2022).

188. Eva Gross. BRICS – what's in a name? – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_44_BRICS.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

189. Eleanor Albert. Xi Champions Multilateralism at SCO Amid COVID Concerns and Sino-Indian Tensions. – URL: <https://thediplomat.com/2020/>

11/xi-champions-multilateralism-at-sco-amid-covid-concerns-and-sino-indian-tensions/ (дата обращения: 30.05.2022).

190. Frank Kuhn. Offensive Realism and the Rise of China: A Useful Framework for Analysis? – URL: <https://www.e-ir.info/2021/07/09/offensive-realism-and-the-rise-of-china-a-useful-framework-for-analysis/> (дата обращения: 30.05.2022).

191. Hans Morgenthau and Kenneth Thompson. Politics Among Nations. – 6th edition. – New York : McGraw-Hill, 1985.

192. Haiqing Huang. China's image in the Belt and Road Initiative: case study of Pakistan and India. – URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8960031&fileId=8960032> (дата обращения: 08.04.2022).

193. Henry Kissinger. Moscow and Beijing: A Declaration of Independence // Washington Post. –1996. – May 14. – URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1996/05/14/moscow-and-beijing-a-declaration-of-independence/e9ab3123-89b5-4efe-874b-f20af679698c/> (дата обращения: 30.05.2022).

194. Howard W. French. China's Policies Toward Hong Kong and Taiwan Are Driving a Slow-Motion Catastrophe. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28470/china-s-policies-toward-hong-kong-and-taiwan-are-driving-a-slow-motion-catastrophe> (дата обращения: 11.03.2022)

195. How a Rising China Has Remade Global Politics. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27828/how-a-rising-china-has-remade-global-politics> (дата обращения: 11.03.2022)

196. Iliya Kusa. China's Strategic Calculations in the Russia-Ukraine War. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/chinas-strategic-calculations-russia-ukraine-war> (дата обращения: 06.07.2022).

197. Ilya Matveev. Russia and China are moving closer together. Is this a new world order? – URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-china-relationship-new-world-order/> (дата обращения: 30.05.2022).

198. IR Offensive Realist John Mearsheimer Blames US, NATO for Russia's Invasion of Ukraine. – URL: <https://www.statecraft.co.in/article/ir-offensive-realist-john-mearsheimer-blames-us-nato-for-russia-s-invasion-of-ukraine> (дата обращения: 16.06.2022).

199. Joseph Dresen. The Prospects for a Sino-Russian Strategic Partnership. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-prospects-for-sino-russian-strategic-partnership> (дата обращения: 06.07.2022).

200. Julian Snelder. Mearsheimer's big question: Can China rise peacefully? – URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/mearsheimers-big-question-can-china-rise-peacefully> (дата обращения: 11.03.2022).

201. Jonathan E. Hillman. China and Russia: Economic Unequals. – URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals> (дата обращения: 05.05.2022).

202. James D. Sidaway, Chih Yuan Woon. Chinese Narratives on “One Belt, One Road” (一帶一路) in Geopolitical and Imperial Contexts. – URL: [https://ap4.fas.nus.edu.sg/fass/geojds/intro/chinese %20narratives %20on %20one %20belt %20one %20road %20in %20geopolitical %20and %20imperial %20contexts.pdf](https://ap4.fas.nus.edu.sg/fass/geojds/intro/chinese%20narratives%20on%20one%20belt%20one%20road%20in%20geopolitical%20and%20imperial%20contexts.pdf) (дата обращения: 11.03.2022).

203. Japan shifts to hard-line stance on territorial dispute with Russia. – URL: <https://english.kyodonews.net/news/2022/04/ec6a12f6bf03-japan-readopt-hard-line-stance-on-territorial-dispute-with-russia.html> (дата обращения: 11.03.2022).

204. Julian Snelder. Mearsheimer's big question: Can China rise peacefully? – URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/mearsheimers-big-question-can-china-rise-peacefully> (дата обращения: 11.03.2022).

205. James D. Sidaway, Chih Yuan Woon. Chinese Narratives on “One Belt, One Road” (一帶一路) in Geopolitical and Imperial Contexts. – URL: [https://ap4.fas.nus.edu.sg/fass/geojds/intro/chinese %20narratives %20on %20one %20belt %20one %20road %20in %20geopolitical %20and %20imperial %20contexts.pdf](https://ap4.fas.nus.edu.sg/fass/geojds/intro/chinese%20narratives%20on%20one%20belt%20one%20road%20in%20geopolitical%20and%20imperial%20contexts.pdf) (дата обращения: 11.03.2022).

206. Jonathan Kirshner. The tragedy of offensive realism: Classical realism and the rise of China. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1354066110373949> (дата обращения: 11.03.2022).

207. Jonathan E. Hillman. China and Russia: Economic Unequals. – URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals> (дата обращения: 05.05.2022).

208. Jonny Hall & Hugh Sandeman. NATO’s Resilience: The first and last line of defence. May, 2022. – URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/2022-SU-NATO-HallSandeman.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

209. Jun Kumakura. Deepening Russia-China Relations – Russia's Growing Presence. – URL: <https://www.jiia.or.jp/en/column/2022/02/russia-fy2021-06.html> (дата обращения: 06.07.2022).

210. Kan, Shirley A. China/Taiwan: Evolution of the “One China” Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. – URL <https://fas.org/sgp/crs/row/RL30341.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

211. Kadri Lilik. It’s complicated: Russia’s tricky relationship with China. – URL: <https://ecfr.eu/publication/its-complicated-russias-tricky-relationship-with-china/> (дата обращения: 17.06.2022).

212. Karlusov V., Yarkov D. Russia and China: Interests, Potential and Prospects of Interaction in the Arctic. *International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET)*, Volume 10, Issue 02, February 2019, pp. 1740–1746, Article ID: IJCIET_10_02_168. – URL: <http://www.iaeme.com/ijmet/issues.asp?JType=IJCIET&VType=10&IType=2> (дата обращения: 25.03.2022).

213. Kataryna Wolczuk, Rilka Dragneva. Putin’s Eurasian dream may soon become a nightmare. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/05/putins-eurasian-dream-may-soon-become-nightmare> (дата обращения: 30.05.2022).

214. Katarzyna W. Sidło. The Role of China in the Middle East and North Africa (MENA). Beyond Economic Interests? – URL: <https://www.iemed.org/publication/the-role-of-china-in-the-middle-east-and-north-africa-mena-beyond-economic-interests/> (дата обращения: 30.05.2022).

215. Keohane R.O., Nye J.S. (J.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.

216. Kimberly Amadeo. NATO, Its Purpose, History, and Members. – URL: <https://www.thebalance.com/nato-purpose-history-members-and-alliances-3306116> (дата обращения: 11.03.2022).

217. Kurt M. Campbell and Mira Rapp-Hooper. China Is Done Biding Its Time // *Foreign Affairs (USA)*, 2020. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-07-15/china-done-biding-its-time> (дата обращения: 11.03.2022).

218. Le Tian. Sino-Russian relations within the SCO framework, 2018. – URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d774d3063544f77457a6333566d54/share_p.html (дата обращения: 11.03.2022).

219. Li Xing and Zhang Shengjun. Interdependent Hegemony. – URL: <https://www.worldscientific.com/doi/epdf/10.1142/S237774001850015X> (дата обращения: 11.03.2022).

220. Liu, X. M. New Silk Road is an opportunity, not a threat. *Financial Times* 24 May, 2015. – URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/c8f58a7c-ffd6-11e4-bc30-00144feabdc0.html#axz z4E2lfcрOT> (дата обращения: 11.03.2022).

221. Liu Liping. China can hardly rule the world // Contemporary International Relations. – 2011. – Jan./Feb. – Vol. 21, no. 1. – P. 1-14.

222. Lily Kuo and Vic Chiang. Wary of China threat, Taiwanese join Ukraine's fight against Russia. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/07/03/taiwan-fighters-ukraine-war-russia-china-threat/> (дата обращения: 06.07.2022).

223. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001. – 160 p.

224. Mearsheimer J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – Yale University Press, 2018. – 328 p.

225. Mercy A. Kuo. China's New World Order: Partners and Profit. – URL: <https://thediplomat.com/2018/05/chinas-new-world-order-partners-and-profit/> (дата обращения: 11.03.2022).

226. Marcin Kaczmarski. Which Russia-China Relationship Will Emerge After the War? – URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/which-russia-china-relationship-will-emerge-after-war-34895> (дата обращения: 06.07.2022).

227. Marc Saxer. The coming world order. – URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/the-return-of-geo-economics-5874/> (дата обращения: 30.05.2022).

228. Marc Lanteigne. Security Challenges in the Shanghai Cooperation Organisation: Widening vs Deepening. – URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/security-challenges-shanghai-cooperation-organisation-widening-vs-deepening-21831> (дата обращения: 30.05.2022).

229. Meeting of BRICS High Representatives for Security Issues. – URL: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/zdhzlyhjz/MBHRSI/> (дата обращения: 06.07.2022).

230. Michael Beckley. China's Century? Why America's Edge Will Endure // International Security 36, no. 3 (Winter 2011/2012):41–78

231. Michael Clarke, Matthew Sussex. The U.S.-China Rivalry According to China. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/30238/the-conflicting-viewpoints-behind-u-s-tensions-with-china-сср> (дата обращения: 11.03.2022).

232. Mona Yacoubian. What is Russia's Endgame in Syria? – URL: <https://www.usip.org/publications/2021/02/what-russias-endgame-syria> (дата обращения: 11.03.2022)

233. Mohammadbagher Forough. What Will Russia's Invasion of Ukraine Mean for China's Belt and Road? – URL: <https://thediplomat.com/2022/03/what-will-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 06.07.2022).

234. Nivedita Kapoor. BRICS and its future: The challenges of multilateralism. – URL: [<https://www.orfonline.org/expert-speak/brics-future-challenges-multilateralism-66053/>] (дата обращения: 30.05.2022).

235. Nicolas Bouchet. The Impact of the War in Ukraine on the Transatlantic Relationship. – URL: <https://www.gmfus.org/news/impact-war-ukraine-transatlantic-relationship> (дата обращения: 06.07.2022).

236. Olga Alexeeva and Frédéric Lasserre. The Evolution of Sino-Russian Relations as Seen from Moscow: The Limits of Strategic Rapprochement. – URL: <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/8197> (дата обращения: 05.05.2022).

237. Olaf Wientzek. Cooperation Between Russia and China in Multilateral Organizations: A Tactical or a Strategic Alliance? – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_12#auth-Olaf-Wientzek (дата обращения: 06.07.2022).

238. President Xi at Apec: China pledges to open up its 'super-sized' economy. – URL: <https://www.bbc.com/news/business-54997193> (дата обращения: 30.05.2022).

239. Paul Belkin. Assessing NATO's Value. Congressional Research Service. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45652.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

240. Politico: саммит G7 провалился и стал самым неудачным за последние годы. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/06/29/929086-sammit-g7-provalilsya> (дата обращения: 06.07.2022).

241. Robert Berls Jr. Strengthening Russia's Influence in International Affairs, Part I: The Quest for Great Power Status. – URL: <https://www.thebalance.com/nato-purpose-history-members-and-alliances-3306116> (дата обращения: 11.03.2022).

242. Robin Shepherd. Dangerous liaison: U.S. and allies target China-Russia ties. – URL: <https://www.politico.com/newsletters/politico-china-watcher/2022/07/07/dangerous-liaison-u-s-and-allies-target-china-russia-ties-00044380> (дата обращения: 08.07.2022).

243. Rational Theory of International Politics: The Logic of Competition and Cooperation, Charles L. Glaser, Princeton University Press, 2010.

244. Richard Weitz. The SCO and NATO Compared. – URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/the-sco-and-nato-compared> (дата обращения: 30.05.2022).

245. Robert E. Hamilton. Russia's Forever Wars: Syria and the Pursuit of Great Power Status. – URL: <https://www.fpri.org/article/2021/09/russias-forever-wars-syria-and-the-pursuit-of-great-power-status/> (дата обращения: 11.03.2022).

246. Russia, America, and Security in the Asia-Pacific. – URL: [https://apcss.org/Publications/Edited %20Volumes/RussiaAmSec/Russia-America-Security.pdf](https://apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RussiaAmSec/Russia-America-Security.pdf) (дата обращения: 14.12.2021).

247. Russia's Pivot to China – Geopolitics, Trade, and Development in the Wake of the Ukraine Conflict. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/russias-pivot-to-china-geopolitics-trade-development-in-the-wake-of-the-ukraine-conflict/> (дата обращения: 05.05.2022).

248. Russia's China Trade Up 28.7 % In Q1 2022. – URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-s-china-trade-up-28-7-in-q1-2022.html/> (дата обращения: 06.07.2022).

249. Ryan Hass and Abraham Denmark. More pain than gain: How the US-China trade war hurt America. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/08/07/more-pain-than-gain-how-the-us-china-trade-war-hurt-america/> (дата обращения: 30.05.2022).

250. Sara Hsu. The US-China Trade War Is Still Happening. – URL: <https://thediplomat.com/2021/03/the-us-china-trade-war-is-still-happening/> (дата обращения: 30.05.2022).

251. Stephen Aris. Russian–Chinese Relations through the Lens of the SCO. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Ifri_RNV_Aris_SCO_Eng.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

252. Sandrine Amiel. What's BRICS for and does it still make sense?. – URL: <https://www.euronews.com/2019/11/13/what-s-brics-for-and-does-it-still-make-sense-euronews-answers> (дата обращения: 30.05.2022).

253. Samuel Charap, Elina Treyger, Edward Geist. Understanding Russia's Intervention in Syria. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3180.html (дата обращения: 11.03.2022).

254. Scott D. Sagan and Kenneth N. Waltz. The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed. – New-York: W.W. Norton, 2003.

255. Sridharan E. International Relations Theory and South Asia: Security, Political Economy, Domestic Politics, Identities, and Images. – Oxford University Press, 2015.

256. Shadi Hamid. Islamism, the Arab Spring, and the Failure of America's Do-Nothing Policy in the Middle East. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/middle-east-egypt-us-policy/409537/> (дата обращения: 30.05.2022).

257. Sverrir Steinsson. John Mearsheimer's Theory of Offensive Realism and the Rise of China. – URL: <https://www.e-ir.info/2014/03/06/john-mearsheimers-theory-of-offensive-realism-and-the-rise-of-china/> (дата обращения: 16.06.2022).

258. Scott Lucas. Russia and Syria: bound together in a mission that is far from accomplished. – URL: <https://theconversation.com/russia-and-syria-bound-together-in-a-mission-that-is-far-from-accomplished-165345>.

259. Stanislaw Skarzynski and Daniel Wong. Is Putin's Russia Seeking a New Balance Between China and the West? // Diplomat, 2020. – URL: <https://thediplomat.com/2020/08/is-putins-russia-seeking-a-new-balance-between-china-and-the-west/> (дата обращения: 11.03.2022).

260. Sean Golden. The US and China in the new global order. – URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/opinion/seguridad_y_politica_mundial/the_us_and_china_in_the_new_global_order (дата обращения: 11.03.2022).

261. Swaine M. Chinese Views and Commentary on the “One Belt, One Road” Initiative. – URL: <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm47ms.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

262. Tsuruoka Michito. Why Japan Is Getting Tough on Russia Now. – URL: <https://thediplomat.com/2022/06/why-japan-is-getting-tough-on-russia-now/> (дата обращения: 11.03.2022).

263. The Russian Military's Lessons Learned in Syria. – URL: <https://www.understandingwar.org/report/russian-military-%E2%80%99s-lessons-learned-syria> (дата обращения: 11.03.2022).

264. The Evolution of BRICS. – URL: https://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/217615/8/08_chapter%203.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

265. The War in Ukraine Is Testing China's New Partnership With Russia. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/30366/the-ukraine-russia-war-is-testing-china-russia-relations> (дата обращения: 06.07.2022).

266. Trym Eiterjord. What Does Russia's Invasion of Ukraine Mean for China in the Arctic? – URL: <https://thediplomat.com/2022/03/what-does-russias-invasion-of-ukraine-mean-for-china-in-the-arctic/> (дата обращения: 06.07.2022).

267. U.S. Sanctions on Russia. – URL: <https://thediplomat.com/2021/03/the-us-china-trade-war-is-still-happening/> (дата обращения: 30.05.2022).

268. U.S. Support for the New Silk Road. – URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm> (дата обращения: 30.05.2022).

269. Velina Tchakarova. Enter the ‘DragonBear’: The Russia-China Partnership and What it Means for Geopolitics. – URL: <https://www.orfonline.org/research/enter-the-dragonbear/> (дата обращения: 06.07.2022).

270. What Are the Key Strengths of the China-Russia Relationship? – URL: <https://chinapower.csis.org/china-russia-relationship-strengths-benefit/> (дата обращения: 05.05.2022).

271. Waltz K. Theory of International Politics. – New-York : McGraw-Hill, 1979.

272. What a Military Alliance Between Russia and China Would Mean for NATO. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-97012-3_13 (дата обращения: 06.07.2022).

273. Xi touts China's huge economy as base of free trade in Apec speech. – URL: <https://www.bangkokpost.com/world/2022263/xi-touts-chinas-huge-economy-as-base-of-free-trade-in-apec-speech> (дата обращения: 30.05.2022)

274. Yamei Xue, Benjamin Mwadi Makengo. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. – URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=112637> (дата обращения: 30.05.2022).

275. Yu Ning. Will Russia-Ukraine conflict prelude the end of US-led world order? – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202205/1265651.shtml> (дата обращения: 30.05.2022).

276. Yana Leksyutina. Understanding a New Era in Russia-China Relations, 2020. – URL: <https://www.institutfuersicherheit.at/understanding-a-new-era-in-russia-china-relations/> (дата обращения: 11.03.2022).

277. Yang Jin. China-Russia ties cornerstone of global strategic stability. // Global Times. 2020/7/15. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1194586.shtml> (дата обращения: 11.03.2022).

278. Yun Sun. China's Strategic Assessment Of Russia: More Complicated Than You Think. – URL: <https://warontherocks.com/2022/03/chinas-strategic-assessment-of-russia-more-complicated-than-you-think/> (дата обращения: 06.07.2022).

279. Zhuoran Li. China's Diplomatic Campaign Following Russia's Ukraine Invasion. – URL: <https://thediplomat.com/2022/06/chinas-diplomatic-campaign-following-russias-ukraine-invasion/> (дата обращения: 06.07.2022).

Научное издание

Янь Цзин
Хань Вэйе

**Современные российско-китайские отношения
и их влияние на формирование
нового мирового порядка**

Подписано в печать 02.09.2022 г.

Формат 60×84 / 16. Усл. печ. л. 16,62. Уч.-изд. л. 18,98.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–25). Заказ 229.

Дальневосточный федеральный университет
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)